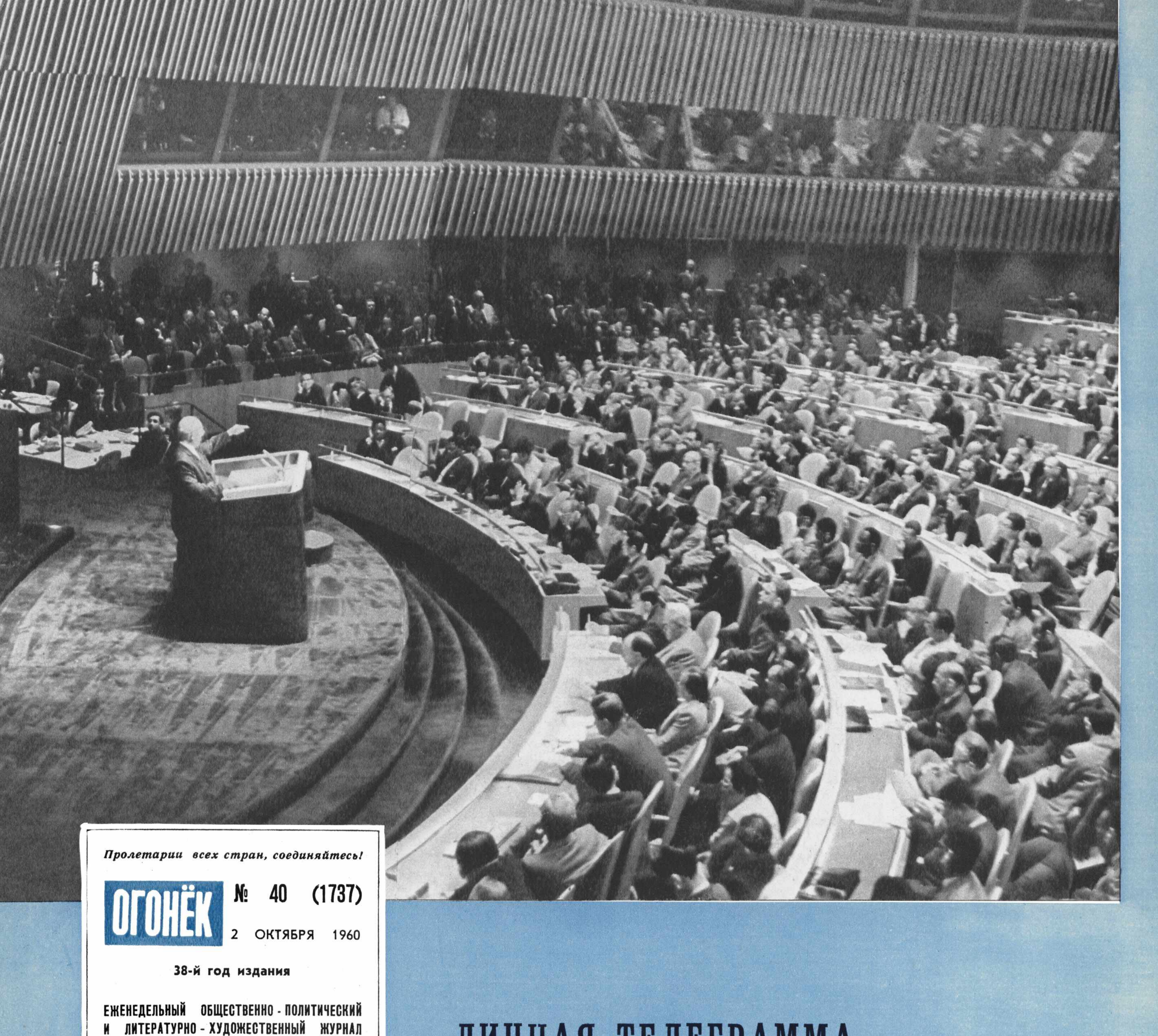

ОГОНЁК

№ 40 ОКТЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРОЧНЫЙ МИР НА ЗЕМЛЕ МОЖЕТ БЫТЬ УСТАНОВЛЕН ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА БУДЕТ ВЫБРОШЕНО ОРУЖИЕ.

Н. С. ХРУЩЕВ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 40 (1737)

2 ОКТЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЛИЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

XV СЕССИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН
Н. С. ХРУЩЕВУ

Я дома, по радио, речь Вашу слушал.
Мне светлые чувства заполнили душу.

Казалось, дрожат интервентские дула.
Казалось, что Африка вольно вздохнула.

Казалось, встают патриоты Алжира
И гонят господ, одуревших от жира.

Казалось, любые рогатки сметая,
Заходят в ООН делегаты Китая,

А в мирной одежде, сработанной грубо,
Берется за плуг бородатая Куба.

И встала земля перед мысленным взором,
Где места не будет кровавым раздорам,

Где высохнут слезы, расправятся плечи...
И я аплодировал всей Вашей речи.

Она громогласней весеннего грома.
Она для агрессоров — вроде разгрома.

Она безраздельно уже завладела
Сердцами борцов за рабочее дело.

Сергей СМИРНОВ
23 сентября 1960 года.

Генеральная Ассамблея ООН слушает выступление главы советской делегации Н. С. Хрущева.

ВАШИ СЛОВА—НАШИ ДУМЫ, НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ!

На мою долю выпала большая честь: мне поручили набирать текст выступления Никиты Сергеевича Хрущева на XV сессии Генеральной Ассамблеи. Слова Никиты Сергеевича западали глубоко в душу, будили самые разнообразные чувства: гордость за великую мирную инициативу нашего народа, гнев против колонизаторов и поджигателей войны, уверенность в неизбежной окончательной победе сил мира.

Я уверен, что с этими чувствами читали номер «Правды» от 24 сентября и все подписчики нашей газеты. Ведь непоколебимое единство советского народа — это та сила, на которую опирается Никита Сергеевич Хрущев в своей неутомимой борьбе за мир.

А. Н. ФЕДОТОВ,
наборщик типографии газеты «Правда».

Мы, юные филателисты, хорошо знаем карту Африки. Собирая почтовые марки, мы ясно представляем, какие изменения происходят на этом континенте. Раньше на марках стояли слова: «Бельгийское Конго», «Британское Сомали», «Французская Экваториальная Африка»... Теперь из названий многих африканских государств исчезли такие определения.

Когда мы слушали по радио речь Никиты Сергеевича, то думали о том, что скоро придет время, когда в Африке не останется ни одной колонии.

Пусть только в наших альбомах на старых марках останутся следы уходящей в прошлое эпохи колониализма.

Саша ПИМЕНОВ,
член кружка филателистов Московского городского Дома пионеров.

Антонио Нгорорано приехал в Москву из Восточной Африки. Он хочет стать врачом. Сейчас Антонио занимается на подготовительных курсах Московского государственного университета. Корреспондент «Огонька» застал Антонио в перерыве между двумя занятиями по химии. На столе, рядом с учебниками, лежала газета, в которой был опубликован текст «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам». Эта декларация не может не волновать Антонио: ведь его родина Уганда все еще не обрела независимости.

— Мое мнение по колониальному вопросу? — переспросил Антонио.— Я приветствую всех, кто борется за свободу и справедливость, за независимость африканских государств от политического и экономического колониализма.

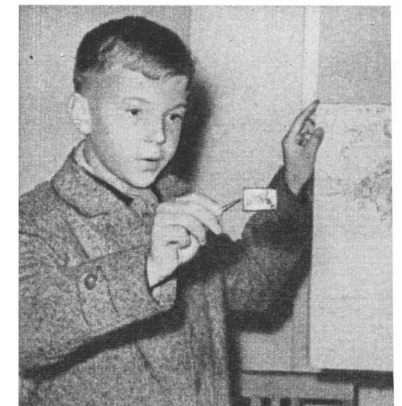
Ранним утром у нас много забот. Но сегодня за всеми нашими хлопотами мы не могли скрыть нетерпения — хотелось побыстрее увидеть почтальона. И вот мы держим в руках газеты с текстом выступления Никиты Сергеевича Хрущева.

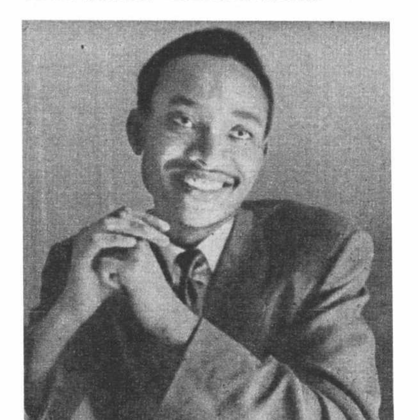
— Дорогой Никита Сергеевич! Знайте, мы все стоим рядом с вами! Ваши слова — это наши думы, наши заботы, наши мечты! Мы гордимся вашей мужественной борьбой с темными силами войны!

Я уверена, что там, в далеком Нью-Йорке, Никита Сергеевич слышит нас, как и многих-многих других простых людей, посылающих ему слова привета и благодарности. И это помогает ему твердо вершить великое историческое дело.

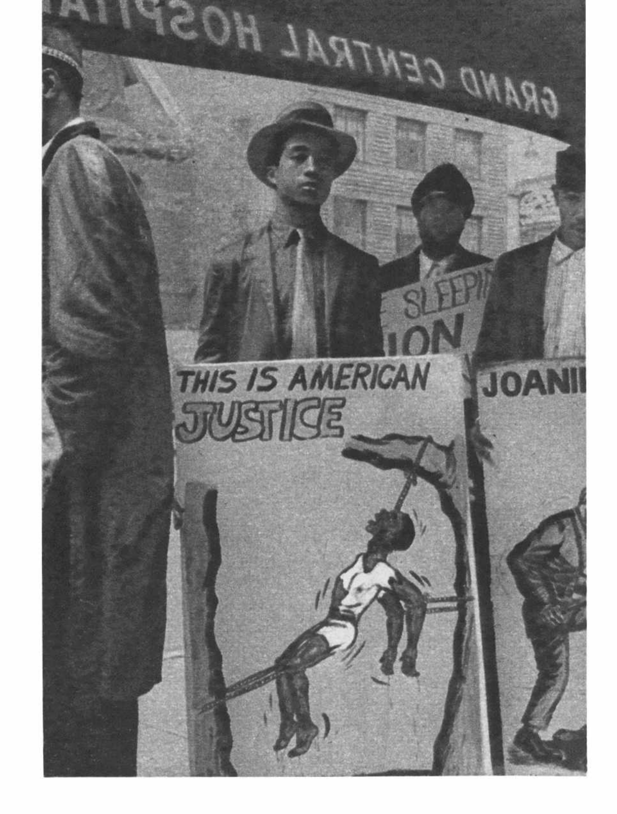
Мария МУСАТОВА,
доярка колхоза имени Владимира Ильича

Госпожа Руфь Гейдж-Колби передала Н. С. Хрущеву привет от Поля и Эсланды Робсон.

Генрих **БОРОВИК**, специальный корреспондент «Огонька»

ГОЛОСА ПРАВ

Этот снимок мною сделан на одной из нью-йоркских улиц накануне выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН президента США Эйзенхауэра.

На другой день я слушал полную цветистых деклараций, но бесцветную там, где говорилось о конкретных предложениях, речь американского президента. Большая часть ее была посвящена проблемам африканских народов, а перед глазами у меня стоял этот молодой негр с плакатом, на котором было написано: «Вот она, американская справедливость!». Я слушал монотонно произносимые красивые слова о том, что «с приемом новых членов, главным образом с гигантского африканского континента, почти сто стран будут объединены в общем стремлении добиться постоянного мира на основе справедливости в мире, охваченном большой тревогой... Пробуждающееся человечество в этих районах, — продолжал президент, — как никогда прежде, требует, чтобы мы предприняли новое наступление на нищету, неграмотность и болезни»...

Я слушал эти слова, а передо мной лежал другой снимок, помещенный в американском журнале «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»: толпа негров, заключенная за решетку меридианов и широт восточного полушария. К этому снимку журнал давал следующее многозначительное объяснение: «Сейчас контроль над Объединенными нациями находится в руках народов Европы и западного полушария, где проживают в основном белые люди. В будущем контроль над Объединенными нациями перейдет в руки народов Азии и Африки, которые в большинстве своем цветные люди... Сейчас членами ООН являются 52 белых народа и 30 афро-азиатских народов, в основном цветных. К 1962 году в ООН будут представлены 50 цветных народов и 53 белых. Уже на этой сессии цветных народов в ООН будет 44, а белых — 53».

Расисты бьют тревогу. Расисты пугают мир теми, кого президент США столь красноречиво именует «пробуждающимся человечеством». И недаром трезвые политические наблюдатели называют речь Эйзенхауэра пустой речью. Можно еще назвать ее и лицемерной...

Делегаты Гвинеи.

Вечером, после выступления Эйзенхауэра на сессии, Сильванус Олимпио, премьер-министр Республики Того, устроил в отеле «Плаза» прием, на который пригласил главу Советского правительства Никиту Сергеевича Хрущева. На этом приеме к Никите Сергеевичу подошла пожилая женщина Руфь Гейдж-Колби. Она пожала руку гостю из Советского Союза и сказала, что Эсланда Робсон, жена Поля Робсона, просила при первой возможности передать Никите Сергеевичу, что Поль, Эсланда и все их

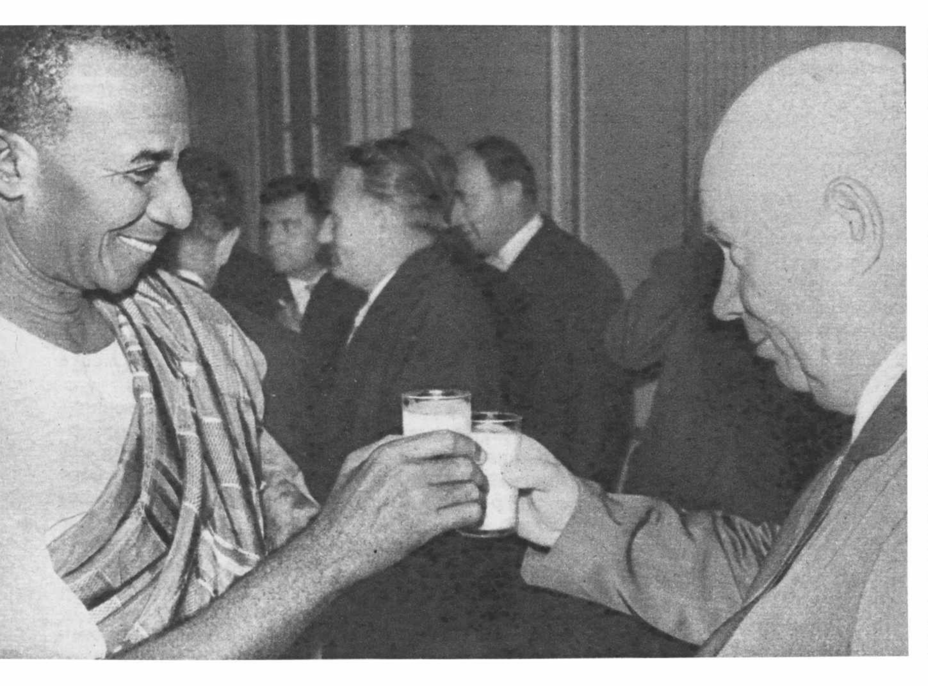
Так слушали выступление Н. С. Хрущева члены делегации США.

Выступает глава советской делегации.

ДЫ НЕ ЗАГЛУШИТЬ!

Фото автора, ТАСС, ООН и Ассошиэйтед Пресс.

Премьер-министр Республики Того Сильванус Олимпио и Н. С. Хрущев.

Корреспонденты переписывают друг у друга ответы Н. С. Хрущева.

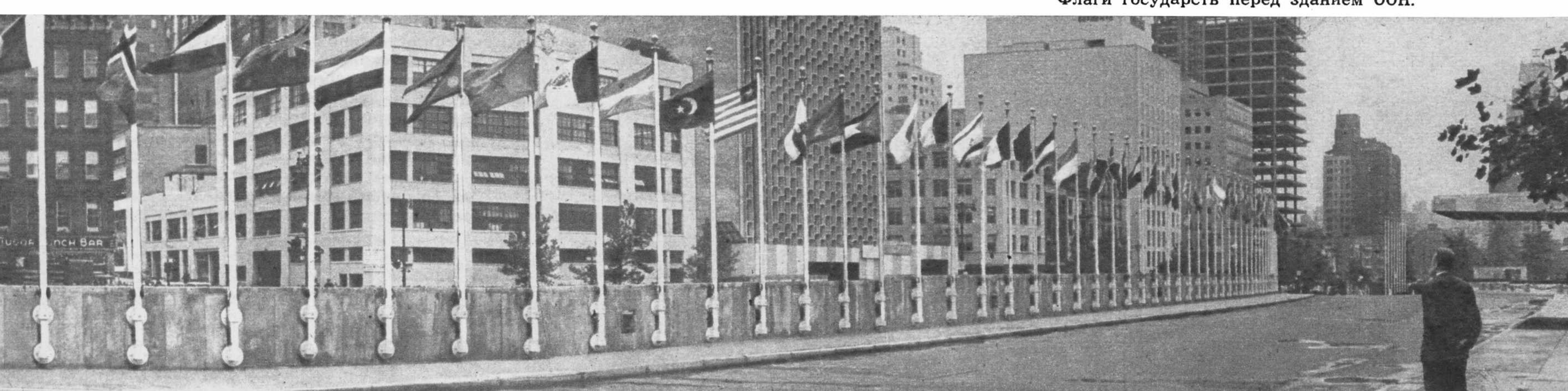
друзья любят Никиту Сергеевича, желают ему успеха в его трудном и благородном деле.

— И еще они просили вам передать,— продолжала Руфь Гейдж-Колби,— что мы с вами на каждом вашем шагу, мы все поддерживаем вас в каждом вашем слове и действии...

На другой день Никита Сергеевич, выступая в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН, обращаясь с трибуны сессии не только к ее делегатам, но и ко всем народам мира, еще раз показал простым людям, угнетенным и обездоленным, всем, борющимся за свободу, независимость и равноправие, кто их истинный друг.

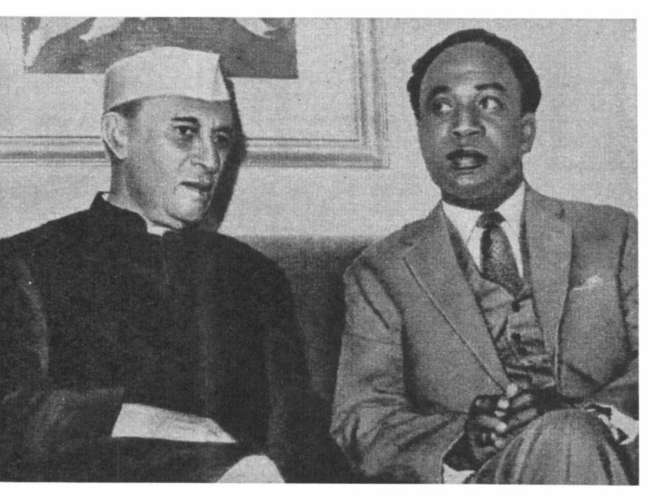
«Советский Союз, — говорил Никита Сергеевич, и весь мир, затаив дыхание, слушал его ясные и энергичные слова, — верный политике мира и поддержки борьбы угнетенных народов

Флаги государств перед зданием ООН.

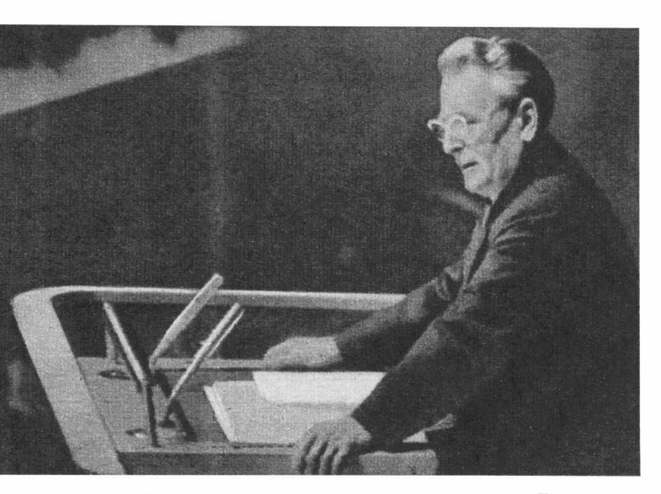

Н. С. Хрущев аплодирует выступлению президента Республики Ганы Кваме Нкрума.

Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и президент Республики Ганы Кваме Нкрума.

Яркую речь произнес на заседании Генеральной Ассамблеи ООН глава делегации Чехословацкой Социалистической Республики Антонин Новотный.

Американский ученый У. Пирс вручил Н. С. Хрущеву старинную индейскую трубку — символ мира.

за национальную независимость, провозглашенной основателем Советского государства В. И. Лениным, призывает Организацию Объединенных Наций поднять свой голос в защиту справедливого дела освобождения колоний и незамедлительно принять меры к полной ликвидации колониального режима управления...»

Это был не просто призыв — за ним шли конкретные предложения.

Ясно и четко сформулировал глава Советского правительства и предложения Советского Союза по вопросу о разоружении.

Народы, уставшие от «холодной войны», от гонки вооружений, вновь обрели надежду.

После речи Никиты Сергеевича Хрущева я обратился к ряду делегатов стран Азии и Африки с просьбой высказать свое мнение о предложениях Н. С. Хрущева по поводу ликвидации колониализма и полного, всеобщего разоружения. Вот их ответы:

Премьер-министр Непала Б. П. Коирала:

— По поводу предложения о ликвидации колониализма не может быть двух мнений. Идея Хрущева очень похвальна и заслуживает, чтобы ее очень серьезно рассмотрели. Мы самым решительным образом стоим за ликвидацию колониализма. Полное, всеобщее разоружение с эффективным контролем — это мера, которую ждут все народы.

Глава делегации Республики Чад Тура Габа:

— Ликвидация колониализма протекает очень медленно. Мы за уничтожение колониализма во всем мире, и чем скорее — тем лучше. Нынешняя сессия Генеральной Ассамблеи может помочь борьбе народов против колониализма. Мы тоже за полное уничтожение вооружений во всем мире.

Заместитель главы делегации Республики Берег Слоновой Кости Эрнест Бока:

— Мы за мир, и все, что укрепляет мир, получает нашу активную поддержку. Мы уже были однажды колонизованы, и мы не хотим новой колонизации. Мы согласны со всеми государствами, которые хотят уничтожить колониализм. Мы поддерживаем идею уничтожения вооружений.

ЗАКОНЫ «СВОБОДНОЙ» ПРЕССЫ

День и ночь у входа в здание советского представительства в ООН на углу Парк-авеню и 68-й стрит дежурят журналисты, фоторепортеры, операторы кино и телевидения, корреспонденты различных радиокомпаний. Полиция отвела им на тротуаре специальный загончик — 4 метра на 7 — и оградила его деревянными барьерами с надписями: «Полицейская линия. Не пересекать». С самого утра, зная, что Никита Сергеевич просыпается очень рано, представители прессы выставляют вперед микрофоны, включают батареи ламп-вспышек, вставляют в аппараты кассеты с пленкой и проверяют, достаточно ли чернил в авторучках.

Крупнейшие газеты, журналы, радио и телекомпании представлены здесь своими виднейшими сотрудниками: достаточно назвать имя высокого сухощавого Гаррисона Солсбери из «Нью-Йорк таймс» или рыжеусого энергичного Сэма Джеффи из «Коламбиа бродкастинг систем».

В загончике на тротуаре журналисты читают свежие газеты, пишут корреспонденции, закусывают сандвичами в целлофановой обертке, пьют кофе из бумажных стаканчиков. Провизию они ходят покупать по очереди в соседний магазин, хозяин которого специально для них купил кофеварку.

Загончик пустеет (не полностью, несколько человек все равно остаются) только тогда, когда Никита Сергеевич уезжает на сессию в здание ООН. После 11 часов вечера из загончика уходят все. Но и тогда выход из советского представительства не остается без наблюдения прессы.

Журналисты перекочевывают в автомашины, которые стоят поблизости, и дремлют на сиденьях, держа пальцы на затворах фото- и кинокамер.

Утром и вечером американцы покупают утренние и вечерние выпуски газет. Они читают их в метро, кафе, на улицах, прислонясь к стене дома или к столбу светофора. Читают первые страницы, на которых помещены репортажи о пребывании в США Никиты Сергеевича Хрущева. Спеша на работу, американцы вставляют в уши крошечные динамики карликовых радиоприемников, помещающихся в кармане рубашки, и слушают последние известия о пребывании в их стране главы Советского правительства. Давно уже здесь не раскупались газеты так быстро, давно уже американцы не проявляли столько интереса к мнениям, взглядам и предложениям главы иностранного правительства.

Есть километрах в шестидесяти от Нью-Йорка небольшой городок, вернее, дачная местность,— Гленков. Там в великолепном парке находится дом советского представительства в ООН, где наши делегации на сессии Генеральной Ассамблеи могут отдохнуть от липкой жары Нью-Йорка.

Рано утром в субботу 24 сентября вереница автомашин помчала в Гленков неусыпно бдительных американских журналистов. Часам к девяти у входа в парк собрался многочисленный пресс-табун, оснащенный всей журналистской техникой и обуреваемый желанием что-нибудь узнать. Пресс-табун ждал приезда Никиты Сергеевича Хрущева, которому государственный департамент, начавший осознавать свое глупое положение, разрешил нарушить границы Манхэттена, чтобы провести конец недели на даче.

Никита Сергеевич приехал в Гленков около 12 часов дня. Вместе с ним приехали отдохнуть на даче товарищи Т. Живков, А. Новотный, Г. Георгиу-Деж, Н. В. Подгорный и К. Т. Мазуров. Машины проследовали мимо корреспондентов, которые остались за оградой парка. Ручки и карандаши, фотоаппараты, блокноты и лампы-вспышки жгли журналистам руки. И через какой-нибудь час типографии нью-йоркских газет уже набирали сообщения своих корреспондентов из Гленкова. Что можно описать, находясь за стеной? Оказывается, многое. Можно, например, сообщить о цвете машины, на которой ехал Хрущев; о том, что дом в Гленкове построен в 1911 году и стоил его владельцу миллион долларов; что советские торговые организации купили его в 1950 году чуть ли не вдесятеро дешевле, потому что, как рассказывают, в плавательном бассейне на территории парка утонула жена одного из владельцев дома — Миллера, директора крупного моргановского завода, и тому снились по ночам кошмары. Можно, наконец, сообщить, какой высоты стена, за которой остались корреспонденты, что́ видно по ту сторону стены и что́ происходит по эту. Сообщения корреспондентов из Гленкова, даже касающиеся истории покупки дачи, немедленно получили места на первых полосах вечерних выпусков.

Накануне поездки в Гленков американский журналист шутливо спросил Никиту Сергеевича Хрущева, не чувствует ли он себя несколько неудобно из-за того, что его имя, его фотографии, корреспонденции о нем совершенно вытеснили с первых страниц газет материалы о Никсоне и Кеннеди: ведь первые полосы сейчас так нужны обоим кандидатам в президенты! Никита Сергеевич, смеясь, ответил, что это от него никак не зависит...

Пока Никита Сергеевич со своими гостями гулял по парку, американские журналисты продолжали самоотверженно дежурить у ворот, и их самоотверженность была вознаграждена. В половине шестого вечера в гости к Никите Сергеевичу приехал президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер. Встреча двух государственных деятелей длилась около часа. Перед самым концом встречи в парк пустили американских журналистов. Тяжело дыша, спешили они к дому, чтобы не пропустить ни одной детали. Впереди всех быстро шагал обозреватель «Нью-Йорк таймс» Гаррисон Солсбери, на ходу занося в блокнот все, что он успел увидеть, пробежав от ворот к дому.

Корреспонденты толпой окружили выход. Через несколько минут показались Никита Сергеевич Хрущев и Гамаль Абдель Насер. Вспыхнули десятки блицев, защелкали десятки фотозатворов, застрекотали десятки кинокамер, и десятки карандашей забегали по блокнотам. Никита Сергеевич тепло простился с Насером и затем с шутливой беспомощностью развел руками, как бы «сдаваясь в плен» корреспондентам, и стал отвечать на их вопросы.

Журналисты стоят вокруг Никиты Сергеевича плотным кольцом. Он дает возможность каждому задать вопрос и ни один вопрос не оставляет без ответа. Часто Никита Сергеевич шутит: то добродушно, то лукаво, то резко и зло,— и тогда на задающего каверзные вопросы (а таких среди американских корреспондентов довольно много) обрушивается смех всех, кто участвует в конференции.

Но вот лицо Никиты Сергеевича становится серьезным. Он окидывает взглядом всех корреспондентов и останавливается на одном — высоком, худом человеке со светлыми усами.

— Вот вы, г-н Солсбери, кажется, задали вопрос о том, что я объявил якобы войну ООН. Я вас давно знаю. Ваши статьи носят отпечаток стремления автора быть объективным, они часто принципиальны. У нас такие статьи находят признание. Конечно, я часто не соглашаюсь с вами, но это понятно — мы люди разных воззрений. В нашей сегодняшней беседе я хотел бы дополнительно разъяснить точку зрения, изложенную мною на Генеральной Ассамблее. Г-н Гертер в своем выступлении перед журналистами заявил, что я будто бы объявил войну Организации Объединенных Наций. Прошу только вас, господа журналисты, быть точными и не искажать того, что я говорю при встречах с вами.

И Никита Сергеевич начинает говорить — просто и спокойно, будто беседуя дома за столом с друзьями. И хотя среди этой толпы американских журналистов противников больше, чем друзей, сила логики и убежденности делает свое дело.

— Вы ведь не только пишете, — говорит Никита Сергеевич. — Ведь вы и способны думать, ваши читатели надеются на это. Так подумайте сами...

И он объясняет советскую позицию в вопросе о замене одного генерального секретаря ООН генеральным секретариатом из трех человек. Слова его сейчас уже опубликованы в советских газетах. Их нет нужды повторять здесь, но очень жаль, что нельзя на бумаге передать тон его беседы.

Чуть расставив ноги, Никита Сергеевич плотно, крепко стоит на земле, он выглядит, я бы сказал, очень по-земному, по-человечески. В его человечности, в прочной связи с жизнью — огромная сила.

— Слушайте, он же прав! Он абсолютно прав! Я согласен с Хрущевым, — удивленно подняв рыжие брови, сказал мне Сэм Джеффи, корреспондент «Коламбиа бродкастинг систем», когда пресс-конференция окончилась и журналисты толпой бросились к воротам, чтобы срочно передать в редакции свежие новости.

...Поздно вечером, возвратившись в Нью-Йорк, я купил последние выпуски газет, уже датированные завтрашним числом. Сообщения об этой необычной пресс-конференции в парке советской дачи в Гленкове были помещены на первой странице. Но хозяева есть хозяева, а деньги есть деньги. Изложение было далеко не полным, а помещенные рядом комментарии выворачивали смысл слов Никиты Сергеевича наизнанку. Действовал неумолимый закон американской «свободы печати», как понимают его хозяева: кто платит, тот и свободен...

Н. С. Хрущев беседует с представителями печати с балкона здания постоянного представительства СССР при ООН. Журналисты ловят каждое слово.

НА ВТОРЫЕ ПОЛОСЫ...

Я уже упоминал о том, что пребывание Никиты Сергеевича Хрущева в Нью-Йорке, его замечательная речь на сессии Генеральной Ассамблеи ООН вытеснили с первых страниц газет все другие политические события, в том числе и отчеты о предвыборной кампании.

Кандидаты встречаются с избирателями, встречаются с представителями прессы, встречаются даже между собой и ведут телевизионные диспуты на тему: «Должна ли Америка придерживаться нынешних темпов движения вперед или эти темпы должны быть ускорены?» Но описание этих встреч и портреты самих кандидатов очень редко попадают на первые страницы и чаще находят себе место на второй, на третьей, на четвертой полосах.

Споры между двумя кандидатами носят иногда юмористический характер, и сейчас в Аме-

рике редко без иронии говорят о политической разнице между кандидатами от двух партий США.

— Разница? Очень простая: Никсон разговаривает с нами о боге, а Кеннеди разговаривает с богом о нас...

— Разница? Огромная! У Никсона на кончике носа растут волосы, а у Кеннеди нет. Поэтому женщины будут голосовать за Кеннеди, он выглядит симпатичнее.

— Разница? Разве вы не видите? Никсон критикует Кеннеди, а Кеннеди критикует Никсона — вот и разница.

Оба кандидата клянутся в верности народу. Кеннеди заявляет, что вся его политика построена на... защите интересов рабочего класса. «За что голосует рабочий класс, за то и я. Что отвергает рабочий класс, отвергаю и я!»

Никсон тоже «за рабочий класс». Но он все-таки более осторожен. Чаще всего он выражается в том смысле, что, мол, у рабочих и предпринимателей нет противоречий. Поэтому он, Никсон, и за тех и за других.

А пока оба кандидата клянутся в своей любви и преданности пролетариату, жены возможных президентов тоже вступили в активную предвыборную борьбу. Они ведут ожесточенный спор, кто больше тратит на туалеты. Джекки Кеннеди категорически отрицает, что она тратит ежегодно на туалеты, приобретаемые в Париже, 30 тысяч долларов. «Я никогда не покупала больше, чем один костюм или платье у Баленсиага и Гивенчи... Я уверена, — восклицает молодая жена демократического кандидата, — что трачу на наряды меньше, чем миссис Никсон. Она заказывает их у Элизабет Арден, а там нет цен ниже 200 или 300 долларов».

На это дерзкое заявление Пэт Никсон холодно ответила: «У меня нет комментариев по поводу того, что говорит или носит г-жа Кеннеди, я никогда не критикую других женщин». Эта балаганная драка «наверху» очень далека от простых американцев. Вот почему пусты предвыборные «агитпункты», где вы можете узнать «все о Никсоне», и другие «агитпункты», где — «все о Кеннеди». В учреждениях этих заправляют в основном пожилые женщины, члены каких-то женских союзов, решившие остаток лет своих отдать бурным страстям политической борьбы. Но бурных страстей нет, и престарелые дамы понуро сидят за столиками, на которых кучей навалены дешевенькие значки с надписью «Ай лайк Никсон» (Мне нравится Никсон).

Люди заняты другим, другие события занимают их.

ЗЕРНО ПРАВДЫ

Каждое утро я спускаюсь на лифте за свежими газетами и встречаю знакомого лифтера. Это черноволосый человек лет пятидесяти с вытянутым скуластым лицом. Он одет в красную куртку с золотыми галунами и черные брюки. Когда мы едем с ним в кабине лифта, он включает медленную скорость и не останавливается на этажах по сигналам. Мы разговариваем. Двадцать этажей на маленькой скорости — это чуть больше минуты. За день у нас набирается несколько таких минут. В первый раз разговор возник случайно. Потом стал правилом. Он очень серьезен, мой собеседник. Он стоит лицом к двери, спиной ко мне и выдавливает по две фразы на каждый этаж. Начинает всегда он.

Вверх.

— Сегодня я читал газеты... Хрущев приехал... Я бы не вышел его встречать на улицу...

— Почему?

— Так, не вышел бы...

— Дело ваше...

— Я вам не верю... все пропаганда.

— Почему вы так думаете?

— Так пишут газеты... Двадцатый этаж, сэр, вам выходить.

Вниз.

— Его ограничили Манхэттеном?

— Да.

— И вас тоже?

— Да.

— Почему?

— Это лучше знает госдепартамент.

— Наверное, были причины?

Н. С. Хрущев и Гамаль Абдель Насер в Гленкове.

Гленков. На прогулке.

В отеле «Билтмор» в Нью-Йорке известный американский общественный деятель и промышленник Сайрус Итон (второй справа) устроил завтрак в честь Н. С. Хрущева.

Делегация Республики Ганы в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН

Разговор с репортером в Гленкове.

Глава делегации БССР К. Т. Мазуров (слева) и министр иностранных дел БССР К. В. Киселев в зале заседаний Генеральной Ассамблеи.

Председатель Совета Министров Народной Республики Албании Мехмет Шеху в Нью-Йорке.

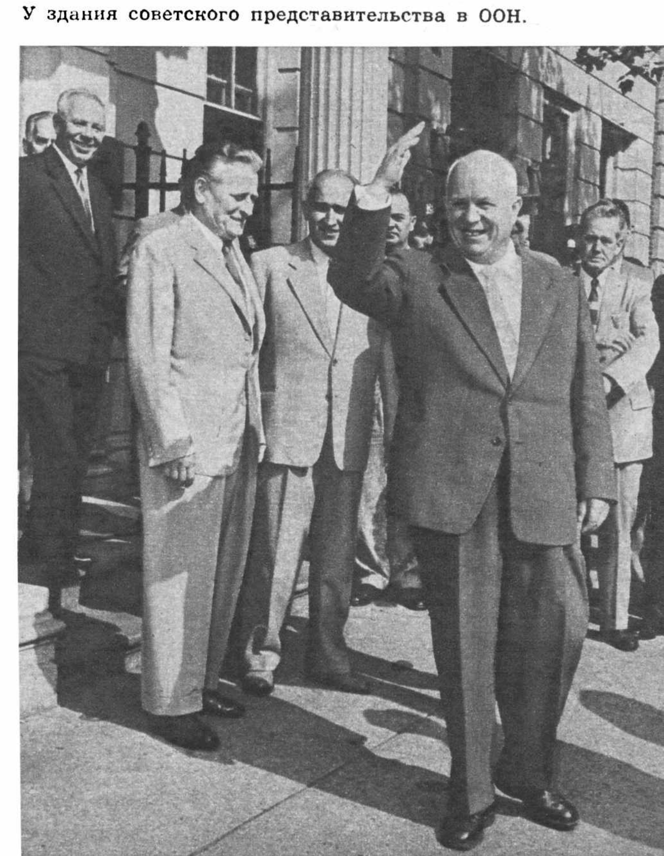
Делегация Того.

Кубинская делегация аплодирует выступлению Н. С. Хрущева.

У здания советского представительства в ООН.

ПОЛТОРА ВЕКА

Арам ХАЧАТУРЯН,
президент Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки

1960 год — знаменательный год в жизни народов Латинской Америки. Сто пятьдесят лет назад поднялись они на борьбу, чтобы сбросить ненавистное колониальное иго испанской монархии.

Пламя восстания вспыхнуло в Каракасе, перекинулось на Буэнос-Айрес, охватило Боготу. Утром 16 сентября 1810 года ударил в набат в маленьком селении священник Идальго, возвестивший о том, что на борьбу поднялась Мексика. В Сант-Яго, за тысячи километров, восстали чилийцы.

Борьба была долгой, тяжелой, кровопролитной. Повстанцы одерживали победы и терпели горечь поражений. Народ складывал песни о Симоне Боливаре, Сан-Мартине и других героях национально-освободительной борьбы.

В жестокой войне погибло немало славных сынов Латинской Америки; лучшие люди Европы, в том числе и России, не только с сочувствием следили за их борьбой, но и сражались в войсках повстанцев.

Главный итог этой борьбы — образование государств, которые ныне принято называть странами Латинской Америки.

Есть много общего, что объединяет эти страны: общность истории, языка, истоков культуры. Но каждая из них в процессе своего развития обрела характерные, только ей одной свойственные черты.

Мне довелось побывать во многих странах Латинской Америки. Своеобразие и самобытность их культуры, яркость пейзажа, удивительное по синеве тропическое небо, часто заслоненное от человека шапками стройных пальм, — все это чарует чужестранца и иногда, как это бывает с незадачливым туристом, заставляет его забывать о главном богатстве этих стран: о людях, о гордых, честных, трудолюбивых народах, населяющих этот континент.

Я встречался со многими видными деятелями Латинской Америки, с моими коллегами из Аргентины Хуаном Хосе Кастро, Хинастера Густавино, бразильским композитором Камарго Гуарньери, моими большими друзьями с Кубы Э. Гонсалесом Мантичи и Хуаном Бланко, которые отдают все свои силы, все творческое вдохновение делу кубинской революции. В доме покойного Диего Ривера и в мастерской Ксавьери Герреро я понял, как сильна любовь к своей родной Мексике этих двух выдающихся художников; я навсегда сохраню в памяти встречу с нашим старым другом, поэтом Николасом Гильеном, стихи которого раньше плакали, а теперь звенят радостью вместе со всем кубинским народом.

Много встреч было и с простыми людьми Латинской Америки, и я убежден, что в них, в этих простых людях,— неисчерпаемый, вечный источник, который обогатил, обогащает и еще немало обогатит сокровищницу мировой культуры.

150 лет прошло с тех пор, как народы Латинской Америки начали героическую борьбу против испанского колониализма; теперь они борются против колонизаторов XX века, более изощренных в своей политике экономического и культурного порабощения слаборазвитых стран, но не менее жестоких, чем свирепые, невежественные испанские конкистадоры, более 450 лет назад вступившие на землю американского континента.

Уже достигнуты первые победы: пали диктаторские режимы ставленников американских монополий в Венесуэле и Колумбии, а героическая Куба не только сумела сбросить с себя кровавую диктатуру Батисты, но и встать на новый путь, путь подлинной независимости, прогресса и демократии.

Советская общественность широко отмечает 150 лет независимости стран Латинской Америки. Наша ассоциация при активном сотрудничестве многих ведущих научных, культурных, общественных организаций Советской страны и при широком участии трудящихся провела вечера, посвященные Дню независимости Аргентины, Венесуэлы, Колумбии, Мексики, Чили. Советские люди выразили чувства дружбы и симпатии к латиноамериканским странам в День дружбы с народами Латинской Америки.

...На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в речи пламенного кубинца Фиделя Кастро прозвучало великое стремление народов Латинской Америки окончательно завоевать свободу для своих стран. Этому стремлению всей душой сочувствуют советские люди. Они верят, что Латинская Америка в этой борьбе победит!

— Наверное... Спасибо, мне выходить.

Вверх.

— Из какой вы газеты?

— Из журнала «Огонек».

— Вы коммунист?

— Да.

— Я слишком много с вами разговариваю...

— Возможно...

Вниз.

— Я слышал сегодня, как он приехал в здание ООН.

— Вы выходили на улицу?

— Нет, я не вышел бы. Я слышал полицейские сирены.

— Да, полиция тут шумит вовсю.

— Он выступает сегодня?

— Нет, послезавтра, а завтра — ваш президент.

Вверх.

— Я читал, как Хрущев выступал на балконе...

— Я там был.

— Вы были?.. Он совсем просто держится... Ему действительно американцы махали руками из машин?

— Да, приветствовали.

— Интересно...

— Вполне нормально.

— Вы думаете? Интересно, что он скажет на сессии.

— Да, интересно... Вы проехали этаж...

Вниз.

— Я смотрел сегодня по телевидению Эйзенхауэра.

— Ну, и каково ваше впечатление?

— Он, наверное, очень устал...

— Да, наверное... А предложения его новые понравились?

— Какие предложения?

— Вот и все спрашивают, — какие.

— Это уже не мое дело... Ваш этаж, сэр...

Вверх.

— Я видел выступление Хрущева.

— По телевидению?

— Да, не полностью, конечно. Они не давали полностью.

— Ну и как, «пропаганда»?

— У него есть свой взгляд на вещи...

— Правильный?

— Не знаю, не знаю... Я простой лифтер...

— Но ведь он говорил очень просто. Например, о разоружении...

— Разоружение? Это было бы очень здорово!

(Лифт остановился на 20-м этаже, но мой собеседник не спешит открывать двери.)

— Просто замечательно это было бы!..

— А насчет колониализма?

— У меня лично нет колоний.

— Значит, вы не против ликвидации колониализма?

— Конечно, нет... Только газеты пишут, что многие страны еще не готовы к самостоятельности.

— Вот и некоторые англичане тоже говорят: зря, мол, они дали в свое время независимость Америке, американцы до сих пор не готовы к самостоятельности... Спасибо, я спешу...

Дважды после этого разговора наши путешествия в лифте проходили молча. Лифтер не начинал разговора. На третий раз он спросил:

— Говорят, завтра приезжают Макмиллан и Неру.

— Да, я тоже слышал.

— Значит, собираются почти все главы правительств?

— Ну, не все, а основные собираются.

— Это из-за Хрущева?

— Да, по его инициативе.

— Значит, он действительно хочет разговаривать?

— Судите сами...

— И они могут договориться, например, о разоружении?

— Для этого Хрущев и приехал в Нью-Йорк.

— Так, значит, это все-таки не яки-яки?

— Что такое «яки-яки»?

— Пропаганда... Первый этаж, сэр...

На другой день, возвращаясь из здания ООН, я видел, как мой знакомый в красной куртке с галунами стоял на улице у входа в отель и ждал, когда пройдет машина с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Машина прошла. Лифтер проводил ее внимательным, серьезным взглядом и медленно пошел в отель. Меня он не заметил. В лифте в этот день бесед не было.

К каким же выводам придет в конце концов этот человек в красной куртке с золотыми галунами? Никита Сергеевич уедет скоро из США, и мой собеседник ничего не будет слышать, кроме того, что вдалбливают в него газеты. Но зерно правды, услышанной им в выступлении Никиты Сергеевича Хрущева, запало в его душу. И это зерно уже не погубят половодья лжи. Оно даст ростки. Человек в красной куртке поймет, на чьей стороне правда.

Нью-Йорк, 26 сентября.

Новые флагштоки для флагов государств, принятых в ООН на XV сессии Генеральной Ассамблеи.

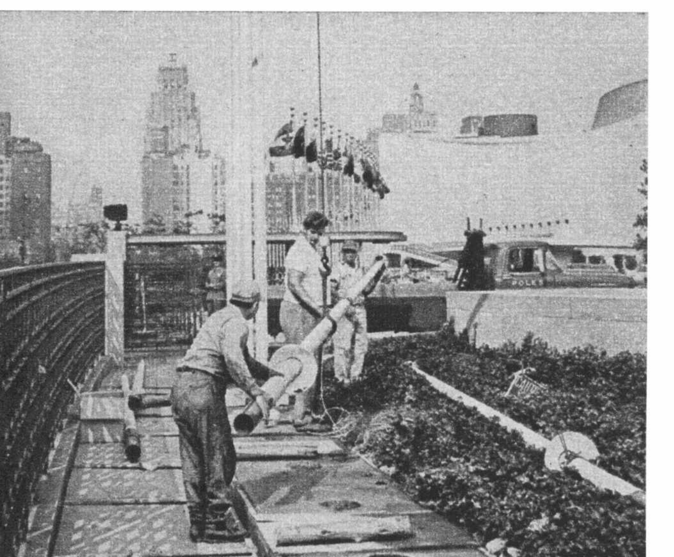

Фото М. Семак.

Мексиканский мальчик.

Столица Уругвая — Монтевидео. В центре города.
Фото А. Гаранина.

Чилийские рыбаки.

На дорогах провинции Сальта. Аргентина.

КУБА—ДА!
ЯНКИ—НЕТ!

Рауль ФЕРРЕР,
кубинский поэт

Фото В. Боровского.

В Латинской Америке барометр движется к буре. Недавно это началось с циклона на самом большом из Антильских островов, а теперь грозовым электричеством насыщается весь континент. Сегодня это уже не просто поэтический образ — Анды, ставшие во сто крат увеличенной Сьерра-Маэстрой. Все чаще у конгрессменов, биржевиков и генералов Соединенных Штатов пробегает мороз по коже при мысли об их латиноамериканских вотчинах. Еще бы! Это кость, застрявшая у них в глотке. Они хотели поймать Кубу в петлю. Но американские сахарные монополии обожгли себе на этом руки: Советский Союз и народный Китай покупают у маленькой непокорившейся страны столько сахара, сколько ей необходимо продать.

Тогда началась грязная возня нефтяных трестов: они решили сделать «шах и мат» кубинской революции, оставив остров без нефти. Ответ был быстрым и вразумительным: правительство Фиделя Кастро решило взять в свои руки нефтеперерабатывающие заводы американских компаний. И вот сами наши рабочие управляют этими предприятиями, на которых ныне перерабатывается нефть из Советского Союза!

Слепая ярость все больше охватывает американский государственный департамент. О, эта Куба — очаг «непозволительных смут и беспорядков» в Карибском море! И дипломатия империи доллара бросается на новый цирковой трюк: после изрядных подготовительных хлопот в Сан-Хосе, столицу Коста-Рики, созываются министры иностранных дел. Янки давили на участников конференции со всей присущей им бесцеремонностью, угрожали, уговаривали, обещали. И вот плод этого печального сборища — «Декларация Сан-Хосе». Здесь все: и красивые сказки о «солидарности западного полушария», и чепуха о «призраке коммунизма», бродящем по Карибскому морю, и скрытое за уклончивыми словами «осуждение Кубы».

Документ, который увез Гертер из Сан-Хосе, не упоминает прямо о моей стране. Но народ Кубы, народы Латинской Америки поняли сразу, чем тут пахнет. Они не забыли про Гватемалу. По всему обширному континенту пронесся стихийно рожденный всенародный опрос. Еще во время трагикомической поездки Эйзенхауэра по Латинской Америке ему приходилось слышать от аргентинцев, уругвайцев, чилийцев, бразильцев клич: «Куба — да! Янки — нет!»

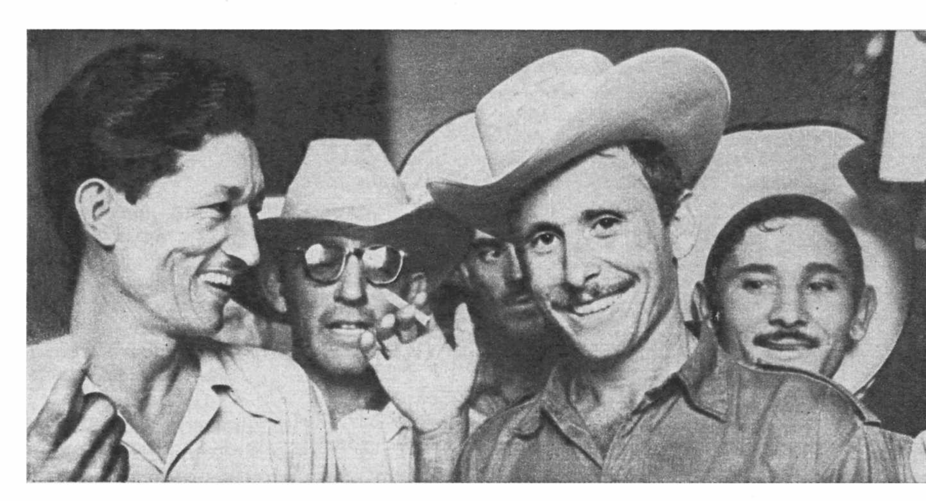
И с той же силой, проникнутой симпатией к моей родине, звучал этот возглас во время поездки кубинского президента Освальдо Дортикоса по странам Южной Америки. Теперь, после позора Сан-Хосе, к стихийным манифестациям в Уругвае, Венесуэле, Чили и Аргентине присоединяются протесты интеллигенции стран к югу от Рио-Браво. Благородная позиция правительства Мексики перекликается с прекрасной резолюцией солидарности с Кубой, принятой парламентом Венесуэлы. О том же говорят горячие декларации в поддержку кубинской революции, принятые конференцией рабочих, врачей, учителей, крестьян. Совсем недавно, в конце июля, я с волнением видел, как на многолюдном Первом конгрессе латиноамериканской молодежи в Гаване участники вздымали вверх кулаки, и над залом в едином порыве гремело: «Да здравствует освобождение Латинской Америки!»

Возмущенный голос латиноамериканских народов превратил «Декларацию Сан-Хосе» в кусок подмоченной бумаги. Наш кубинский народ ответил на нее славной Гаванской декларацией. И когда наш Фидель разорвал перед миллионом рабочих, крестьян, интеллигенции Кубы сан-хосскую бумажонку, он сделал это не только от имени своего народа, но и по воле народов всей Латинской Америки.

Кубинский государственный флаг с красным треугольником надежно охраняем не только мы, кубинцы. Ему не дадут упасть на землю миллионы трудящихся Латинской Америки, которые восклицают: «Кубинская революция — наша революция!»

На трибуне в центре — Фидель Кастро и Освальдо Дортикос.

Камагуэй. Что может быть радостнее для безземельного крестьянина Кубы, чем грамота на землю!

Во вновь отстроенном рабочем поселке Нуэво Виста Алегро в Сантьяго. Новые жильцы, покинувшие бывшие трущобы.

Рабочие закрашивают надпись на крыше сахарного завода, принадлежавшего компании «Юнайтед Фрут», чтобы написать новое название национализированного предприятия — «Гватемала».

БРАТЬЯ

Рассказ

Карлос Руис ДОДЕ

Рисунок А. ВАСИНА.

Карлос Руис Доде (родился в 1901 году) — прогрессивный аргентинский писатель. Литературную деятельность начал небольшими рассказами. Первый сборник под названием «Путешественник» вышел в 1933 году.

Перу К. Р. Доде принадлежат романы «Провинция», «Главарь», «Хуан находит себя» и сборники рассказов «520-й километр», «Годы, города и люди». Публикуемый здесь рассказ взят из последнего сборника.

В нависшей духоте декабрьского дня, в грохоте проносящихся над головой вагонеток — словно чудовищных птиц, угрожающих миру,— кажется, что дрожат сами стены завода. В этой симфонии пекла, света, движения, мускулов, глаз скромно позвякивают щипцы рабочих.

Каждые двадцать секунд сгибается и распрямляется фигура рабочего. Номер 637, Рафаэль Чавес, с зелено-желтым лицом, тощим, как щепка, загорелым телом и ногами цвета меди,— шестой из десяти, которые тянут по земле гигантскую змею, красный живой язык. Блестит от пота тело, каждые двадцать секунд сжимаются и разжимаются мускулы рук. Рафаэль хватает воздух пересохшим ртом и думает о Флоринде. Как она там, Флоринда, как пройдут последние ночи?

— Если прямо отсюда пойти в больницу, то и сегодня поздно вернусь домой,— рассуждает он вслух, шевеля губами.— А как же дети?

Руки его тоже похожи на щипцы, которые ловко управляют огромным инструментом, захватывая искрящиеся болванки. Медь не ждет, не дает передышки. Рождаясь в муках, она выходит навеки обреченная, отплевываясь уже угасающим огнем. Змея тянется вдоль шеренги людей-щипцов и становится все тоньше и тоньше, протискиваясь сквозь все более узкие отверстия стальных инструментов. И чем сильнее сжимает ее человек, тем больше она теряет огня, делается все покорней и, наконец, смирившись, превращается в проволоку, которая, кажется, тоскует по своим родным местам в далеких залежах Ранкагуа.

Номер 637 продолжает рассуждать вслух, потому что только так можно думать в этом грохочущем аду:

— До каких пор!

Захватывает болванку и повторяет, задыхаясь от кашля:

— До каких пор!

Рафаэль едва выдерживает ритм работы, который рассчитан так, что не остается ни секунды, чтобы подумать о делах, о жизни. А между тем за воротами завода есть много мест, где светит солнце. Оно льется в песнях, освещает лица людей, их радости и печали. По вечерам в воскресенье Рафаэль может наблюдать, как из-за Тихого океана солнце посылает поцелуй Андам, сверкая в снежном ореоле волшебных диадем, венчающих хребты.

— Ее, наверное, уже перевели из четырнадцатой палаты; теперь она будет в восьмой инфекционного отделения; ведь она заразная больная, как ему объяснили. А он вот здесь и не виделся с ней уже целую неделю!

И в этом мире за стенами завода есть также Сант-Яго, город в десяти километрах, или восьмидесяти кварталах, отсюда. Сант-Яго, в котором, правда, маловато солнца, потому что оно с трудом пробивается в дома и тесные улочки, но где по крайней мере живут люди, у которых есть хоть время, чтобы взглянуть на то, что делается вокруг. Но, кроме того, есть еще и другой Сант-Яго — город богачей, с чистыми домами и чистыми служанками, театрами и ночными развлечениями. Рафаэль слышал об этом от Люсио.

Он захватывает упирающуюся болванку и вновь повторяет:

— До каких пор!

Да, если бы не Люсио, он и не знал бы о таких вещах. Люсио продает газеты у входа в клуб, куда ходят господа, сопровождающие блестящих дам в шелковых нарядах. Так уж, видно, заведено на этом свете: у Люсио почти никогда нет ботинок и даже тапочек, а те дамы, что проходят об руку с важными господами, сияют улыбками, которые так великолепно довершают их туалеты. И если Люсио не может мечтать о такой жизни, жизни, предназначенной для богатых, то по крайней мере он может себе ее представить, наблюдая ее вблизи, когда далеко за полночь он протягивает экземпляр «Эль дебате» или услужливо открывает дверцы роскошных лимузинов под стать самому его превосходительству президенту.

— Как там дети?.. А Люсио? Люсио, конечно, уже встал; уже стоит на своем посту.

Номер 637 делает знак мастеру и продолжает работу. Немного погодя подходит рабочий и берет у него из руки инструмент. Рафаэль идет в уборную, потом подставляет голову и плечи под струю воды, которая на минуту смывает с него пот. Через три минуты он возвращается вновь на свое место. Четыре часа пополудни.

Да, пожалуй, Рауль прав. Рауль — его приятель из котельной, секретарь профсоюза, который по ночам читает книжки.

— Но разве достаточно быть правым? — рассуждает сам с собой Рафаэль Чавес.—Это только теория, как скажет Рауль, а нужно, чтобы жизнь стала правильной.

Раулю хорошо: он образованный, да к тому же холостой. Ему можно читать и учить других; у него нет туберкулезной жены, нет детей; правда, и ему не сладко, как и всякому другому рабочему, но все же над ним не висит постоянная нужда. Вот потому-то он и занимается профсоюзными делами и книжки читает, потому-то он смог и библиотеку организовать в поселке Ногалес, в районе Кажампа, потому же он часто доказывает Рафаэлю, что мало быть только членом профсоюза, надо в нем активно работать. Все это так, но Раулю ведь не приходится все время думать о туберкулезной жене, он не знает, что значит иметь четверых детей и жить в каморке.

— Люсио четырнадцать лет, Матильде — двенадцать, Хуану— девять, Рафаэлито—семь...

Рафаэль понимает, почему так тяжело живется. Не может быть справедливости, пока в Чили существуют богатые и бедные. Этот вопрос ему не раз разъяснял Рауль, и Рафаэль теперь разбирается в этом. Рауль объяснил ему классовую сущность царя и Ленина, Арбенса[1] и «Юнайтед фрут» в Гватемале и однажды даже доказал, что рабочие в Чили станут жить лучше, если медь перестанет быть собственностью «Анаконда майнинг», если недра, земля и фабрики будут принадлежать рабочим и крестьянам, будут принадлежать народу.

Конечно, когда-нибудь придет такое время, как пришло в других странах, где людям жилось еще хуже, чем мне. Придет, хотя я этого и не увижу. А как было бы хорошо: ни богатых, ни бедных, все трудятся сообща, строят жизнь, жизнь для всех, а не для кучки господ!..

Да, я этого не увижу, я уже сдаю. И Флоринда, бедняжка, что толку обманывать себя, она увидит еще меньше. Люсио вот, возможно, увидит; бедный Люсио, который всего год проучился в школе, а теперь работает до шести утра, пока не выйдут из клуба господа.

Рафаэль помолчал, а потом снова продолжал говорить, думая о Люсио:

— Он уже взрослый... Хорошо хоть, что до зимы еще несколько месяцев и ему не придется мерзнуть по ночам, как в прошлом году в июле. Рауля, конечно, тоже засасывает нужда, а вот не теряет он веры в лучшие времена, и вера эта крепко сидит в нем. Что говорить, Рауль—настоящий товарищ, хороший парень; но ведь у него нет Флоринды, которая так кашляла, что пришлось увезти ее в больницу!

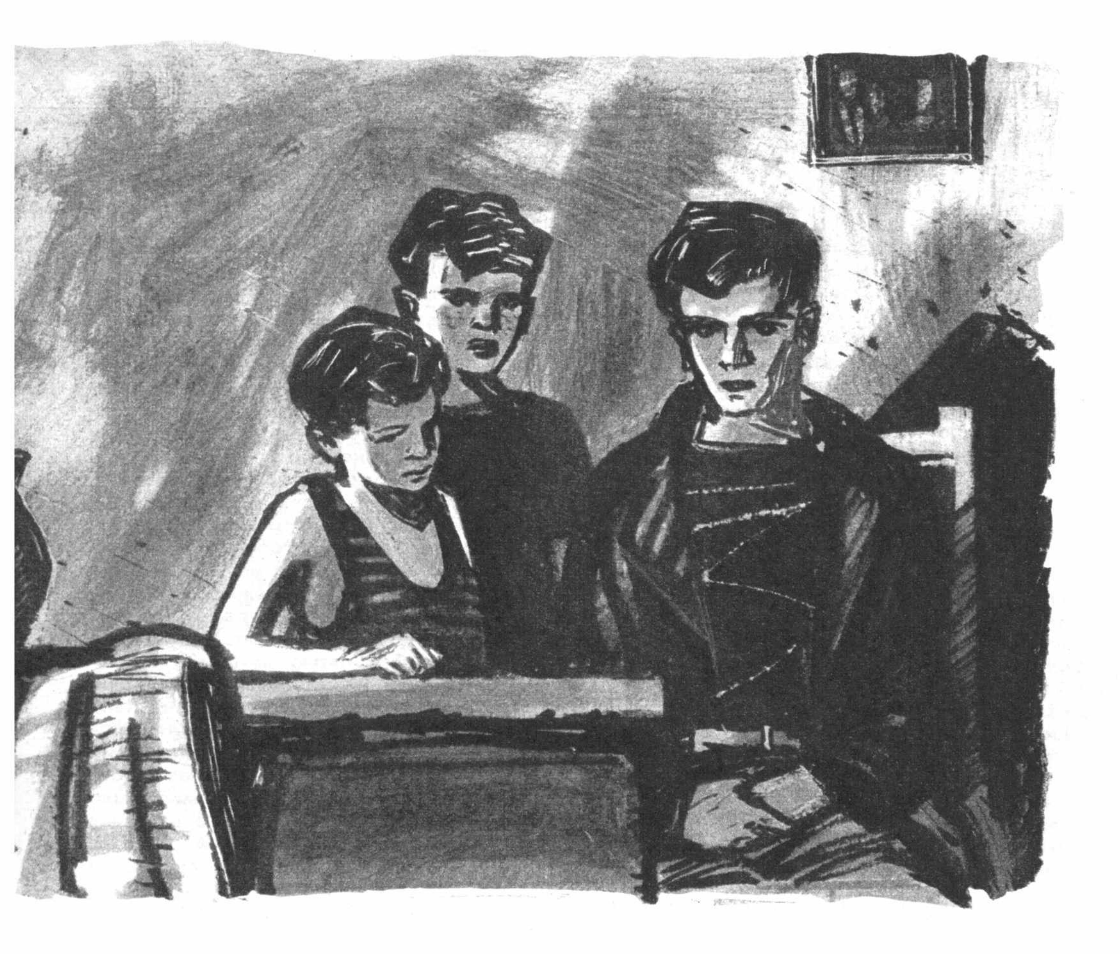
В этот день он устал, как никогда. Он чувствовал, как снова подступает кашель, раздирает грудь и горло. С минуту он жадно хватал ртом воздух.

Только и думаешь о них, о семье. Конечно, бедные дети, бедная Флоринда. А я-то сам... Может быть, и мне уже конец?

Рафаэль вспомнил, как в прошлом году у Флоринды началась рвота, вспомнил больничную койку в Сан-Борха, стрептомицин... Добрая половина нескольких получек уходила на стрептомицин. По воскресеньям поездки с детьми, порой со всеми четырьмя, в больницу. Вот так и идет жизнь: восемь часов пытки каждый день — тянуть раскаленный медный язык и при этом непрестанно думать о Флоринде, которая кашляет кровью и все время печально улыбается.

---

[1] Президент Гватемалы.

— Конечно, ее заразил я. Но я мужчина, сильнее ее и поэтому еще держусь; хотя и она меня могла заразить.

В пять часов раздается гудок. Остался еще час. Пот ручьем льет по телу, промочив пояс, крупные капли падают с лица и груди, Рафаэль растирает их ботинком и вдруг, сам не зная почему, задает себе вопрос:

— А сколько лет Флоринде?

Он не может точно сказать, память отказывается сделать нужное усилие. Когда они поженились в Темуко, Флоринде было восемнадцать, но с тех пор прошло много времени. Потом он очутился на этом заводе, дни — в цеху, а ночи — в глинобитном домишке в Ногалес. Вся семья, шестеро душ, в одной каморке с двумя топчанами. Вот и все.

— А сколько же мне? Господи... сорок первый.

⁂

Детям еще не приходилось сталкиваться со смертью. Но вот однажды отец повез их в больницу в будний день, не в те часы, что были отведены по воскресеньям для посетителей.

И там на кушетке в углу узкой, грязной и мрачной комнаты они увидели свою мать с желтым, обезображенным смертью лицом. Рафаэль, надрывно кашляя, пробормотал молитву вместе с монахиней. Потом появился какой-то человек с бумажками в руках, принесли гроб, и они вчетвером вместе с отцом и Раулем отправились на общее кладбище.

Вечером, когда все укладывались спать, отец сказал Люсио:

— А если тебе бросить работу?..

— Зачем?

— Чтобы здесь быть, с детьми; они еще маленькие.

— Посмотрим.

Впервые за целый год Рафаэль и Люсио не пошли на работу. Люсио ложился спать вместе с братьями и сестрой. Он улегся на полу между кроватями, одетый, прикрывшись старым пальто. По бокам спали отец с Хуаном и Матильда с Рафаэлито.

— Холодно, да? — проговорил отец, гася свет.

Дети уже привыкли спать одни, без матери, и вскоре уснули. Рафаэль полежал немного с открытыми глазами, думая о событиях, завершивших этот обычный до абсурда день. Он произнес несколько раз имя Флоринды, пытаясь представить ее на больничной койке. Более ранние воспоминания не приходили в голову.

Рафаэль тоже наконец заснул.

Наступило утро, начался шумный день, кто-то из соседей сочувственно поздоровался. Пришел вечер и потом опять ночь, а на другой день снова жизнь пошла своим чередом: Рафаэль Чавес на рассвете отправился на завод, а Люсио, как зашло солнце, — на центральный вокзал продавать газеты.

⁂

Жизнь свела свои счеты и с Рафаэлем. Ему пришлось оставить работу: легкие были почти в безнадежном состоянии. Его увезли в Сан-Хосе де Майпо. Теперь дети приходили к нему, так же как два года назад они ходили к матери. Отец, оторванный от завода и клетушки в Ногалес, где ютилась семья, уже не рассуждал, как прежде, а лишь без конца твердил:

— Мне уже конец!

Давать детям советы было бесполезно, так же бесполезно, как и необходимо. И все же, когда они навещали его, вопросы возникали сами собой: что они делают, как ведет себя Рафаэлито, как они устраиваются, кто к ним приходит?

И самое главное: как у них с деньгами на питание? Вот о чем нужно было подумать в первую очередь.

— Рауль говорит, что профсоюз нам будет выдавать тысячу песо в месяц, — однажды вечером сообщил отцу Люсио.

Через минуту появилась сестра и погнала ребят:

— Идите, идите, дети! Больше пятнадцати минут здесь сидеть нельзя.

И вот Рафаэль Чавес, бывший номер 637 на кабельном заводе, а теперь номер 554 в больнице Сан-Хосе де Майпо, снова остается один на один с кучей проблем. Левой рукой он все еще чувствует, как только что ласкал детей, прощаясь с ними, а грудь сверлит тоска, которая так и осталась невысказанной. Порой наступает удушье, после которого иголками колет тело. Порой он весь уходит в воспоминания: перед глазами беспорядочной толпой проплывают былые поступки, знакомые предметы, лица, потом вдруг вновь появляется знакомый призрак с дряхлыми, костлявыми руками, призрак, возвещающий конец.

В такие мгновения он не знал, как держать себя; все казалось в одно и то же время и реальным и непостижимым; бояться, протестовать или плакать не имело смысла. Если он начинал плакать, наступало удушье. Тянулись бесконечные часы, номер 554 в полном сознании умирал на своей койке.

— Почему не пришел сегодня Рауль? — однажды спросил он Люсио. — В прошлое воскресенье он тоже не был.

— Его арестовали и увезли в Писагуа. Нашли в библиотеке в Ногалес и забрали. В Писагуа больше тысячи заключенных. Триста человек карабинеры расстреляли.

⁂

— Я постараюсь что-нибудь для вас сделать, — сказал управляющий. — У меня есть твой адрес. Я сам лично поговорю с мэром и на днях дам тебе знать, Люсио. До свидания.

И вот они остались вчетвером. Сентябрьским утром в воскресенье Люсио поднялся рано. Матильда с трудом притащила котел воды из колонки на углу. Двое младших еще спали.

— Если ты хочешь устроиться служанкой, — убедительно доказывал Люсио, — ты будешь зарабатывать только на себя и тут же родишь ребенка; и что еще хуже, тебе придется жить не здесь, и ты не сможешь смотреть за ними!

Он указал сначала ей на живот, а потом на двух младших братьев. Матильда понимающе кивнула, потом налила воды в жестянку, поставила ее на жаровню и с какой-то тупой тоской посмотрела на Люсио. Она наклонилась, и под выцветшей блузкой стала видна уже обозначавшаяся грудь. Матильда молчала, и Люсио продолжал:

— Я ведь старший... Надо что-то делать...

Трудно было выразить словами то, чего сам он еще не знал, и лишь одно определенное чувство — чувство ответственности — заставляло его говорить. Скоро три дня, как нет отца на свете. Мир, Чили, вернее, весь Сант-Яго сконцентрировался вокруг него и его сестры и братьев, вокруг их каморки, места, где он продавал газеты, и нескольких монет, на которые надо было жить.

— Может быть, в приют, — проговорила наконец четырнадцатилетняя Матильда. — Там хоть кормят.

— Знаю... Но мы, видишь ли, мы должны быть вместе, должны жить вместе; не знаю, почему, но я чувствую, что так нужно.

⁂

Шли дни, и Люсио все решил.

— Ты, Матильда, останешься дома. Соседи у нас хорошие, они знают, что случилось. Утром ты будешь смотреть за ребятами, а вечером они пойдут просить милостыню для себя и тебя.

Матильда смотрела на него с какой-то странной улыбкой, но не прерывала. И Люсио продолжал:

— Так будет с понедельника до пятницы, каждую неделю; и с понедельника до пятницы, каждую неделю, ты ничего не будешь делать для меня. Я буду приходить ночью, ложиться и уходить рано утром, как всегда. Вот так, с понедельника до пятницы, каждую неделю, я буду делать все для себя сам.

Люсио помолчал, а потом закончил:

— Остается суббота, и остается воскресенье, ты понимаешь меня, а?.. В субботу и воскресенье я не буду работать; мы будем все вместе, вчетвером, никто не пойдет просить милостыню. На деньги, которые я заработаю, мы купим у Вега фасоли, маисовой каши с сыром и даже рыбы и мяса. В субботу и воскресенье мы не будем расставаться, будем вместе все вчетвером. И не всегда, конечно, но когда-нибудь в субботу или воскресенье мы вчетвером пойдем в кино; вчетвером, все вместе.

Матильда торопливо кивнула, а Люсио вдруг решительно сказал:

— Постой... Ты уже ходила. Ты уже была в кино, а Хуан и Рафаэлито еще не были.

Перевела с испанского
И. Маненок.

ПАНАМСКИЕ ВЛАДЕНИЯ „ЮНАЙТ

Грегорио ОРТЕГА,
кубинский журналист

Фото Корда.

На длинном пляже, покрытом серым, грязным песком, черные петухи роются в кучах мусора. Темные волны злятся, пенятся, цепляются за песчаный берег. Тихий океан огромной грифельной доской распластался под низкими тучами. В конце длинной пристани застыли четыре подъемных крана. Мы в Пуэрто Армуэльес — столице владений компании «Юнайтед Фрут» в Панаме.

Вдоль берега налево тянется длинная улица. Это Силвер Сити —Серебряный Город, где живут портовые рабочие. От двухэтажных домов, битком набитых семьями грузчиков, к морю тянутся цементные канавы, по которым стекают зловонные помои и грязная вода из прачечных. Пройдите направо от пристани, и вы увидите другие поселки — Рабо де Пуэрко и Пуэбло Нуэво. Здесь живут те, кто пришел сюда, чтобы хоть как-нибудь заработать на жизнь. Глухая стена джунглей отрезает этих пленников банановых плантаций от остального мира. На плантациях хозяйничает Чирики Лэнд Компани — дочернее предприятие «Юнайтед Фрут».

Но вот Голд Ролл, что означает Золотой Список. Так называют часть города, где живет технический персонал и служащие компании, подданные США. Асфальтированные улицы поднимаются по отлогому склону среди фруктовых деревьев и цветущих клумб. Красивые дома с широкими террасами прячутся в веселых садах.

В маленьком вагончике местного сообщения мы едем на плантации. Пересекаем горы, покрытые густыми зарослями кустарника, проносимся мимо бойни и въезжаем в банановое царство.

Мы выходим из вагончика, доехав до поселка, где живут рабочие плантаций. Прямо перед нами навес. Под ним большой бак, в котором готовится состав против сигатоки — распространенной болезни банановых деревьев.

— Только индейцы опрыскивают деревья этим составом,— объясняет наш проводник Чиари Паласио.— Это очень тяжелая работа, да и состав ядовитый, вредно действует на здоровье.

— А разве масками рабочие не пользуются?

— Да нет. Однажды роздали маски, но под таким солнцем в них невозможно дышать. Ну, и рабочие побросали маски. Ведь большинство индейцев неграмотны и не понимают, какой вред приносит эта ядовитая смесь, которая разъедает их легкие. А когда они больше не могут работать,— продолжал Чиари Паласио,— их отправляют в больницу компании. Если у индейца находят туберкулез, ему говорят: «Можешь идти работать. У тебя ничего нет». Индеец возвращается в свой поселок, но управляющий уже предупрежден по телефону и отказывается принять его снова на работу. Теперь у индейца «волчий билет», ни на одной плантации его не возьмут. Когда же болезнь окончательно побеждает его, совсем обессиленный, он возвращается в резервацию, в свои родные горы, и умирает там среди соплеменников, заражая их неизвестной болезнью: в больнице компании «Юнайтед Фрут» не говорят, как она называется... Так погибли тысячи индейцев.

В нескольких метрах от навеса, где стоят баки и насос для смеси против сигатоки, размещаются жилища индейцев — домики на сваях.

— Где покупают индейцы продукты и одежду? — спрашиваем мы у Чиари Паласио.

— В «комиссариатах», так называют здесь лавки компании. Всякая другая торговля тут запрещена. Компания же, продавая товары, которые она беспошлинно ввозит через принадлежащий ей Пуэрто Армуэльес, получает обратно те деньги, что она выплачивает рабочим. По панамским законам,— рассказывает Паласио,— в сельскохозяйственной зоне запрещается открывать питейные заведения, но в «комиссариатах» продаются спиртные напитки. По сравнению с едой и одеждой они стоят очень дешево. По пятницам, после получки, уставшие до одури за неделю адского труда, отрезанные от всякого населенного пункта, где можно было бы хоть как-то развлечься, рабочие напиваются и пропивают все до последнего бальбоа[1].

— А сколько всего рабочих у Чирики Лэнд Компани?

— Около пяти тысяч восьмисот в провинции Чирики на Тихоокеанском побережье и около четырех тысяч на берегу Атлантического океана.

— Сколько же из них индейцев?

— Здесь, в Чирики, более тысячи ста. Раньше было почти вдвое больше. Но после забастовки 1953 года компания старается избавляться от них. Сейчас «Юнайтед Фрут» исследует, можно ли окуривать плантации составом от сигатоки с вертолетов. Тогда заработная плата, которую она выплачивает индейцам, осталась бы у нее...

В тот год,— продолжает наш собеседник,— забастовали все индейцы гуаями на банановых плантациях. Забастовка была проиграна, потому что не все рабочие нас поддержали. Мы не сумели объединиться. Руководитель забастовки, мой брат Висенте Паласио, шесть месяцев сидел в тюрьме. Потом еще три раза сажали. Власти выслеживали его каждый раз, как он появлялся на плантациях. Все местные власти находятся в полном подчинении у компании.

Хотите знать, до чего они доходят? — Глаза Паласио загораются гневом.— Я расскажу о случае с Феликсом Поланко. С молодых лет он работал на банановых плантациях. За активную защиту требований рабочих, в особенности самых угнетенных — индейцев, он был уволен и выслан из владений «Юнайтед Фрут». Поланко стал бродячим фотографом и продавцом одежды и обуви. Но компания не оставляла его в покое. То и дело Поланко сажали в тюрьму и налагали такие штрафы, которые он не мог выплатить. Он жил с женой и пятью детьми в страшнейшей нищете. Панамская полиция по приказу Чирики Лэнд Компани запретила ему появляться в районе Бару, где находятся плантации. И вот однажды, после того как несколько дней семье было нечего есть, Поланко с отчаяния повесился перед своей лачугой, оставив записку: «В моей смерти повинны те, кто запретил мне свободно ходить по району Бару, где я зарабатывал на хлеб для моих детей».

Шагая вдоль линии железной дороги все дальше в глубь плантации, мы слушаем рассказ о судьбе индейцев. Компания вывозит их из резерваций, где они живут первобытной жизнью, выращивая кукурузу, рис и фасоль. Их соблазняют высокими заработками, как скот, загоняют в грузовики и привозят на банановые плантации. Здесь они работают по десять, а то и по двенадцать часов в день. Им записывают всего восемь и крадут плату за остальные часы.

Грубо сколоченный крест, стоящий у самой линии железной дороги, привлекает наше внимание.

— Что это?

— Здесь поезд компании сбил одного индейца. Когда темнеет,

[1] Бальбоа — денежная единица Панамы.

ОНИ ЖИВУТ В КОРОЛЕВСТВЕ КИТО

ДЖОАН РОДКЕР,
английская журналистка

Столица Эквадора Кито.

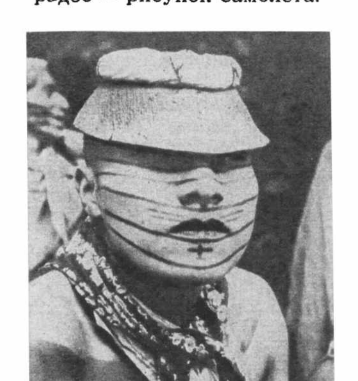
Не ищите такого названия на пестрых географических картах. Не листайте пухлые атласы. Не обращайтесь к филателистам с просьбой достать редкую марку этого государства. Такой страны нет. Точнее, она существует, но под другим названием — Эквадор. Энциклопедии сообщают об этой стране следующее: «Эквадор — государство Южной Америки. На севере граничит с Колумбией, на востоке и юге — с Перу. Население — 3 777 тысяч человек. Столица — г. Кито».

И все-таки никакой ошибки в нашем заголовке нет. Имя этой стране дали, воспользовавшись чисто внешним поводом: страна лежит на экваторе. Официальное название «Эквадор» сохранилось, хотя многие обитатели страны продолжают называть родину по-прежнему — Королевством Кито.

Солнечный город Кито раскинулся на высоте почти трех тысяч метров у вулкана Пичинча. Кито видел еще испанских конкистадоров, захвативших страну и жестоко подавлявших ее. Брусчатые мостовые города не раз омывала кровь патриотов, поднимавшихся против чужеземцев.

Рядом с католическими соборами в Кито вырастают здания в духе модернистской архитектуры. Богатые люди города подражают в одежде американской моде. Но гораздо чаще на улицах можно увидеть традиционные индейские плащи — пончо — и босых прохожих. Страна страшно бедна, около половины ее жителей не имеют средств на обувь. Крестьян-бедняков называют усипунгеро, что означает владелец ничтожно маленького клочка земли. Эти наделы часто расположены на таких крутых склонах, что в народе есть поговорка: «Поле можно засеять, стреляя из ружья, а урожай собирать с помощью лассо».

В джунглях Эквадора. На лице мужчины племени колорадос — рисунок самолета.

Но отправимся на север, в район Имбабура. Здесь обитает племя отовалов. Их основной промысел — изготовление шерстяных одеял и пончо, которые они издавна сбывают по всей стране. Здесь господствуют древние обычаи. «Высшая» мера общественного наказания — конфискация пончо, которая осуществляется общиной. Провинившийся должен выполнить какую-нибудь общественно полезную работу, например, подмести улицу, и тогда ему возвращается конфискованное. Всю одежду и орудия труда отовалы изготовляют сами. Исключение составляют лишь покупаемые в городах фетровые шляпы.

Спустимся с гор и отправимся на запад, в джунгли. Сюда веками вытеснялись завоевателями коренные жители Эквадора. Для них так называемая цивилизация означала медленную смерть, постепенное вымирание. Эти люди испытали на себе убойную силу огнестрельного оружия и мутный угар католицизма, так и не увидев радостного светоча культуры.

...ЕД ФРУТ"

многие индейцы возвращаются с работы или из «комиссариатов» отупевшие от усталости, часто пьяные и не слышат шума мотора. Они погибают под колесами поезда, который, не останавливаясь, мчится дальше. Труп остается лежать до следующего дня. Никто потом не помнит имени погибшего. Его родственники никогда не заявляют компании о несчастном случае: боятся, что их уволят. Ну, а компания всегда находит доказательства, что виноват был сам индеец, что погиб он из-за собственной неосторожности.

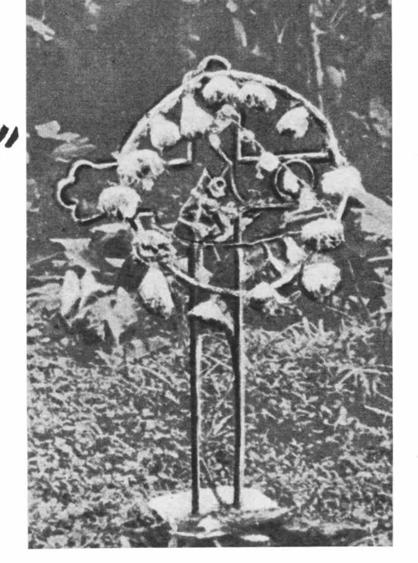
— И никто не интересуется, как живут рабочие на банановых плантациях?

— Как же! Из года в год Национальная Ассамблея присылает сюда комиссии. Компания приглашает такую комиссию на банкет, накачивает ее шампанским и виски. После этого комиссия уезжает, даже не побывав на плантациях, и докладывает, что обращение компании с рабочими не оставляет желать лучшего. Да чего и ждать, если у «Юнайтед Фрут» есть даже свои собственные депутаты в Национальной Ассамблее! Говорят, они даже числятся у нее в штате...

Солнце, поднявшееся уже высоко, палит нестерпимо, отражаясь в стальных рельсах, и мы спасаемся во влажной тени бамбуковых зарослей, высокой стеной обступивших с обеих сторон железнодорожное полотно. Каньясас, как называют индейцы бамбук, выращивают специально, чтобы из его крепких и длинных стеблей делать подпорки для банановых деревьев. Мы проходим мимо еще одного поселка.

— Почему индейцы не заводят ни кур, ни свиней?

— Компания запрещает это. Если у кого-нибудь из рабочих появится курица или свинья, ему тут же приказывают ее зарезать или рабочего увольняют. Обрабатывать землю в пределах владений компании тоже запрещено. Пастбища компания использует только для своего скота или просто держит землю в горах незанятой. Если же индейцы слишком упорно добиваются раздачи пустующих земель, компания сажает на свободных участках бамбук...

Безымянный крест — единственное напоминание об индейце, погибшем под колесами поезда, который вез бананы.

Перед погрузкой в поезд бананы моют и каждую гроздь кладут в прозрачный пакет. Вагоны, доставляющие плоды в порт, специально оборудованы, чтобы бананы не пострадали в дороге. В порту конвейер доставляет банановые грозди на палубы пароходов. Каких только механизмов и приспособлений не придумает «Юнайтед Фрут», чтобы уберечь свое зеленое золото! Бананы! Только бы не погибли бананы, а то, что индейцы гуаями сотнями умирают в сырой банановой чаще, нисколько не беспокоит хозяев.

Подходит поезд. Это три старых вагона, подрагивающих в такт дизельному мотору. С трудом протискиваемся в тамбур. Все забито тюками, корзинами. И вот поезд снова везет нас по банановым джунглям, качаясь из стороны в сторону, словно пароход в неспокойном море.

Перевела с испанского Г. Дубровская.

Семья из племени хиваро.

Деревня в Эквадоре.

Из племени колорадос осталось в наши дни несколько сот человек! Трудно представить себе, что искусственные спутники Земли проносятся над этой территорией, где живут люди, едва вступившие в железный век. Впрочем, последние достижения человеческой мысли находят себе подчас место в первобытном укладе индейцев-колорадос. На фотографии виден один из представителей этого племени, который заменил традиционный родовой знак на своем лице силуэтом самолета.

Невеселые мысли овладевают путешественником, когда он покидает «Королевство Кито». Кофе и какао Эквадора, его золото, медь, свинец, нефть — все это в руках американских и английских компаний, и со всего этого иноземцы снимают сливки.

Но и в этой многострадальной стране горит в сердцах людей огонь надежды на лучшую жизнь. Он разгорается в пламя народной борьбы. Свидетельство этому — мужественные выступления нефтяников Анконы, рабочих золотых присков, банановых плантаций, моряков, грузчиков против иностранного засилья.

СОСЕД С ДУБИНОЙ

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ США СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

История отношений Соединенных Штатов Америки со своими латиноамериканскими соседями полна примеров грубого вмешательства и интервенций. Более ста раз США посылали на земли латиноамериканских стран своих солдат или вооруженных наемников. Вот главные из вооруженных интервенций, совершенных США в двадцатом веке:

1899—1902 годы — военная оккупация Кубы.

1903 год — США силой навязали Панаме кабальный договор, в результате чего ими был захвачен на «вечные времена» кусок панамской земли, по которой сейчас проходит канал.

1906 год — войска США вновь высадились на Кубе и находились там до 1909 года.

1909 год — войска США высадились в Никарагуа.

1912 год — американские солдаты вновь «посетили» Кубу.

1912—1915 годы — американские интервенты оккупировали ряд местностей в Никарагуа.

1913 год — морская пехота США высадилась близ Тампико (Мексика).

1914 год — военный флот США разбомбил мексиканский порт Вера-Крус, который был затем оккупирован американской морской пехотой.

1915 год — США начали оккупацию Гаити, продолжавшуюся до 1934 года.

1916 год — американская армия под командованием генерала Першинга вторглась в Мексику, чтобы подавить мексиканскую революцию.

1916—1924 годы — американская оккупация Доминиканской Республики.

1917—1922 годы — новая оккупация Кубы американскими войсками.

1919 год — морская пехота США высадилась в Гондурасе.

1918—1920 годы — американские войска оккупировали Панаму.

1920 год — морская пехота США оккупировала город Гватемалу.

1924 год — новая высадка морской пехоты в Гондурасе.

1925 год — новая оккупация Панамы.

1926—1933 годы — оккупация американскими войсками Никарагуа.

1954 год — Соединенные Штаты организовали вторжение наемных банд Кастильо Армаса в Гватемалу и свержение демократического правительства Арбенса.

1960 год — «неофициальная» агрессия против революционного правительства Кубы.

Прекрасный остров Маргарита

Пабло ГАСПАРИНИ, венесуэльский журналист

Я был на острове Маргарита и сделал там эту фотографию. Я хотел показать людей, которые живут в условиях, совсем не похожих на те, что красочно расписываются в рекламах авиакомпаний, призывающих вас посетить «прекрасный остров Маргарита, остров жемчужных раковин, исторических развалин, где есть прекрасный ультрасовременный отель».

Аэродром острова находится в Порламаре, куда попадаешь после полуторачасового полета из столицы Венесуэлы Каракаса. Шоферы за несколько минут доставляют туристов к отелю. Потом вам предлагают поехать «знакомиться» с островом. Там, где кончается красивое асфальтированное шоссе, начинается коричневая полоса бесплодной, истоптанной земли. По обеим сторонам расположены жилища рыбаков.

Рыбаки выставляют дозорного и, как только он заметит косяк рыбы, выходят в море на баркасах, нагруженных тяжелыми сетями. Но — увы! — рыба не всегда приходит к острову Маргарита!

Полоса коричневой истоптанной земли сменяется плоской сероватой местностью, постепенно белеющей и, наконец, ярко-белой, блестящей под солнцем. Это солончак, очень маленький, соль в нем бывает только тогда, когда не идут дожди. Рыбаки, их жены и дети ходят на этот сверкающий луг собирать соль, ставшую для них дополнительным, а часто и единственным источником существования.

Одни дробят соль железными тарелками, другие разминают ее на куски просто руками. Работают, согнувшись в три погибели под жестоко палящим солнцем; у некоторых на ногах шерстяные носки, другие стоят в воде босиком. Собирают соль в большие тазы или жестяные банки и относят к границе солончака, где пересыпают в мешки и несут на голове до деревни. В Пампатаре торговцы за мешок крупной соли платят меньше боливара[1], а за мешок мелкой — немного дороже. Люди с солончака говорили мне, что эти же торговцы перепродают крупную соль по пять, а мелкую — по семь боливаров за мешок.

В сухое время года семьи рыбаков стараются использовать каждую минуту: собирают соль даже ночью. Дети работают вместе с матерями, помогают им.

Сейчас светит солнце, и дожди еще не затопили солончак — можно собирать. Одно время у солончака были поставлены сторожа, не подпускавшие никого близко. Соляной промысел стал на это время ночным. Теперь сторожей нет, и каждый день, если только не идет дождь, женщины и дети спешат на солончак, чтобы простоять там дотемна в соленой воде за своей изнуряющей работой. Но если не это, на что жить?

[1] Боливар — денежная единица Венесуэлы.

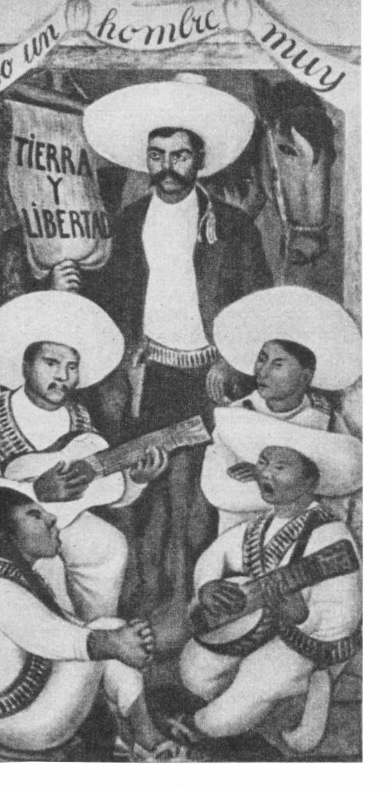
Каждый день, если только не идет дождь, они приходят на солончак.

Илья ЭРЕНБУРГ

Диего Ривера

Диего Ривера. ПЕСНЬ О ПАРТИЗАНЕ САПАТЕ.

Я сидел в холодной мастерской Диего Риверы; мы говорили о том, как ловко теперь маскируют и броню танков и «цели войны». Вдруг Диего закрыл глаза, казалось, он спит, но минуту спустя он встал и начал говорить о каком-то ненавистном ему пауке. Он повторял, что сейчас он найдет паука и раздавит. Он пошел прямо на меня, я понял, что паук — это я. Я убежал в другой угол мастерской. Диего остановился, повернулся, снова пошел на меня. Я видел и до этого Диего в припадке сомнамбулизма, он всегда с кем-то сражался, но на этот раз он хотел уничтожить меня. Будить его было бесчеловечно: у него начиналась после этого невыносимая головная боль. Я кружился по мастерской не как паук, а как муха. Он находил меня, хотя его глаза были закрыты. Я еле выбрался на лестницу.

У Диего была желтая кожа; иногда он засучивал рукав рубашки и предлагал одному из приятелей кончиком спички что-либо написать на его руке или нарисовать; тотчас буквы, линии становились рельефными. (В Ботаническом саду Калькутты я видел тропическое дерево, на его листьях можно тоже писать кончиком спички, написанное постепенно выступает). Диего говорил мне, что сомнамбулизм, желтая кожа, рельефные буквы — все это последствия тропической лихорадки, которой он болел в Мексике. Я рассказываю об этом потому, что думаю о жизни, об искусстве Диего Риверы: он часто шел на врагов с закрытыми глазами.

Диего любил рассказывать о Мексике, о своем детстве. Он прожил в Париже десять лет, стал одним из представителей «парижской школы»; дружил с Пикассо, с Модильяни, с французами; но всегда перед его глазами были рыжие горы, покрытые колючими кактусами, крестьяне в широких соломенных шляпах, золотые прииски Гуанахуато, непрерывные революции: Мадеро свергает Диаса, Уэрта свергает Мадеро, партизаны Сапаты и Вильи свергают Уэрту...

Слушая Диего, я начинал любить загадочную Мексику; древняя скульптура ацтеков как бы сливалась с партизанами Сапаты. Хулио Хуренито — мексиканец; когда я писал мой роман, я вспоминал рассказы Диего. Мне привелось читать, что Хуренито — портрет Риверы; сбивают некоторые черты биографии: и мой герой и Диего родились в Гуанахуато; Хуренито в раннем детстве отпилил голову живому котенку, желая понять отличие смерти от жизни, а Диего, когда ему было шесть лет, распотрошил живую крысу, желая проверить, как рождаются дети. Много других деталей детства Хуренито навеяны рассказами Риверы. Но, конечно, Диего не похож на моего героя: Хуренито думал больше, чем чувствовал, он брал ненавистную ему догму общества и доводил ее до абсурда, чтобы показать, как она порочна. Диего был человеком чувств, и если он иногда доводил до абсурда дорогие ему самому принципы, то только потому, что мотор был силен, а тормозов не было.

Я познакомился с Диего в начале 1913 года; он тогда начинал писать кубистические натюрморты. На стенах его мастерской висели холсты предшествующих лет; можно было различить вехи — Греко, Сезанн. Были видны и большой талант и некоторая присущая ему чрезмерность. В Париже в начале нашего века был моден испанский художник Сулоага; он стал известен картинами, показывавшими гитан, тореадоров, тем, что испанцы раздраженно называют «испанщиной» — стилизацией фольклора. Диего на короткий период увлекся Сулоагой; историки искусств даже определяют некоторые холсты Риверы «периодом Сулоаги». К 1913 году он успел с Сулоагой распрощаться.

Незадолго до того он женился на художнице Ангелине Петровне Беловой, петербурженке с голубыми глазами, светлыми волосами, по-северному сдержанной. Она мне напоминала куда больше девушек, которых я встречал в Москве на «явках», чем посетительниц «Ротонды». Ангелина обладала сильной волей и хорошим характером, это ей помогало с терпением, воистину ангельским, переносить приступы гнева и веселья буйного Диего; он говорил: «Ее правильно окрестили»...

К кубизму различные художники пришли разными путями. Для Пикассо он был не костюмом, а кожей, даже телом, не живописной манерой, а зрением и мировоззрением; начиная с 1910 года по наше время, кажется, не было года, чтобы Пикассо наряду с другими работами не написал бы несколько холстов, которые являются продолжением его кубистического периода: манера устаревает, но свою природу художник изменить не в силах. Для Леже кубизм был связан с любовью к современной архитектуре, к труду, к машине. Брак говорил, что кубизм позволил ему «полнее всего выразить себя в живописи». Диего Ривере в 1913 году было двадцать шесть лет; но мне кажется, что он еще не видел своего пути, ведь за год до кубизма он мог восхищаться Сулоагой. А рядом был Пабло Пикассо... Диего как-то сказал: «Пикассо не только может из черта сделать праведника, он может заставить господа бога пойти истопником в ад». Никогда Пикассо не проповедовал кубизма; он вообще не любит художественных теорий и приходит в уныние, когда ему подражают. Он и Риверу ни в чем не убеждал; он только показывал ему свои работы. Пикассо написал натюрморт с бутылкой испанской анисовой настойки, и вскоре я увидел такую же бутылку у Диего... Конечно, Ривера не понимал, что подражает Пикассо; а много лет спустя, осознав это, он начал поносить «Ротонду» — сводил счеты со своим прошлым.

Кубизм его многому научил; его работы парижского времени мне и теперь кажутся прекрасными. Он иногда писал портреты; написал портрет испанского писателя Рамона Гомеса де ля Серна, передал пестроту и эксцентричность модели (Рамон выступил в Париже с докладом о современном искусстве, стоя на спине циркового слона). Писал Диего Макса Волошина, скульптора Инденбаума, архитектора Асеведо. Портрет Макса Волошина передавал сочетание семипудового человека с легкостью, несерьезностью порхающей птички; голубые и оранжевые тона; розовая маска эстета из журнала «Аполлон» и вполне натуралистический завиток курчавой бороды фавна.

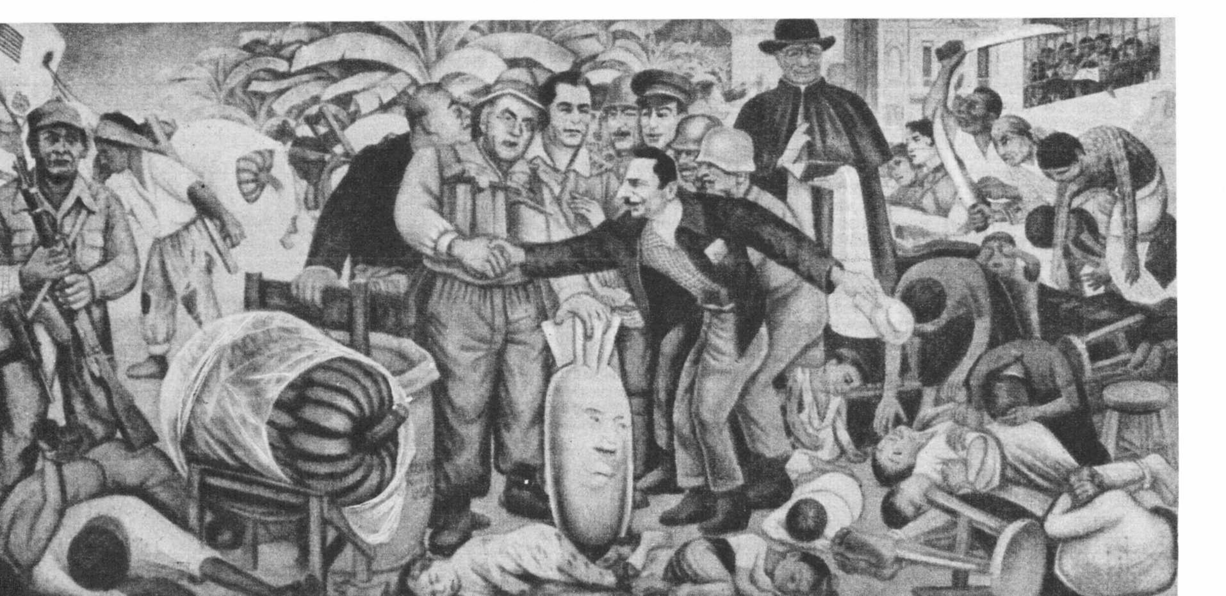
Позировал Ривере и я. Он сказал, чтобы я читал или писал, но попросил сидеть в шляпе. Портрет — кубистический и все же с большим сходством. (Его купил американский дипломат; Ривера потом не знал о дальнейшей судьбе этого холста). У меня сохранилась литография портрета. В 1916 году Диего сделал иллюстрации для двух моих книжонок: одну напечатал все тот же неунывавший Рираховский, другая была оттиснута литографским способом — я писал, а Ривера рисовал. Больше всего Диего увлекали натюрморты.

Ривера был первым американцем, которого я узнал. С Пабло Нерудой я познакомился много позднее — в годы испанской войны. Есть между ними нечто общее: оба выросли на искусстве старой Европы, оба потом захотели создать свое национальное искусство и внесли в него некоторые черты Нового света: силу, яркость, пренебрежение чувством меры (в Америке обыкновенный дождь напоминает потоп). Диего вместе с Ороско создал мексиканскую школу живописи; в фресках Риверы сказались особенности и его характера и характера Америки — стихийность, техническое многообразие, наивность.

Мы подружились; мы были крайним флангом «Ротонды» — знали, что, помимо старого, печального Парижа, имеются другие миры да

Отрывок из книги «Люди, годы, жизнь», публикуемой в журнале «Новый мир».

Диего Ривера. БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА. На картине изображен Джон Фостер Даллес, пожимающий руку наемнику США Арбенсу, палачу народа Гватемалы.

и другие пропорции явлений. Диего мне рассказывал про Мексику, я ему — про Россию. Хотя он говорил, что перед войной прочитал Маркса, восхищался он приверженцами Сапаты; его увлекал ребячливый анархизм мексиканских пастухов. А в моей голове тогда все путалось — большевистские собрания и Митя Карамазов в Мокром, романы Леона Блуа, этого запоздавшего Савонаролы, и распотрошенные скрипки Пикассо, ненависть к налаженному буржуазному быту Франции и любовь к французскому характеру, вера в особую миссию России и жажда катастрофы. Мы с Диего друг друга хорошо понимали. Вся «Ротонда» была миром изгоев, но мы, кажется, были изгоями среди изгоев.

...Приехав в Париж весной 1921 года, я, конечно, сразу разыскал Риверу; он жил все в той же мастерской. Перед этим он побывал в Италии, восхищался фресками Джотто и Учелло, рисовал; то были первые наброски его нового периода. Он был увлечен Октябрьской революцией, рассказами о «Пролеткульте»; собирался к себе на родину.

Вскоре он начал покрывать стены правительственных зданий Мехико грандиозными фресками. Я читал о нем, видел иногда репродукции его фресок, но с ним не встречался. В 1928 году он был в Москве; мы с ним не виделись — он миновал Париж. Как-то пришла ко мне одна из его бывших жен, красивая мексиканка Гваделупа Марин; она разыскивала в Париже ранние работы Диего.

Ривера стал знаменит; о нем писали монографии. Его пригласили в Соединенные Штаты; он написал портрет одного из автомобильных королей — Эсделя Форда; Рокфеллер заказал ему фрески. Ривера изобразил сцены социальной борьбы, Ленина. После долгих переговоров фрески были уничтожены.

В 1951 году в Стокгольме я пошел на большую выставку мексиканского искусства. Древняя скульптура ацтеков меня потрясла: она напоминала древнюю скульптуру Индии, Китая. Поражали пути цивилизации: от архаики, от монументальности ацтеки сразу перешли к вычурному барокко. Потом я поднялся на второй этаж и увидел работы Риверы. Станковые полотна показывали живописную силу. Были и репродукции стенной живописи. Я их не почувствовал, наверно, не понял. Порталы готических соборов представляют каменную энциклопедию эпохи, но люди тогда не умели читать. Фрески Риверы — это множество рассказов: то об истории мексиканской революции, то о прививках против оспы, то об экономике Нового света. Он не забыл итальянских уроков, его мексиканки наклоняются, танцуют и спят, как флорентийские дамы XV века. Он хотел соединить национальные традиции с современной живописью, как это делают многие индийские или японские живописцы. Я понял вдруг его упреки, обращенные к советским художникам: почему они пренебрегают «народным искусством, лаковыми коробочками». Вероятно, будь он русским, он попытался бы соединить раннего Риверу с Палехом...

Впрочем, я начинаю говорить о моих художественных вкусах, а это не к месту. Лучше сказать, что Ривера попытался разрешить одну из труднейших задач нашей эпохи: создать стенную живопись. Через всю жизнь он пронес верность народу; много раз ссорился и мирился с мексиканскими коммунистами, но с 1917 года и до смерти считал Ленина своим учителем.

Он приезжал в Вену на Конгресс сторонников мира; это было в 1952 году. Я сказал ему, что на мексиканской выставке мне понравились работы Тамайо. Диего рассердился, обвинил меня в формализме; вместо встречи друзей после тридцатилетней разлуки вышел скучный диспут о станковой и стенной живописи. Потом он приезжал в Москву лечиться; пришел ко мне. Мы провели вечер в воспоминаниях — так разговаривают люди, когда чемоданы упакованы и полагается присесть перед длинной дорогой. Все, что в нем было детского, прямого, сердечного, что меня трогало когда-то, встало в этот последний вечер. Больше мы не видались.

Он был из тех людей, которые не входят в комнату, а как-то сразу ее заполняют. Эпоха теснила многих, а он не уступал, потесниться пришлось эпохе.

Хосе Вентурелли. ТРУДНЫЕ ГОДЫ.

Скорбь, гнев, надежда

В прозвучавшей на весь мир Гаванской декларации народа Кубы мы читаем:

«...Сейчас непобедимо и мощно раздается свободолюбивый голос Латинской Америки, истинный голос ее народов, ...голос, который выражается ее поэтами и писателями, учащимися, женщинами, детьми, стариками». Свободолюбивый голос Латинской Америки звучит и в произведениях ее художников-патриотов. В этом номере читатели познакомятся с работами графиков пяти латиноамериканских стран: Мексики, Бразилии, Аргентины, Чили, Уругвая.

ЛЕОПОЛЬДО МЕНДЕС (Мексика) — один из организаторов «Мастерской народной графики», цель которой — служить «демократическим устремлениям мексиканского народа». Его соотечественник АРТУРО ГАРСИА БУСТОС собрал вокруг себя группу молодых революционных художников, вошедших в 1945 году в «Мастерскую народной графики».

АБРААМ ВИГО, скончавшийся несколько лет назад, был одним из старейших художников Аргентины.

Бразильский художник ДАНУБИО ВИЛЬЯМИЛ ГОНСАЛВЕС входит в художественное объединение «Клуб друзей гравюры».

АНЬЕЛО ЭРНАНДЕС — молодой прогрессивный художник Уругвая.

ХОСЕ ВЕНТУРЕЛЛИ (Чили) — один из популярнейших художников Латинской Америки.

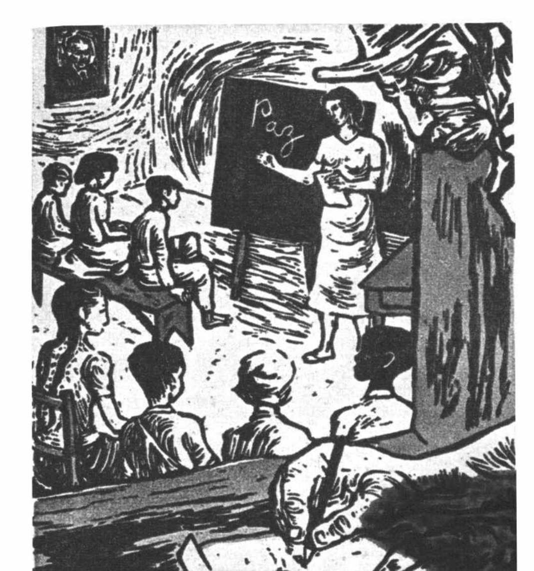
Скорбь, гнев, надежда на светлое будущее двигали резцом художников, создавших листы, которые дышат горячей любовью к труженикам Латинской Америки и неукротимой ненавистью к ее поработителям.

Каждый оттиск — это страстный призыв к наследникам Сапаты и Сандино подняться на решительную борьбу за свободу. Призыв этот будет услышан всеми народами Латинской Америки, как был он услышан революционной Кубой, ставшей знаменем континента.

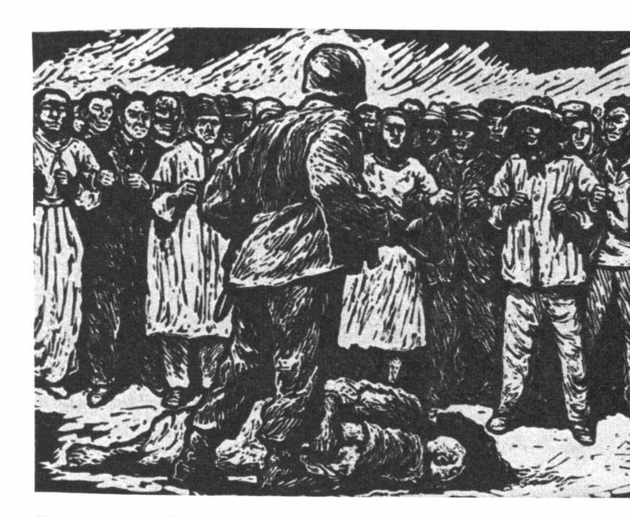
Аньело Эрнандес. ПАТРИОТЫ.

Данубио Вильямил Гонсалвес. ПРИЗЫВ К МИРУ.

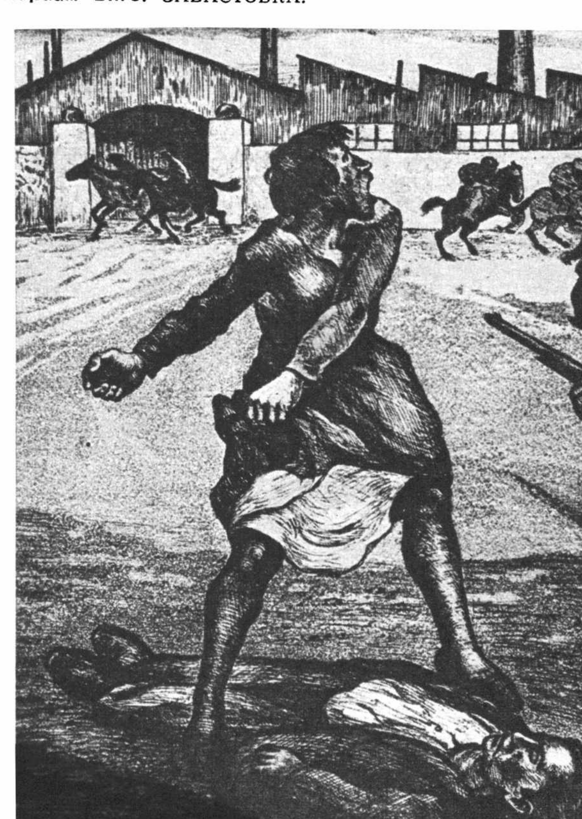

Артуро Гарсиа Бустос. СЕРДЦЕ ГВАТЕМАЛЫ.

Леопольдо Мендес. НАРОДЫ МИРА ПРОТИВ ВОЙНЫ.

Абраам Виго. ЗАБАСТОВКА.

СВЕ

М. АЛЕКСЕЕВ

В народе говорится: «Добрые дела лучше начинать с утра». Земля и все сущее на земле, отдохнув за ночь — долгую ли, короткую ли,— с рассветом пробуждаются, полные упругой свежести, еще не растраченных сил для деяний больших и малых. Утром от берегов Балтики отправился в далекое плавание теплоход — посланец мира; думается, с рассветом, с восходом солнца, устремляются в безбрежные небесные дали наши спутники и космические корабли; ранним утром ученый склоняется над рукописью, изобретатель — над чертежами; на утренней зорьке мы слышим бодрый и призывный рев заводских гудков; еще до восхода солнца, но непременно на рассвете, когда горизонт чуть побледнеет, в поле выходят люди: брошенное утром зерно быстрее прорастет и выбросит на волю мощное жальце всхода; потом он же, крестьянин, раннею росною порой выйдет на луга,— «коси коса, пока роса»; пробудится хлопотунья-пчела: где-то на лесной поляне уже раскрылся цветок и в сладостном изнеможении ждет...

Светает.

Окрашивая макушки дерев, солнце — сначала медленно, потом все быстрей, быстрей — подымается над лесом, над садами. Захваченный неповторимым, изо дня в день повторяющимся мгновением, ты останавливаешься в немом оцепенении и, притаив дыхание, слушаешь неумолчную, старую и вечно молодую музыку птичьего гомона, шепота листьев и трав, то чуть внятного, то громкого, тревожного под порывами степного мимолетного ветра. Просеиваясь через густые кроны, теплым золотым дождем струится на землю солнечный свет, в лучах его кружатся, сталкиваются, мельтешат, мешаясь с пылинками, мириады чуть видимых живых существ — это от них, должно быть, по лесу течет непрерывный, высочайшего тембра и необыкновенной стройности звук — звук туго натянутой серебряной струны. Закрыв глаза, настроишь сердце на волну этой таинственной, колдовской струны, и в него светлым потоком польется нечто непостижимое, вызывающее в человеке неутолимую и неизбывную радость жизни.

Такое бывает еще ранним осенним утром, когда воздух весь как бы соткан из тонкой белой паутины «бабьего лета» и когда с немыслимых высот прямо в душу твою падают звонкие, хрустальные, чуть грустные капли прощального журавлиного курлыканья. Не знаю, почему, но в такие минуты человек особенно остро ощущает себя частью природы, малым кусочком всесильной плоти ее.

Об этом я подумал еще раз, когда прошлой весной на восходе солнца вышел в родном селе своем в колхозный сад. Сразу же за изгородью я наклонился, чтобы не зацепить сучьев и не стряхнуть себе за шиворот холодные капли росы, и вдруг замер, пораженный раскрывшейся передо мною картиной: в трех шагах от меня, там, куда падали, дробясь о ветви, солнечные брызги, на сложенном вчетверо стеганом, сшитом из нарядных клинышков и квадратиков одеяльце лежал ребенок, усыпанный лепестками цветов выросшей тут же кудрявой, уже отцветающей черемухи. В полуоткрытых румяных губах его прозрачным пузырем надулась слюна, распашонка задралась к подбородку, и было видно, как матово-смуглый, молочного цвета животик мерно, покойно колышется. Прямо в изголовье ребенка белели, качаясь на тонких ножках, три чашечки ландыша, на них дрожали капелюшки еще не выпитой солнцем росы.

Хрустнула ли сухая ветка под моей ногою, кашлянул ли я нечаянно, только слева от меня, куда я не глядел, кто-то встрепенулся, послышался испуганный женский голос: «Кто там?»

От того ли вскрика, от солнечных ли зайчиков, добравшихся наконец до лица и защекотавших его, но ребенок проснулся и громко, на весь сад, заплакал. Женщина встрепенулась опять — я узнал в ней невестку старого садовника,— подхватила сына на руки и, торопясь, не стыдясь постороннего, широко распахнула кофту и, придерживая левой ладонью большую, всю в тонких синих жилках грудь, дала ее ребенку. Мальчишка заурчал по-звериному, замурлыкал и, кося на меня диковатый глаз, принялся бурно сосать. Насосавшись, снова заснул. Мать положила его на этот раз под яблоню, тоже отцветающую. С яблони сыпались цветки; они, как первый, еще нежный, чистый, пушистый снег, запорхали меж ветвей, и через полчаса внизу было все белым-бело, и ребенок спал уже в этом белом пахучем царстве, на ничтожно малом кусочке огромной и теплой нашей планеты, на которой нашлось и ему место, не ведающему еще ни того, что творилось вокруг него в этом необъятном, растревоженном мире, ни того, для каких — малых, великих ли — дел родился он, новый житель Земли. Хотелось, однако, верить: для великих! Ясным солнечным утром вообще ожидаешь только хорошее... Не потому ли все живое тянется к солнцу, к свету?

Гляньте на подсолнух, на этого златоглавого добра-молодца. С какой неутомимостью следует он извечному пути небесного светила!

Рассвет!..

Росные степные и луговые зори манят к себе стада.

Еще до восхода солнышка выходит с удочками на плече неукротимый страстотерпец студеных утренних зорь — рыболов. Солнце все выше и выше. Поклевка все реже. Но не скоро еще рыбак смотает удочки: рыбака никогда не покидает надежда...

Реченька светлым-светла. А осень бывает скоротечной. Случается, что в первых числах ноября, подкравшись в предрассветной тишине, ударит мороз. Речка на бегу остановится, и, не замутненная серенькими долгими дождями и неприютными ветрами, глядит она в озябшее небо ясными-преясными голубыми очами, закрапленными только пятнышками упавших накануне и тоже остановившихся в удивленном недоумении листьев. Прибрежный лес быстро погружается в зимнюю спячку, торопливо сбрасывая с себя летнее убранство. Лиственная багряно-желтая пороша усилится. Воздух будет полон трепетного шелеста, словно тысячи нарядных бабочек порхают в нем. Под ногами сочно захрустит. Над лесом, над болотами и озерами неприкаянно закружатся застигнутые врасплох станицы диких уток. Мальчишки с торжествующим криком выскочат на реку. Молодой ледок ослепительно зазвенит, на нем тут и там под лезвием коньков вспыхнут холодные радужные «петухи». А во второй половине ноября выпадет снег, тоже на рассвете — это почему-то всегда бывает на рассвете,— и за одно утро прежний мир как бы исчезнет вовсе под огромным белым покрывалом. В такое утро мнится, что вот явится сейчас некто и начнет творить все заново на этой бесконечной белой площадке. Творить, однако, ничего не надо: давным-давно сотворенный мир, обновляясь, живет своей неповторимо сложной и вечной жизнью.

Рассвет...

Не проспи его! На рассвете легче дышится, просторней, шире и дерзновеннее думается и мечтается, на рассвете хорошо поется.

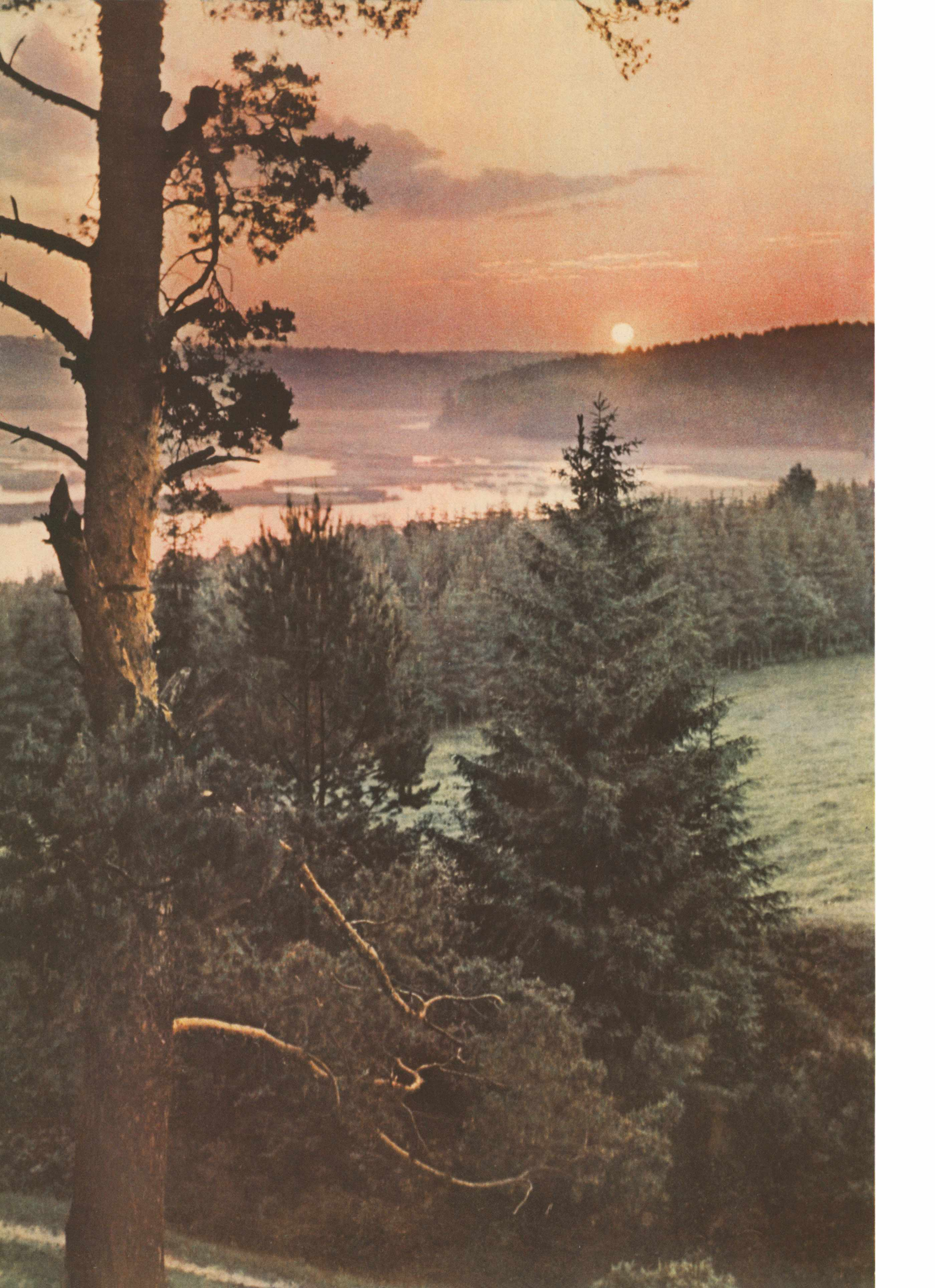
К тому же, утро вечера мудренее.

Светает...

Наверное, не одну раннюю утреннюю зорьку встретил Б. Кузьмин с фотоаппаратом в руках, чтобы сделать эти снимки. Глядя на них, мы чувствуем и свежесть утра и неувядаемую прелесть родной природы.

ТАЕТ...

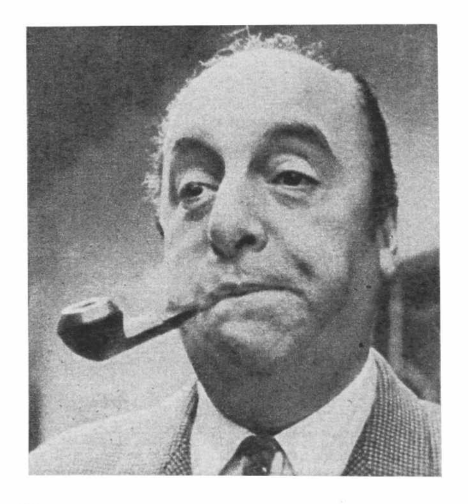

«Привет душистому хлебу и камню...»

НОВЫЕ СТИХИ

Пабло НЕРУДА

ВСПОМИНАЯ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Заговорив о зыбких знойных пальмах,
целуемых карибским влажным ветром,
скажу, что среди стольких кареглазых
Марти был самым зорким человеком.
Он видел все: и даль и то, что рядом,
глаза его горят все тем же блеском,
как будто их не ослепило время,
взор Кубы всей цветет во взоре этом...
В ту пору было трудно лавр свободы
взрастить под неуютным, хмурым небом,
свободой даже грезить было страшно:
для тех, кто грезил, смерть была уделом.
Но спящих и забитых разбудил он
стрельбой — и души их наполнил светом.
Он гением своим, своею кровью
каркас зари воздвиг в порыве смелом!

САЛЬВАДОР, СМЕРТЬ...

Еще гуляет смерть по Сальвадору,
в крови крестьян ее тупая морда.
Кровь эту не высушивает время
и не смывают ливни на дорогах.
Под пулями пятнадцать тысяч пало...
Мартинес — имя палача народа.
С тех пор неистребимо пахнут кровью
вино, и хлеб, и почва Сальвадора.

МУНЬОС МАРИН ИЗ ПУЭРТО-РИКО

Есть жирный червяк в этих землях,
есть алчный червяк в этих водах,
изгрыз он отечества знамя
и знамя хозяйское пóднял.
Питался он кровью героев
на кладбищах и на допросах,
в маисовых прядях Америки
свивая гнусные гнезда.
Раздувшись от крови казненных,
он нежился на банкнотах,
воздвиг фальшивые статуи
и родину праотцев продал
в неволю с аукциона —
и остров, ясный как звездочка,
стал подобием гроба.
Забрался он в души поэтов,
в изгнанье хлебнувших горя,
бросал он ученым кости
и щедро платил славословам —
пифагорейцам из Перу.
Был белым дворец торговца
(внутри — как чикагская бойня)
с когтями, усами и сердцем
Луиса Муньоса Черта,—
он Муньос Марúн лишь для вида,
он Иуда бескровного крова,
правящий рабством родины,
подкупающий брата родного.
Двуязыкий толмач изуверов,
у вúски он — за шофера.

МОЛОДЕЖИ КАРИБСКОГО МОРЯ

Кровавого бассейна молодежь!
Вас, коммунистов, будет с каждым разом
все больше. Вам, герои, предстоит
очистить ваши земли от тиранов.
Однажды мы сойдемся в тесный круг,
и снова зазвенит мой голос страстно,
свободы вашей ощутив тепло.

Друзья мои, приблизьте эту радость!

ТАКИЕ УЖ ОНИ ПОЛУЧАЮТСЯ

Он хорошим был человеком,
верил в свой плуг и мотыгу.
И времени не имел,
чтоб во сне поразвлечься снами.
Был он беден до пота на лбу.
И стоил одну лошадь.

Сын его — важная птица —
стóит несколько автомобилей.

Говорит он словами министра,
движенья его округлы,
он забыл отца-землепашца,
но открыл знаменитых праотцев,
мыслит мыслями пухлой газеты,
днем и ночью делает деньги,
очень важен во время сна.

У сына множество сыновей,
все они в срок женились,
не работают, но жуют.
Стóят мильон (мышей)...

Сыновья сыновей сына
Как посмотрят на этот мир?
Ждать вреда от них или пользы?
Чего они будут стоить?

Ты не хочешь мне отвечать...

Но вопросы не умирают.

СКОЛЬКО ВСЕГО СЛУЧАЕТСЯ ЗА ДЕНЬ

Через день мы с тобой увидимся...
Как вещи меняются за день!
Продается на улице виноград,
помидоры меняют кожу,
а та, что тебе приглянулась,
не работает больше в конторе.

Почтальона внезапно сменили,
и письма уже не такие.
Несколько золотых листочков —
и дерево стало богатым.

Кто бы сказал, что старуха земля
все время настолько меняется!
За день прибавилось в мире вулканов,
на небе новые облака,
а реки уже текут по-иному.
Да и потом, какое строительство!
Я сам ногами своими открыл
сотни шоссе и различных зданий,
светлых и элегантных мостов,
похожих на корабли и на скрипки.

Поэтому, когда я при встрече
целую твои расцветшие губы,
поцелуи наши уже другие,
а губы наши — другие губы.

Привет, любовь моя, всему тому,
что отцветает и зацветает.

Привет вчерашнему и сегодняшнему,
позавчерашнему и послезавтрашнему.

Привет душистому хлебу и камню,
привет огню и потокам дождя.

Привет измененью, росту, сгоранью
и возрождению поцелуя.

Привет тому, что дает нам земля,
и тому, что дает нам воздух.

В пору нашего увяданья
у нас остаются лишь корни,
а ветер колюч, как ненависть.

К этому времени мы меняем
кожу, ногти, кровь и глаза...
Ты целуешь меня — и я выхожу
людям свет продавать на дорогах.

Приветствую полночь, и ясный полдень,
и четыре времени нашей души!

СКАТЕРТЬ ДЛЯ ВСЕХ

Лишь только позвали к столу,
как сорвались с места тираны,
их случайные фаворитки,
и было чуднó смотреть
на этих ос пышногрудых,
на бледных — за ними несущихся —
несчастных общественных хищников...

Сурового хлеба кусок
съел пахарь в открытом поле,
в одиночестве, поздним вечером.
Вокруг колосилась пшеница,
но не было больше хлеба —
он съел его жадным ртом,
глазами жадными съел.

В синюю пору завтрака,
в час, когда жарится мясо,
поэт отстраняет лиру,
нож достает и вилку,
и ставит на стол стакан,
и рыбаков зовет
к мелкому морю тарелки.
В языках горящего масла
картофелины протестуют.
Ягненок на углях, как золото.
Снимает одежды лук...

Тягостно есть во фраке —
ощущенье, что ешь в гробу.
А есть в монастырских стенах —
все равно, что есть под землей.
В одиночестве горько есть,
но не есть — словно в пропасть упасть,
словно рухнуть в зеленую бездну.
Будто цепь из крючков рыболовных
ниспадает из сердца в желудок,
разрывая тебя изнутри.

Голод похож на клещи,
на клешни разъяренных крабов.
Он сжигает, но без огня:
голод — пожар холодный...
Так давайте же сядем есть
с теми, кто голодает,
и расстелим бескрайние скатерти,
и поставим солонки озер,
и хлебá планете под стать,
и горы клубники со льда,
и лунообразное блюдо,
за которым поместятся все!

Я сейчас одного лишь прошу:
справедливости завтрака.

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО.

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

„ВОССТАВШАЯ МЕКСИКА"

Конст. СИМОНОВ

Недавно я прочел удивительную книгу «Восставшая Мексика». Эту книгу написал человек большого таланта и необыкновенной судьбы — американец Джон Рид.

В 1919 году он, вернувшись в Америку из революционной России, напечатал свои знаменитые «Десять дней, которые потрясли мир» — самый потрясающий из всех созданных в литературе художественный документ о днях Великой Октябрьской революции.

А за пять лет до этого тот же самый человек, вернувшись из кипевшей в огне революционной бури Мексики, написал книгу о том, как там, на другом конце земли, неграмотные мексиканские пеоны во главе со своими крестьянскими генералами с оружием в руках поднялись на борьбу за землю, за социальную справедливость, за честь и независимость своей родины. Эта книга была издана у нас в 1925 году.

Давно спят в земле убитые врагами крестьянские вожди Панчо Вилья и Эмилио Сапата. Далеко не все то, о чем они мечтали, осуществилось на земле их родины, но мексиканская революция все-таки многое переменила, многое сдвинула со своих мест, оставила глубокий след не только в жизни и памяти мексиканского народа, но и в сознании всех народов Латинской Америки.

Давно спит под кремлевскими елями и автор «Восставшей Мексики».

Между двумя его книгами протянулась живая, неумирающая нить: свидетель двух революций на двух концах земли, Джон Рид, любивший и уважавший оба поднявшихся на борьбу народа, своей незаурядной личностью как бы еще дополнительно связал в сознании читателей эти две революции и эти два народа.

Это не только историческая заслуга великого американца Джона Рида. Это одновременно и вклад в современную нынешнюю жизнь, сделанный человеком, умевшим глядеть далеко вперед и из 1914 и из 1919 года.

В свое время его книга о русской революции обошла весь мир, она открывала глаза миллионам людей, в том числе и мексиканцам, на происшедшее в России.

Его книга о восставшей Мексике дает нам, советским людям, необыкновенно много для понимания этой страны и народа, его трудной жизни, его благородной души.

Когда полгода назад я ездил в Мексику, я, к моему великому сожалению, читал еще только отрывки из этой книги Джона Рида. Но даже и это мне лично дало очень много. Когда я смотрел революционно-исторические фрески Диего Ривера и Клементе Ороско в подготовительной университетской школе, в министерстве просвещения, в сельскохозяйственной школе в Чапинго, я вспоминал страницы мексиканской революции, написанные увлеченным, горячим, точным пером двадцатисемилетнего американца, любившего революцию, ненавидевшего ее врагов и не считавшего нужным скрывать свои чувства.

Когда в городе Мехико, в Национальном историческом музее, на еще не законченной громадной фреске Давидо Сикейроса я увидел идущего в первых рядах вооруженных пеонов Панчо Вилью, я сразу безошибочно понял: вот этот человек — Вилья! Так безошибочно написал его облик Джон Рид в своей «Восставшей Мексике».

Сейчас, уже после поездки, прочтя целиком всю эту полную огня и таланта книгу, я невольно возвращаюсь памятью к сотням пересмотренных мною там, в Мексике, гравюр, созданных художниками «Мастерской народной графики». Сейчас книга Джона Рида напоминает мне эти гравюры, а гравюры (некоторые из них, подаренные мне художниками, лежат сейчас передо мной) напоминают мне книгу Рида. В его прозе, в графике Леопольдо Мендеса и других мастеров этой замечательной, подлинно народной школы та же точность наблюдений, та же строгость отбора и та же страсть в защите добра и в осуждении социального зла, страсть, выраженная без резкой боязни поделить мир на черное и белое, раз так уж случилось в самом этом мире!

Когда хороший человек и талантливый художник уходит из жизни, люди всегда жалеют об этом. Но это сожаление бывает особенно острым и горьким, когда людям совершенно ясна вся непоправимость случившегося, когда они чувствуют, что жизнь художника оборвалась, в сущности, еще в начале пути, когда все сделанное им за короткую жизнь напоминает о несделанном, оборванном смертью.

Именно такое горькое чувство испытываешь, читая книги Джона Рида. Едва перешагнув за тридцать, он оставил людям две эпопеи — о восставшей Мексике и революционной России. Но этот человек, которого при его жизни с полным правом можно было считать одним из самых блестящих дарований и одной из самых больших надежд американской литературы, этот человек ведь мог быть нашим живым современником и в двадцатые, и в тридцатые, и в сороковые годы. Он мог бы быть нашим современником и сейчас—мы бы только-только, совсем недавно отметили его семидесятилетие... Мысли об этом, если они невольно и настойчиво рождаются в голове, когда ты закрываешь книгу давно умершего писателя,— не только дань его таланту, но и дань его неумирающему революционному духу. Такие мысли рождаются, когда думаешь о Маяковском, когда думаешь о Фучике, когда думаешь о Джоне Риде. Так хотелось бы, чтоб они, переступив смерть, шагнули из прошлого в настоящее!

В один из вечеров во время нашей поездки в Мексику мексиканские кинематографисты заговорили с нами о совместных мексикано-советских постановках. Никаких определенных проектов еще не было, но, рожденная обоюдными дружескими чувствами, сама мысль эта казалась такой привлекательной и нам и нашим мексиканским друзьям, что разговор зашел далеко за полночь.

И вдруг, потом, вспоминая об этом разговоре, я подумал, что сама жизнь уже дала международной прогрессивной кинематографии неповторимый сюжет для советско-мексиканской, а быть может, и советско-мексиканско-американской постановки глубоко человеческого и глубоко интернационального по своему духу фильма. Этот сюжет — сама жизнь Джона Рида — спутника Панчо Вильи на дорогах восставшей Мексики, соратника Билла Хейвуда и друга бастующих рабочих в Соединенных Штатах и участника, летописца великой русской революции.

Мне подумалось, что жизнь Джона Рида, без остатка отданная поднявшемуся на защиту своих прав человечеству, ожив на тысячах экранов и обойдя весь мир от Дальнего Востока до Латинской Америки, могла бы своим мужественным примером еще раз послужить тому великому делу, которому служил этот замечательный американец, воспитанник Гарвардского университета, похороненный у Кремлевской стены.

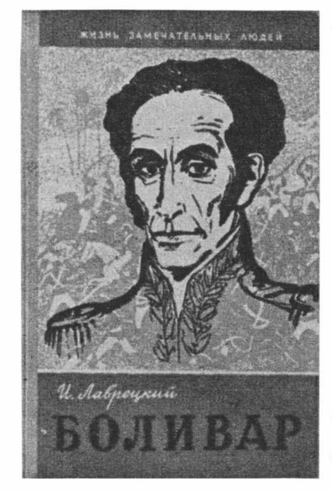
Я еще раз упорно подумал об этом, читая «Восставшую Мексику». Бывают книги, которые, как только их прочтешь, хочется поскорей дать в руки каждому, кого встретишь: «На, прочти и ты. Непременно. Я душевно разбогател, прочитав ее, желаю тебе того же!»

«Восставшая Мексика» принадлежит к числу именно таких книг.

БОЛИВАР - ОСВОБОДИТЕЛЬ

Сто пятьдесят лет назад над Латинской Америкой занялось пламя восстаний и сражений. После трехсотлетнего господства испанских колонизаторов люди пампы, Кордильер и сельвы поднялись, чтобы сбросить ненавистное иго. Много славных имен выдвинула самоотверженная борьба. Но чаще других произносилось имя Симона Боливара. Сегодня трудно найти хотя бы одну латиноамериканскую страну, где бы не было памятников Боливару. Он изображается всадником и пешим, в военном мундире и в гражданском платье. Но всегда скульпторы изображают его как борца. Имя Боливара носят реки, горы, улицы, города и, наконец, целая страна Боливия, почти в пять раз превосходящая по своим размерам Великобританию. Ему посвящены тысячи поэм, статей, научных исследований. В глухих уголках Венесуэлы до сих пор можно видеть крестьян, собравшихся после трудового дня у костра послушать песни и сказания народных певцов о Боливаре.

Чем замечателен Боливар, какова его роль в истории Латинской Америки? На эти и многие другие вопросы отвечает книга И. Лаврецкого «Боливар». Мы видим неутомимого борца, отдавшего всю свою жизнь делу освобождения Латинской Америки от испанского ига. Под руководством Боливара пять стран добились политической независимости: Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия. Еще при жизни к его имени стали прибавлять почетное звание — Освободитель.

Боливару и его соратникам приходилось вести борьбу в очень тяжелых условиях. Враг был силен. Ему противостояли плохо вооруженные вчерашние крестьяне, ремесленники, торговцы, мало искушенные в военном искусстве. В книге рассказано об участии добровольцев: поляков, англичан, русских — в борьбе за правое дело. Мы видим также, что борьба латиноамериканских патриотов пользовалась сочувствием декабристов. О Боливаре знал и говорил Пушкин.

Большой интерес вызывают страницы книги, на которых автор показывает отношение США к освободительному латиноамериканскому движению и отношение Боливара к США. Боливар прекрасно понимал подоплеку американской политики. Лаврецкий цитирует его слова: «...Нам лучше принять коран, нежели форму правления США».

Книга Лаврецкого о Боливаре — первая большая работа о великом американце, вышедшая в нашей стране. Автор использовал не только иностранные источники, но и статьи русской прессы первой половины прошлого столетия. В частности, привлекает внимание портрет Боливара, помещенный в 1829 году в «Московском телеграфе» и воспроизведенный на страницах книги.

Боливар ушел из жизни, не добившись воплощения всех своих идеалов. Его не оставляла тревога по поводу хищнических замыслов США. После смерти Боливара оправдались худшие предчувствия Освободителя. Колонизаторы вновь накинулись на богатые земли Латинской Америки. На этот раз они приплыли не из гаваней Кадикса и Севильи, а из портов Нью-Йорка и Бостона. В их руках не крест и меч, а доллар и чековая книжка. Впрочем, рыцари наживы не гнушаются и меча...

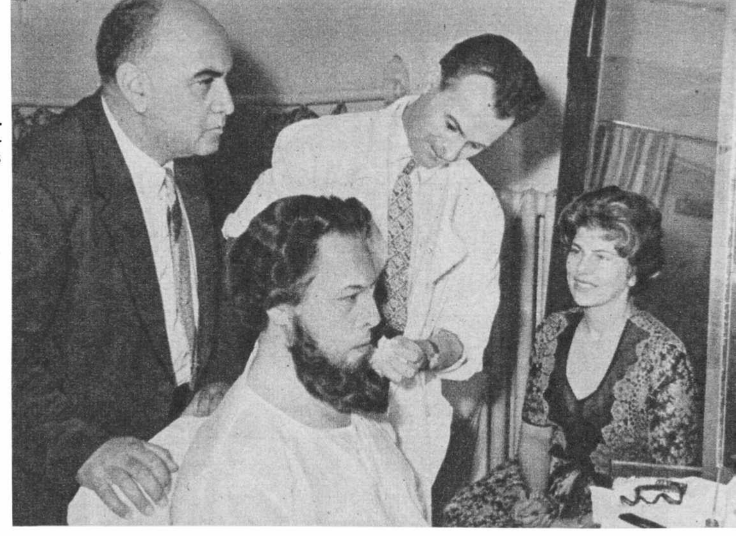
Симон Боливар-Освободитель — один из тех героев прошлого, чьи свободолюбивые идеи остаются на вооружении латиноамериканских патриотов.

Ю. ЗУБРИЦКИЙ

И. Лаврецкий. Боливар. Издательство «Молодая гвардия». Москва. 1960. 287 стр.

П. ЛИСИЦИАН,
народный артист СССР

Две встречи

За кулисами перед началом спектакля «Борис Годунов». П. Лисициан, Д. Лондон, гример С. Исаев и Нора Лондон.
Фото А. Батанова.

В конце зимы этого года мне довелось выступать в США. На одном из концертов в Карнеги-Холл в Нью-Йорке ко мне за кулисы пришел известный американский певец Джордж Лондон.

На следующий день я его слушал в театре «Метрополитен-опера». Он пел главную партию в опере Р. Вагнера «Летучий голландец». Д. Лондон — превосходный певец (у него очень красивый баритональный бас) и замечательный артист.

Лондон высказал мне свою заветную мечту — спеть Бориса Годунова в Москве. Партию эту он разучил на русском языке.

И вот мы снова встретились. Теперь уже в Москве. На сцене Большого театра Лондон поет Бориса Годунова. После спектакля американский певец с восхищением говорил о дирижере А. Ш. Мелик-Пашаеве, режиссере Л. В. Баратове, о своих партнерах, хоре и оркестре нашего театра.

— По этой фотографии,— сказал Лондон, показывая мне снимок, запечатлевший его в роли Бориса в спектакле Большого театра,— я буду в дальнейшем работать над своим гримом, изучать и отшлифовывать то, что мне подсказали ваши художники-гримеры.

Я очень рад, что искусство нашего американского друга смогут оценить по заслугам и москвичи и зрители Ленинграда, Киева, Риги.

БЕЗ ТРОПЫ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Зрители давно уже спорят о кинофильме «Неотправленное письмо». Спор этот носит взволнованный, нелицеприятный и очень широкий характер. Ведь периферия значительно раньше, чем Москва, увидела на своих экранах созданную коллективом крупных мастеров картину. Но она не доставила людям радости.

В кинотеатрах Новосибирска, где я впервые смотрела «Неотправленное письмо», публика с досадой и недоумением спрашивала:

— Кого же это хотели напугать нашей жизнью уважаемые создатели фильма? Если нас самих, то нам не страшно: мы не робкого десятка. А если специально пугливых искать, так неудобно вроде получается...

— А чего тут пугаться! Просто скучно!

— Ежели бы только скучно,— полбеды!..

Василий Петрович Самойлов, директор кинотеатра «Казахстан» в Алма-Ате, привел меня в полупустой зал со словами:

— Мы находимся в рабочем районе; не буду скрывать, зрители не приняли фильма. Многие сердятся и даже уходят, не досмотрев картину до конца... Впрочем, сами увидите.

Так оно и было: публика вела себя не очень деликатно; отношение к тому, что происходило на экране, выражалось репликами, резкими и недвусмысленными.

Впрочем, наблюдала я и тех, кому фильм понравился.

— Здорово закручено! — с энтузиазмом сообщил парень своему товарищу.— Каков монтаж, черт побери! А ракурсы!.. Особенно, помнишь, когда Таня умирает? Блеск!..

Восторженно жестикулировавшие друзья были целиком захвачены «виртуозной», как они выражались, «подачей материала».

И в Москве какую-то часть зрителей увлекла необычная форма, в которую облечено содержание фильма.

Странное дело, картина, чью сюжетную основу составляет, казалось бы, одна из самых животрепещущих и благородных тем современности — тема борьбы человека с природой,— огорчила очень многих людей и лишь немногих восхитила своим внешним «блеском». Как могло это случиться?! И надо ли замалчивать столь плачевную и явную неудачу? Надо ли, размышляя о ней, плести затейливую вязь бесконечных словесных оговорок в тщетных попытках сбалансировать «за» и «против», ускользая тем временем от основного и главного: ясной идейно-творческой оценки фильма.

Над «Неотправленным письмом» работала почти та же группа, что и над картиной «Летят журавли». Она экранизировала небольшой рассказ Валерия Осипова. Экранизировала в манере непривычной, острой и резкой, которая уже ничем не напоминала творчества итальянских неореалистов.

В картине «Летят журавли», как мы помним, тема войны, всенародного горя прозвучала камерно, интимно. А сейчас фанфары громогласными криками возвещают о жестокости Жизни. Смерть торжествует победу, расправляясь поочередно со всеми героями фильма.

Тайга в трактовке авторов картины «Неотправленное письмо» становится как бы огромной ловушкой, гигантскими паучьими сетями, где беспомощные, одинокие люди умирают медленно и мучительно, словно мухи в липких тенетах. Несчастных геологов, безвозвратно утративших связь с человеческим миром, окружает то горящий лес, то непроходимые болота, то жуткое безмолвие бесконечных снежных равнин. Пустым и равнодушным, холодным кажется далекое небо, и на его фоне — именно как паучьи сети — во весь экран раскинулись страшные, мертвые ветви обгорелой тайги. В отчаянии мечется обреченная экспедиция. И право же, неловко и тяжело смотреть, как герои, не жалея себя, старательно продираются сквозь колючую, злую, глухую чащу. Ведь совсем рядом — это очень часто видишь на экране! — можно было бы проложить тропу и выбраться на простор, может быть, даже спастись, вернуться к людям, к жизни без таких кошмарных, нечеловеческих усилий.

Получается, тропы нет не потому, что ее нет, а потому, что героям все равно **суждена** гибель! Поэтому-то их действия столь судорожны, безрассудны и нелогичны. Поэтому-то в их отношениях нет подлинной психологической глубины и правды. При всей своей внешней «всамделишности» — измазанные, грязные лица, рваная одежда — они мелодраматичны и чрезвычайно условны. Хорошим актерам просто-напросто нечего играть в этом фильме, кроме бесконечного, утомительного и однообразного блуждания в непролазной тайге. А так как они поставлены при этом сценаристами, режиссером и оператором на высокие котурны, то им, конечно, не хватает свободы и непринужденности. Нет между ними ни настоящей любви, ни настоящей дружбы — такой, например, какая связывала четверых советских юношей, мужественно боровшихся с разбушевавшимся океаном и именно поэтому победивших стихию, не менее страшную, чем тайга. И думаешь про себя: если бы авторы фильма совсем просто, почти документально рассказали людям героическую историю освоения алмазных залежей на нашей земле, если бы герои-геологи раскрылись в своих поступках, мыслях, делах — вот так, день за днем, без суеты и ложного пафоса, насколько же значительнее, трогательней и интересней стал бы такой кинорассказ!

Уж если говорить без обиняков, то мне представляется, что сплошь и рядом нарочитое отсутствие «троп» в фильме весьма символично.

Похоже, что создатели фильма сами сошли с единственно верной тропы в творчестве, утратив точное, ясное представление о своем современнике — советском человеке. Работая над фильмом не по материалам живой жизни, а по литературному первоисточнику, авторы сценария и фильма чрезмерно увлеклись не морально-этической, а трагедийной его стороной и постарались всячески **подчеркнуть** эту сторону. Чего стоит, например, огненная «феерия», разыгрывающаяся в фильме! Языки пламени, все более страшные, все более стремительные, бегут, танцуют, взлетают ввысь, захлестывая целиком весь видимый на экране мир... А какая музыка — скорбная, потусторонняя, странно и надрывно звенящая — рыдает над героями на протяжении всей картины!

Однако все эти мрачные «украшательства» лишь утомляют зрителей, усиливая неприятное, тягостное впечатление ущербности и пессимизма.

Враждебную человеку стихию, которую увидел зритель в фильме «Неотправленное письмо», рисовал в своем творчестве — и не раз — Джек Лондон. Но... совсем не так! Хоть Джек Лондон и не знал, что такое социалистический реализм, он был куда строже, проще, жизнелюбивее. Он не допускал того «пережима», с которым то и дело встречаешься в «Неотправленном письме».

Авторы фильма подробно, с каким-то даже удовольствием рисуют Смерть: гибель проводника Сергея, самоубийство геолога Андрея; навсегда остекленевшие, остановившиеся глаза его подруги Тани; закоченевший на плоту начальник экспедиции Сабинин.

...Спору нет, не бывает борьбы без жертв! И кому-кому, как не советским людям, знать это: они первые прокладывают человечеству новые пути — нехоженые, непроторенные, никому доселе неведомые. И это не только в области истории.

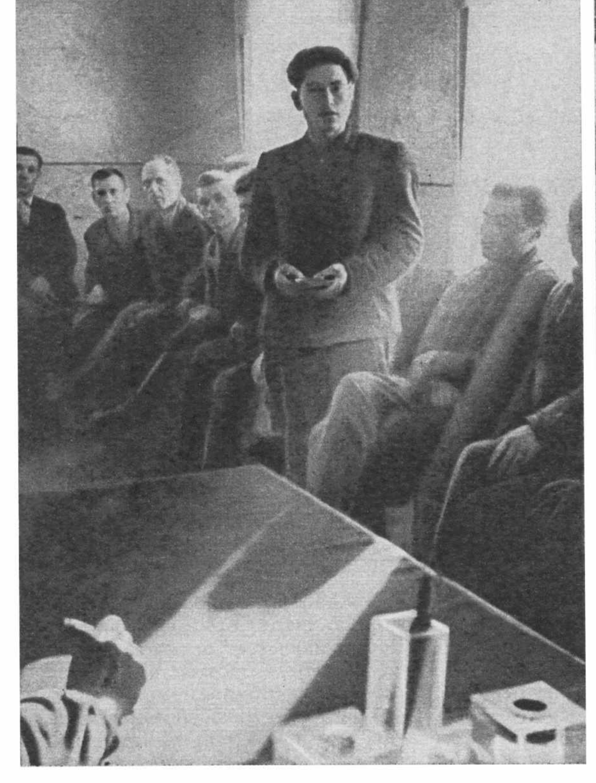
Не сегодня-завтра отправится в неведомые пространства космоса советский человек, и от малых до старых рвется множество наших людей в это путешествие. И разве же таким должно быть напутственное слово Искусства, обращенное к Герою, разведчику нового? Слово, вдохновляющее Героя, еще выше поднимающее его горячую и гордую веру в себя, в свой народ...

Нет, советский Человек — не маленькая черная одинокая фигурка, беспомощно карабкающаяся в неизвестность перед лицом могучей, сопротивляющейся Природы, фигурка, лишенная индивидуальных черт и свойств, вернее, неразличимая в этих чертах и свойствах перед злобно-равнодушным величием стихии!..

Советский человек в искусстве — олицетворение лучших черт своего народа. Именно поэтому такого Человека нельзя рисовать с абстрактных, точнее говоря, надуманных позиций.

И еще одно. Все то, что в искусстве современников становилось великим достоянием будущего, всегда было близко и понятно народу. Не может быть у художника никаких случайных удач, никаких «интуитивных прорывов» в новый масштаб конфликтов, в новую трагедийность. Не может такой «прорыв» быть осуществлен **помимо сознательного намерения** художников.

Когда люди творят без сознательного намерения, они теряют путь, утрачивают направление. И тогда даже интересные творческие поиски заводят их в непролазные дебри.

Рабочий день начинается с планерки — короткого оперативного совещания.

К окошку выносной лаборатории один за другим подходят шоферы.

Электроподъемник ставит машину на дыбы, и зерно водопадом льется из кузова.

Н. ЧЕРНИКОВ.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Копилка хлеба

Стрелка барометра то стремительно падает вниз, то потихоньку возвращается назад, и тогда внезапно вспыхивает солнце, озаряя степные сибирские просторы. А потом снова до самого горизонта стелются хмурые тучи, налетает холодный ветер, начинается дождь. Но людям не до погоды. Круглые сутки в степи идет уборка урожая. И ни на один час не останавливается поток грузовых машин, до отказа наполненных зерном. Грузовики, взревывая на поворотах, держат путь к огромной копилке хлеба. Водители торопятся. Надо успеть обернуться пять — семь раз за смену, а это почти пятьсот километров. На хлебные трассы вышли лучшие шоферы купинского автотранспортного хозяйства.

Каждые 50 секунд очередная машина подходит к барьеру выносной лаборатории, с которой начинается самый крупный в Новосибирской области элеватор в городе Купино. Он обслуживает пять близлежащих районов Сибири и Казахстана.

Боясь задержки, водители больше всего волнуются около окошка лаборатории, где определяют влажность зерна. Еще бы! Лабораторией заведует строгая хозяйка — инженер Ольга Ивановна Ковальчук. Она десять лет следит за качеством принимаемого хлеба, и ее придирчивый характер хорошо знаком всем водителям. Но в горячую пору уборки никто не тратит даром считанного времени — ни лаборантка с двадцатилетним стажем Александра Петровна Румянцева, ни пришедшая сюда работать недавняя десятиклассница Галина Шевченко. За двадцать пять — тридцать секунд сотрудники лаборатории берут первые необходимые пробы, а за этот короткий промежуток пионерский патруль успевает осмотреть автомашины. Водители с полной серьезностью относятся к дельным наставлениям бережливых учеников восьмилетней купинской школы № 2: никаких потерь на дороге!

Но наконец взвесив груз, машины спешат к приемному амбару, где в последний раз можно собственными глазами увидеть поступающее на элеватор зерно. Со вздыбленных электроподъемниками «ЗИЛов» и «ГАЗов» оно лавинами переливается в бункера. И тут начинает свое дело техника, распределяющая золотистый поток по пяти силосным корпусам вместительностью 40 тысяч тонн. Двадцать один «привязанный» к эле-

Галина Шевченко берет пробу зерна.

ватору склад способен добавочно принять 66 тысяч тонн весомой сибирской пшеницы. Здесь применяются такие технические новинки, как конусные полы, обеспечивающие быструю подачу хлеба на транспортеры, прогрессивная система активной вентиляции зерна.

— У нас стопроцентная механизация,— говорит директор элеватора Иван Ефремович Бубенчиков.— За год мы примем сто семьдесят пять тысяч тонн зерна.

Купинцы помнят, когда на месте нынешних, видных за сорок с лишним километров силосных корпусов ютился крохотный хлебоприемный пункт. Да и совсем недавно большая часть хлеба принималась вручную. А сейчас технически оснащенное элеваторное хозяйство располагает двумя электростанциями, механическими мастерскими, кузницей, имеет свой комбикормовый завод. Тридцать семь миллионов рублей стоит оно.

— Знаете, пять элеваторных корпусов вместе с рабочей башней обслуживают за смену всего тринадцать человек,— рассказывает главный инженер элеватора комсомолец Анатолий Константинович Павленко. Он лишь в прошлом году окончил Одесский технологический институт и, хлебнув сибирского ветерка, быстро стал купинским старожилом.

Гордостью купинцев является пятый силосный корпус, сооруженный из сборного железобетона. Это о нем напомнил Никита Сергеевич Хрущев участникам прошлогоднего июньского Пленума ЦК КПСС. «Мне довелось познакомиться с новым способом строительства сборных элеваторов,— сказал тогда Никита Сергеевич.— Не помню, кто из конструкторов предложил такой способ, но он очень прогрессивный. Детали производятся на стройплощадках, и тут же из таких деталей монтируется элеватор». Пятый корпус купинского элеватора — дело рук москвичей. Его спроектировал коллектив конструкторов Центральной научно-исследовательской лаборатории при Государственном Комитете Совета Министров СССР по хлебопродуктам.

Дружно трудятся нынешней осенью купинские хранители зерна. Беспокойство за сохранность щедрого урожая не покидает ни опытных ветеранов, ни молодых мастеров. По утрам, провожая погромыхивающий на стыках товарный состав с кулундинской пшеницей, они ощущают чувство радости. Хлеб идет! Счастливого пути!

На ночной хлебной трассе.

Николай **АСАНОВ**

МАДОННА БЛАГОРОДНАЯ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

6

Оркестр умолк, и танцующие возвращались. Марта Кришьяновна шла в центре этой шумной группы, подхваченная под руки девицами, а когда все остановились у стола, молодые люди стали перед нею полукругом, словно нарочно загораживая ее от нас своими широкими спинами. Брегман что-то тихо говорил Марте, голоса остальных создавали заглушающий хор.

Я взглянул на Гордеева. Он поднялся было, чтобы подозвать Марту или, может быть, пойти с нею танцевать, так как оркестр снова настраивал инструменты, но широкоплечие молодые люди стояли между ним и Мартой, как заслон. Гордеев виновато улыбнулся мне и снова сел.

Странно, но эта нерешительность старого приятеля как бы подтолкнула меня. «Если уж ты боишься за свое счастье, так борись!» — вот что мне хотелось сказать Александру Николаевичу. Но он лениво ковырял вилкой еду, не поднимая больше глаз.

Оркестранты ударили по струнам, и снова поплыли звуки танго. Я вышел из-за стола и протиснулся между молодыми людьми, боюсь, не слишком вежливо. Марта уже протянула руку Брегману, но я перехватил ее на лету, довольно бесцеремонно сказав:

— Герберт Оскарович, очередь моя!

Лицо Марты покрылось красными пятнами, но руки она не отняла. Брегман отвернулся с безразличным видом. Отходя от столика под взвизгивания скрипки, я увидел, как он что-то заказывал официанту. Только по резким его жестам можно было понять, как он взбешен.

Танцор я не очень ловкий. Но тут, как мне показалось, танцевали одни калеки, люди на протезах. Едва ли нормальному человеку удается так ловко изображать инвалидов. Они топтались на месте, вздергивали ноги и переставляли их, как ходули, и снова принимались топтаться. Такой танец под силу и паралитику.

— Чем этот ваш Герберт занимается?— спросил я, попав наконец в неторопливый ритм танца паралитиков.

— Почему мой? — возвращаясь на стезю привычного кокетства, возразила Марта.

— Я сужу не по вас, а по Александру Николаевичу. На него смотреть тяжело!

— Ах, это!..— Лицо ее увяло, в глазах мелькнуло что-то вроде страха. Но последнее слово должно было остаться за нею, на то она и женщина!— Гордеев знает, что мы с Гербертом старые друзья!

Я часто замечал, что женщины, перестав любить мужа или выйдя замуж без любви, называют его просто по фамилии.

Называя мужа так, она как бы говорила: «Я свободна в своем волеизъявлении. Он посторонний человек! Он просто Гордеев! Я лишь по недоразумению ношу его фамилию!» — Вот как разговаривала Марта с этим Гербертом.

— Так чем же занимается Брегман? — беспощадно продолжал я.

— Он талантливый художник! — выпалила Марта.

— Ага, понятно! И для утверждения своей талантливости обновляет иконы в соседней церкви?

— Откуда вы это взяли? — с некоторым испугом спросила она.

— Пока вы танцевали, его приятели заспорили между собой, сколько он содрал с местного ксендза: пятьдесят тысяч или сто...— с легким сердцем солгал я.— Недурная сумма для богомаза! Он «трудится» сейчас в каком-то католическом соборе...

— Это неправда! — строго сказала Марта и остановилась, сняв руку с моего плеча.

Это был отказ от танца. Но он меня больше обрадовал, чем огорчил. Значит, в душе этой женщины была настоящая любовь к искусству. И лжи она, наверно, не прощает.

Я шел рядом с ней к столу, за которым нас ожидали, разглядывая с некоторым злорадством: ведь там видели, как она отказалась танцевать. Только Гордеев все не поднимал глаз. Но на тех мне было наплевать. И я бросил последний камень:

— Впрочем, ваш муж тоже переписывает иконы и, кажется, недурно на этом зарабатывает,— безразличным тоном промолвил я.

Марта даже приостановилась, лицо у нее побледнело, глаза стали темными, в них засверкали искорки.

— Плохо же вы относитесь к искусству. И хорошо, что ушли от него! — презрительно швырнула она прямо мне в лицо.— Александр Николаевич — лучший реставратор картин! — Тут она вспомнила имя и отчество мужа.

— А эти молодые люди говорят, что Брегман тоже реставрирует. Хотя, конечно, одно дело — реставрация музейных ценностей и, наверно, совсем другое — роспись соборной живописи...— подливал я масла в огонь, соглашаясь даже на то, что огонь обожжет и меня.

— Герберт никогда не унизится до такой пошлости! — решительно сказала Марта и, отойдя в сторону, быстрыми шагами пошла к тому концу стола, где уселся Брегман. Я, покинутый среди беседы, выглядел, должно быть, очень смешным, так как девицы захихикали. Гордеев поднял глаза, взглянул на жену, садившуюся рядом с Брегманом с видом решительным и даже мученическим, и снова уткнулся в тарелку.

Я сел рядом с ним и оказался лицом к лицу с Гербертом, разливавшим коньяк.

— Скажите, Герберт Оскарович, а как церковники оплачивают реставрационные работы? — спросил я самым невинным тоном.

Обычно, когда виночерпий начинает разливать давно ожидаемое вино, то все смотрят на это священнодействие молча. Разговоры возникают снова уже с поднятыми рюмками. Поэтому мой вопрос прозвучал, как удар барабана. К чести Брегмана, рука у него не дрогнула, коньяк лился равномерной струйкой в рюмку Марты. Она сама задержала эту руку. Впрочем, рука художника и должна быть твердой.

— Вероятно, в зависимости от качества исполняемых работ...— Он вопросительно пожал плечами, обвел всех взглядом и остановил его на мне. Глаза у него были твердые, немигающие, голубые, переходящие в стальной цвет.— А вы что, собираетесь наняться реставратором?

— Нет, я собираю материал для статьи о художниках-атеистах, которые продают свой талант церкви. Предыдущая моя статья была посвящена реставраторам старой живописи, в частности нашему уважаемому Александру Николаевичу. Но я нечаянно столкнулся и с другой стороной вопроса: из его реставрационной мастерской ушло несколько талантливых художников, и — представьте себе — некоторые нашли пристанище у церковников. Для вопроса о воспитании советской молодежи это имеет значение...

— Оставим политику в покое,— капризно сказала одна из девиц и поднялась, ожидая Галиаса. Но тот не торопился.

— Я посижу, потанцуй с Яном! — предложил он.

Белокурый великан торопливо вскочил и ушел с девушкой. Брегман смотрел на Марту. Марта отрицательно покачала головой, но Брегман смотрел так умоляюще, что она не выдержала, встала... Ушла и последняя пара.

— Здесь не место говорить о политике,— укоризненно сказал один из оставшихся наших соседей — театральный художник.

— Что же, пригласить их на профсоюзное собрание? — ядовито спросил Галиас.— Так они не придут!

— Идите вы к черту, Галиас! — проворчал художник.— Плаваете вы тут, как угорь в супе, и не поймешь, какому вы богу молитесь. Сегодня вы большевик, завтра стиляга без царя в голове, а послезавтра, глядишь, попадете в фельетон о спекулянтах!

— Молодость ветрена и бездумна! — засмеялся Галиас.— А вот что вас занесло в эту компанию?

— У Брегмана есть деньги, а у меня их нет! — отрезал художник.

Второй сосед засмеялся.

— А вы сходите вместе с ним к ксендзу, может, и вам перепадет заказец! — посоветовал Галиас.

— Я не торгую кистью! — насупился художник.

Я понял, для кого и для чего говорил свои резкости Галиас, когда Брегман вдруг круто остановился возле нашего столика, отпустив Марту. Глаза у него были злые, всякое благодушие смыло с него, как будто в лицо хлестнуло морской волной.

— Галиас! В отсутствии хозяина о нем не говорят дурного! — резко сказал он.

— А я всегда плачу за себя сам! — насмешливо ответил Галиас и неторопливо выложил на стол сторублевую бумажку.— Ну как, товарищи, не пора ли на покой? Завтра всем надо работать, даже и тем, кто торгует на рынке или расписывает церкви.

Я поднялся вслед за ним. Но Гордеев продолжал сидеть, глядя на Марту. Марту опять заслонили друзья Брегмана. Мне показалось, что она сделала движение в сторону Гордеева, но Брегман цепко ухватил ее за руку. Обходя стол, я протиснулся между Мартой и Брегманом, взял ее под руку и, насколько мог, весело сказал:

— А нам завтра рано на самолет. Позвольте откланяться...

Тут только Гордеев встрепенулся, вынул деньги, положил рядом с теми, что оставил Галиас, и встал. Брегман пытался еще что-то шепнуть Марте, но я как-то нечаянно наступил ему на ногу, послышалось только шипение. Пока я извинялся, Александр Николаевич подошел к жене и повел ее к выходу. Брегман что-то сказал белокурому, сунул ему деньги, тот остался, видимо, рассчитываться с официантом, остальные пошли за нами.

Галиас ждал нас у гардероба. И в дверях он сначала пропустил нас; когда он догнал нас, шляпа у него была помята, а лицо он закрывал платком. Брегман и остальные вывалились на улицу и стояли под старинными железными фонарями, украшавшими вход, о чем-то споря. За нами они не пошли.

— Что, не повезло? — тихо спросил я Галиаса.

— Это все Ян. Как он успел, не знаю. Я же видел, он оставался у столика. Но, по-моему, он тоже несколько утратил свою мраморную красоту! — мстительно добавил он.

— Зачем это вам понадобилось?

— Не люблю ловкачей! — хмуро проговорил

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38, 39.

он.— Да вы не беспокойтесь, завтра все станет на свои места. Я ведь для них — свой брат, какой-то репортеришка из «Вечерних новостей». А то, что я Брегмана поддразнил, им как медом по губам. Но при чем тут Марта Кришьяновна? — вдруг встревоженно спросил он.— Брегман часто бывает в Москве, но не по спекулятивным делам и не из любви к искусству. Там он так ловко теряется, что мы ни разу его не обнаружили. Не в святейшем же синоде он прячется?

— А зачем вам его искать?

— Как вам сказать... Живет уж слишком широко... Тут даже церковники не помогут!

Мы подходили к гостинице. Галиас торопливо пожал мне руку и свернул в переулок. Когда шедшие впереди Гордеевы остановились, я был один.

— А где же остальные? — растерянно спросила Марта Кришьяновна.

— Они решили остаться,— не моргнув глазом, солгал я.

Она как-то поникла и молча стала подниматься по лестнице. У дверей, дождавшись, когда она войдет в номер, я остановил Гордеева.

— И вам не стыдно? — зло спросил я.— Вы молча наблюдаете, как какой-то шалопай ухаживает за вашей женой, и даже не пытаетесь бороться! Помните Маяковского:

Много ходит
всяческих
охотников
до наших жен...

— Это не тема для разговора! — гневно прервал он.

— Нет, именно об этом и надо говорить! Вместо того чтобы взять мокрую тряпку и снять с этого гипсового болвана всю позолоту, вы притворяетесь слепым! А вы знаете, что этот Брегман почти каждый месяц бывает в Москве и, наверно, звонит... Марте Кришьяновне...— Я с трудом вымолвил ее имя.

— Знаю,— сухо ответил Гордеев. Он открыл дверь и преувеличенно громко спросил:— Может быть, зайдете к нам?

— Нет! — отрезал я. Но, взглянув в его измученные глаза, испугался своей резкости.— Идите отдыхайте, завтра я позвоню, как только дадут погоду. В Москве все станет проще и определеннее.

Он пожал плечами и закрыл дверь за собой. Я еще долго стоял в коридоре. Не то чтобы я подслушивал, нет, просто меня удивляло молчание за дверью. Как будто там никто и не жил. А может, и на самом деле там медленно и тихо умирала любовь? У одра смертельно больного всегда тихо...

7

Утром погоды не дали. Пообещали отправить нас в четыре пополудни с рейсовым трансъевропейским.

Когда я сказал об этом Гордеевым, Марта вдруг забеспокоилась, попросила позвонить на вокзал, нет ли поезда. Поезд уходил только в девять вечера.

Она как-то вся сжалась, побледнела, я бы сказал, даже подурнела. Неподвижно сидела в кресле, только пальцы шевелились, комкая бахрому скатерти на столе. Гордеев, одетый, выбритый, неторопливо ходил по комнате, собирая разбросанные вещи. Разговаривал он односложно: «Да», «Нет»... У меня было такое ощущение, что вот так он ходил безостановочно всю ночь.

Но вот все было собрано, чемоданы заперты, и только тогда он остановился среди комнаты, тоскливо глядя вокруг. Ему не хватало какого-нибудь дела, чтобы занять свои руки. Так и казалось, что сейчас он сядет по другую сторону стола и тоже начнет комкать и расправлять скатерть. Картина эта представилась столь отчетливо, что я невольно поморщился, поклявшись про себя умереть, как и жил, холостяком, а если уж придется жениться, так выбрать женщину некрасивую, смирную, не моложе себя.

Впрочем, сейчас и Марта была некрасивая и смирная. А что касается возраста, так его трудно было определить. Разве лишь то, что она не забыла принарядиться, будто ждала гостей, еще говорило о ее молодости.

Мне надоела эта игра в «молчанку», я нарочно громко и развязно предложил:

— Пойдемте-ка позавтракаем! Я давно замечаю, что самые утешительные мысли приходят после еды. Вот помню...— И принялся рассказывать первый пришедший в голову анекдот.

Супруги не поддержали меня, но завтракать пошли. Однако и за столом они не ели, а толь-

---

Тайны «темных ощущений»

Академик В. Н. Черниговский.
Фото Риммы Лихач.

Одна из первых книг, которую прочитал Володя,— рассказы Э. Сетона-Томпсона. Среди его замечательных историй есть «История о Крэге, кутенейском горном баране». Стадо горных баранов заболело. У них не было ни голода, ни жажды, но «что-то» в них требовало «чего-то». Но чего?.. И тогда предводительница стада овца Мудрая повела стадо далеко-далеко и нашла нечто белое и твердое. Это была обыкновенная соль! Весь организм горных баранов требовал соли, и это определяло их поведение...

Много лет спустя, в 1960 году, на заседании Ленинградского физиологического общества Владимир Николаевич Черниговский, избранный недавно академиком, вспомнил эту историю.

Но расскажем все по порядку.

В 1937 году В. Н. Черниговский начал работать в знаменитом Институте физиологии имени И. П. Павлова (сейчас он директор этого института). Там под руководством академика К. М. Быкова изучали влияние коры головного мозга на внутренние органы.

Интероцепция — этим длинным и сложным словом с еще более сложным и запутанным в то время смыслом называется та область физиологии, в которую углубляется Черниговский.

Интерорецепторы — это огромнейшее количество простых и сложных нервных окончаний, которые рассеяны во всех внутренних органах (в сердце, кровеносных и лимфатических сосудах, дыхательном аппарате, пищеварительном тракте). «Темными ощущениями» называл Сеченов ощущения, идущие от внутренних органов. Павлов еще в 1894 году высказал мысль о существовании во всех органах и тканях тела нервных окончаний, чувствительных к химическим, механическим, тепловым раздражителям.

Это надо еще доказать, и В. Н. Черниговский доказывает это.

Но пока еще нет и речи о поведении животного в зависимости от состояния внутренней среды организма.

Идут годы напряженной работы. Однажды Черниговскому попадается длинная и скучная статья о крысах. Они бегали по столу и выбирали из самых разнообразных блюд что-то определенное. Почему они выбирали именно то, а не другое? Что определило их поведение? Каковы физиологические механизмы? В. Н. Черниговскому вспоминаются «темные ощущения» Сеченова...

Черниговский еще больше углубляется в интерорецепцию.

Открытие чувствительных нервных окончаний селезенки, костного мозга и других органов системы крови привело Черниговского к необходимости систематического изучения роли интерорецепции в жизни и распределении крови.

Физиологи смотрели на кровь и кровотворные органы как «на государство внутри государства», суверенную часть организма. На крови лежала печать таинственности. Вскрыл эту печать советский ученый В. Н. Черниговский.

Он доказывает, что все органы, связанные с рождением, разрушением и распределением крови, насыщены чувствительными нервными окончаниями, которые посылают в центральную нервную систему информацию: «все хорошо» или «что-то нарушено». Кора же больших полушарий мозга, которой подчиняется весь организм, контролирует и распределяет также и кровь.

Примерно в 1956 году Черниговский подходит к решению проблемы, каким образом животные выбирают себе пищу, какова при этом роль внутренней среды организма.

— Если в организм животного,— рассказывает Владимир Николаевич, — ввести молочно-солевой раствор, то животное не возьмет пищу, в которой есть соль. Дело в том, что из внутренней среды организма в мозг идет сообщение: «Соли слишком много! Соли не надо!»

Во всеоружии современной науки, имея за плечами большой багаж научных трудов по интерорецепции, разрабатывает сейчас эту важнейшую проблему академик Черниговский.

Румынские физиологи пригласили его на свой конгресс.

— Вы знаете,— говорит в конце нашей беседы Владимир Николаевич,— свой доклад о роли внутренней среды организма в поведении животных я начну с рассказа об «Истории горного барана» Сетона-Томпсона...

М. РОСТОВ

«Малютка» под землей

Однажды в штрек донецкой шахты «Октябрьская» опустились люди в горняцкой форме. Вместо шахтерских инструментов они несли лампочки, небольшие ящики, приборы, поблескивающие светлым циферблатом.

У погрузочного пункта двое остановились, а третий, прихватив с собой деревянную рамку и небольшой черный прибор, полез в лаву. Вот он достиг комбайна, прислонил к скребковому транспортеру рамку, поднес к лицу прибор и негромко произнес:

— Алло, вы меня слышите? Можно грузить? Прием!

Послышался легкий шорох, и далекий голос отозвался:

— Есть, слышим хорошо!

Транспортер ожил, на другом конце лавы в вагонетки посыпался уголь.

Так проходили испытания нового вида связи, предложенного сотрудниками Макеевского научно-исследовательского института по безопасности горных работ.

Кто бывал в шахте, тот знает, какими быстрыми темпами ведется проходка штреков. В этих условиях особенно необходим оперативный технический надзор.

Сотрудники института В. Н. Миц, А. К. Ресьян и А. Г. Редзио провели большие исследования по

обеспечению устойчивой радиосвязи под землей, создали радиоаппарат «Малютку».

— Первый передатчик и приемник были настолько тяжелы, что их переносили два-три человека,— рассказывает В. Н. Миц.— А теперь наш радиотелефон, который испытывался в шахте, помещается в руке и весит всего четыреста граммов.

О. ГУСЕВ

Слушает демифон

Если вы захотите позвонить инженеру Л. А. Демиховскому, то достаточно снять трубку и набрать номер. Даже если его нет дома, вы услышите его голос: «Меня сейчас дома нет. Вы можете сказать, кто звонил. Аппарат передаст мне».

Оказывается, вы говорили с демифоном — так назвал свой аппарат Л. А. Демиховский.

При помощи несложного приспособления, подсоединяющего обычный магнитофон к телефону, инженер сконструировал своеобразного механического секретаря. Возвращаясь с работы, Демиховский включает магнитофон и слышит голоса тех, кто звонил.

Несомненно, что демифон может быть с успехом использован в различных учреждениях, облегчая труд секретарей.

Л. ЛИФШИЦ

ко ковыряли еду. Впрочем, мне это не помешало. Я отведал и редьки с маслом и пресловутых «цеппелинов», кои оказались вполне приятными котлетами из мяса в картофельной оболочке. Выпил я и отличного кофе, после чего принялся снова расшевеливать моих спутников. Они промолчали весь завтрак.

— Пойдемте в музей,— предложил я.— Помнится, тут есть картина какого-то неизвестного живописца на весьма фривольную тему: «Месть девушки». Может, она развеселит нас, если уж приходится столько мучиться в ожидании самолета. Да и вообще музей здесь должен быть довольно богатым...

Гордеев безразлично кивнул. Марта даже не подняла свои небесно-голубые глаза.

Выходя из гостиничного буфета, мы увидели администратора. Он резво бежал навстречу.

— Товарищ Гордеева?—обратился он к Марте.— Вас просят к телефону. Пожалуйте сюда...

Редко мне приходилось видеть, чтобы лицо человека да и вся его стать могли бы так резко меняться. Марта вытянулась, как струнка, взгляд стал острым, лицо украсилось оживлением, ожиданием, надеждой. В то же время она словно бы разглядывала мир внутренним взглядом, чувствовала его всеми нервами. Испуганно-радостно и в то же время извиняясь, посмотрела она на мужа. «Но я же не виновата, ведь это не я, а мне позвонили!» — вот что можно было прочитать в этом взгляде. И я хмуро подумал: «А может, и нельзя мешать человеку, который так остро чувствует другого...»

Гордеев кивнул, словно прощал ее, и увлек меня за собой вверх по лестнице, должно быть, боялся, что я услышу этот разговор, а может, и сам не хотел слышать. Со второго марша он пошел медленнее, будто вся сила ушла от него, ноги переставлял, как ватные. Впрочем, снизу уже слышался голос Марты, окликавший нас:

— Подождите меня!

Она не хотела притворяться, делать скорбное или постное лицо. Ведь все шло так, как ей хотелось. Ей позвонили. Должно быть, она все утро сидела в ожидании этого звонка и теперь была бесконечно благодарна, что он не только позвонил, но и разыскал ее.

— Что мы будем делать? — весело спросила она.

Я опять подивился тому, как может меняться человек. Она уже ничего не помнила из того, что было до звонка. Ее жизнь только что начиналась.

— Мы собирались в музей...— напомнил Гордеев.

— Ну, в музей так в музей! — словно бы пропела она, входя в номер. Но, вместо того чтобы сразу одеться, как сделал Гордеев, надолго замерла у зеркала, оглядывая себя с каким-то веселым изумлением, как будто удивлялась, что ее, именно ее, такую, какой она стоит в зеркале, любят... По-видимому, ее поражало уже не то, что она сама любит, а то, что и тот, бесконечно нужный и дорогой, любит ее...

Было жаль разрушать это ощущение сладкого и легкого сна, но я видел лицо Гордеева, поэтому довольно грубо поторопил:

— Ну что ж, пойдемте навстречу искусству!

Она встрепенулась и заметалась по комнате, похожая на птицу, которая еще только учится летать: движения робкие, неуверенные, а глаза смотрят все радостнее и радостнее. О чем она могла условиться за те короткие минуты, когда стояла наедине с телефонным аппаратом?

Должно быть, эта мысль пришла и мне и Гордееву одновременно. Он спросил:

— А найдут нас, если вдруг окажется, что можно лететь?

— Не беспокойтесь! — ворчливо ответил я.

Мне подумалось, что Марте уже не хочется лететь. Глаза ее мгновенно затуманились, но тоже не так, как это было утром. Сейчас просто пробежала тучка и рассеялась, а утром глаза были тусклыми, как у слепой.

На улице шел тяжелый, мокрый снег, и прохожие были похожи на причудливых белых гномов, которых снег пригибал к земле. Порой из переулка вырывался ветер, и тогда снег летел полосами, как нескончаемый театральный занавес, который тянут и тянут, а сцена все не открывается. Но стоило миновать переулок, как снег успокаивался и превращался в плотную завесу из падающих нитей, будто они тут же и прялись и ткались, и казалось, что вот они опутают и тебя, и здания, и весь город, и все станет неподвижным. Только, звеня и посвистывая, будет падать с крыш и из желобов вода — единственное, что остается вечно подвижным...

На огромной площади, которую невозможно было рассмотреть из-за снега, в низкое небо уперлась башня, стоящая так косо, что страшно было подойти к ней: вот-вот упадет. Башня сторожила вход в музей.

В здании было полутемно от пурги, залепившей окна,— мы выбрали не самое лучшее время для посещения картинной галереи. Обширный притвор бывшего храма, разделенный стендами, и широкие коридоры, и переходы были пусты, шаги наши звучали, как барабанный бой на площади.

С левой стороны я сразу увидел пресловутую «Месть девушки» неизвестного автора. Исполненное ужаса лицо поверженного мужчины, натуралистические струйки крови, злобно торжествующее лицо девушки, повернутое к покинувшему ее любовнику,— все было сделано на том пределе, когда трудно определить, искусство ли это, собственно, или только мазня. Скорее, все-таки мазня!

Меня поразило то, что большинство картин старой школы было помечено табличками «Художн. неизв.». Да и время написания картин толковалось слишком приблизительно: не десятилетиями, а веками: «XVI—XVII вв.».

Марта Кришьяновна сразу отделилась от нас: ушла в отдел национальной живописи. Я заглянул было туда, но ни картин Чюрлиониса, ни скульптур Петролиса там не увидел, а остальные меня меньше занимали. Я вернулся к Гордееву.

Гордеев подолгу стоял у той или иной картины, недовольно бормоча: «Подделка!» — или: «Неумелая копия!» — или: «Почему бы им не попытаться установить автора?» — и шел дальше, все больше мрачнея. Я спросил:

— Чем объясняется этот разнобой в определении авторства? Невниманием? Незнанием?

Гордеев сердито ответил:

— Здесь собрано все, что удалось отыскать в бывших помещичьих усадьбах. Нельзя забывать, что народ здесь долгое время жил без собственной государственности. Им пришлось начинать с пустого места. Но вы правы, многое можно было уже сделать! Смотрите, сколько картин нуждается в реставрации!

Он остановился у стенда и принялся разглядывать пятно, под которым висела медная табличка: «Женский портрет. Художн. неизв. XVII—XVIII вв.».

Светлое пятно отчетливо выделялось на грязно-сером фоне стены. Картину, должно быть, сняли недавно.

— Ну вот, видите,— заметил я,— все-таки кое-что реставрируют!

Я пошел дальше, уже без большого интереса разглядывая эти копии с копий и лишь изредка останавливаясь перед отдельными полотнами, в которых вдруг пробивалось пламя таланта. Таких картин было, к сожалению, мало.

Оглянувшись, я увидел, что Гордеев все стоит на том же месте, но теперь он что-то измерял на стене, вызывая недоверчивое изумление женщины-служительницы, до того спокойно дремавшей возле решетки калорифера, излучавшего тепло. Потом Гордеев вдруг оторвался от стены и торопливо направился к входным дверям галереи, где сидела в стеклянной будке кассирша.

Он поговорил о чем-то с кассиршей, получил у нее книгу, как будто каталог, заглянул в него и вдруг бросился ко мне. Я поспешно пошел навстречу.

— Вы узнаете это? — воскликнул Гордеев, протягивая каталог.

Я узнал. В каталоге под номером 86 была изображена «Женщина в красном», которую мы обнаружили в Риге.

Увидев творения Эль Греко один раз, их невозможно спутать с чужими. Но их зато легче и копировать, придавая ту же остроту трактовки или, как делал Эль Греко, сочетая, казалось бы, несоединимые цвета: розовое — с зеленым, черное — с изумрудным, серо-зелено-черное — с красным и так далее. Удлиненные овалы лиц, вытянутые фигуры — все остается в памяти. И на этой бесцветной фотографии из дешевого каталога мне чудились яркие краски только что найденной нами картины. Я, как и сам Гордеев, был убежден: это наша «Женщина в красном».

— Где директор галереи? — громче, чем следовало бы, спросил Гордеев у окончательно проснувшейся служительницы.

Она робко указала рукой. К нам уже спешил почтенный старец с окладистой бородой, развевающимися где-то далеко за спиною полами расстегнутого пиджака, должно быть, возмущенный нарушением чинной тишины, которое совершил Гордеев, топоча тут, как слон, и крича, как с глухими.

— Где у вас эта картина? — не понижая голоса, спросил Гордеев, протягивая директору каталог.

— Эта? — Директор пожевал губами, разглядывая нас достаточно неприязненно, но, наверно, наш взволнованный вид что-то сказал ему, так как он сдержанно ответил: — Восемьдесят шестой номер отправлен для реставрации в мастерскую профессора Гордеева в Москву! — и умолк, с достоинством ожидая, как мы объясним свой неуместный интерес.

— Н-не м-может б-быть! — заикаясь, выдавил Гордеев.

— Позвольте, с кем имею честь? — уже подозрительно спросил старец, не отводя глаз от бледного лица Гордеева. Я потянулся было взять Гордеева под руку — мне казалось, что он вот-вот упадет,— но Александр Николаевич отстранил мою руку.

— Я профессор Гордеев! — странно свистящим голосом сказал он.

— Разрешите мне взглянуть на ваши документы? — дрожащим голосом спросил директор.

Острые колени его заходили ходуном. Теперь мне уже подумалось, что двоих падающих в обморок мне не удержать.

Гордеев лихорадочно шарил по карманам, суя в руки директора паспорт, командировочное удостоверение, билет Союза художников, еще какие-то бумаги. Старик, мельком взглянув на документы, упавшим голосом спросил:

— Что-то случилось с картиной?

— Теперь я уже и сам не знаю, что с нею случилось! — Гордеев сунул бумаги обратно, потер мокрый лоб.— Покажите мне это требование! — попросил он.

Старик засеменил впереди, мы двинулись следом. Я все-таки взял Гордеева под руку. По-моему, у него подскочило давление и все шло кругом перед глазами, так неуверенно он шагал.

В кабинете директора, маленькой клетушке, выгороженной в бывшем алтаре храма, Гордеев бессильно опустился на стул да так и замер. Директор поискал в папках и передал ему документ.

Да, это было предписание директору музея отправить на реставрацию картину «Женский портрет. Художн. неизв. XVII—XVIII вв.», числящуюся в каталоге музея под номером 86...

Бланк, номер, число, текст, написанный на машинке,— все было подлинным. Гордеев узнал даже машинку мастерской, да и я помнил ее неровный шрифт: нам приходилось обмениваться разными документами с мастерской. Но вот подпись... Подпись была Гордеева, со всеми ее подробностями, с прочерком в конце фамилии, с перечеркнутой на трети высоты заглавной буквой, и, однако, это была подделка...

— Что... что случилось с картиной? — робко перебил наше тяжелое молчание директор.

— Картина найдена. Но мы даже не знали, что она из вашего музея.

— Найдена? Значит, она была похищена?

— Да.

Но теперь уже нельзя было остановить любопытство директора. К счастью, я вспомнил, что Марта Кришьяновна где-то блуждает одна по улицам и переулкам галереи, и отослал Гордеева к ней. Уходя, он предостерегающе шепнул:

— Ни слова Марте!

Осень. Падают листья.
Фото В. Рождественского.

Но и мне самому не хотелось ничего говорить о происшедшем.

Проводив Гордеева, я спросил директора галереи:

— Откуда к вам попала эта картина?

— А разве это имеет значение?

— Теперь все, связанное с картиной, имеет значение...

Директор, охая и вздыхая, копался в инвентарных книгах. А мне больше всего хотелось выбраниться. Но как его бранить? Разве мог этот чинный и вежливый человек предположить, что за вверенными ему ценностями ведется охота? И все-таки я не мог простить ему того, что он, пятнадцать лет проходя не однажды в день мимо «Женщины в красном», ни разу не подумал: «А чьей кисти может принадлежать эта картина?» Ведь теперь имеется не один десяток способов помочь ему в определении авторства! И рентгеновское просвечивание, и фотографирование ультрафиолетовыми лучами, и, наконец, перенос картины на другой холст могли бы многое подсказать вдумчивому исследователю... А он заприходовал бесценное произведение искусства и ограничился этим! А сколько у него в галерее висит еще картин, авторы которых «неизвестны», как он пишет на медных и жестяных пластинках с инвентарным номером...

Директор прекратил свое копание в пыльных книгах и равнодушно сказал:

— Картина поступила к нам восемнадцатого августа тысяча девятьсот сорокового года из Брегмановского антиквариата. В начале войны была эвакуирована со всеми ценностями музея в Кировскую область...

— Что это за антиквариат?

— В Прибалтике действовала фирма «Брегман и К°» по торговле антикварными предметами и картинами. В нашем городе находился филиал фирмы, который был закрыт при передаче торговых контор и крупных магазинов государству.

— Почему картина была определена как итальянская и без указания автора?

— Вероятно, со слов продавца или директора фирмы...— Он пожал плечами.

— И вам никогда не приходило в голову попытаться определить автора?

— О боже мой!.. Тогда было получено столько всяческих подделок, что это никого не могло интересовать...

— Однако же, как вы видите, кого-то это интересует! Кстати, вы не знаете, художник Герберт Брегман имеет какое-нибудь отношение к этой фирме? К ее владельцам?

— Если и имеет, то весьма отдаленное. Сколько я знаю, главная контора компании всегда находилась в Лондоне..

Я невольно присвистнул.

— Но она, по-моему, лопнула или влачит самое жалкое существование,— успокоил меня директор.— Мы уже много лет не получаем никаких проспектов этой фирмы.

Я его почти не слушал. Дело оборачивалось самым странным образом. Где-то в Лондоне живет некто, кто знает наши сокровища лучше, чем мы сами. Кто знает, не обнаружим ли мы еще не одну пропажу?

Я довольно грубо посоветовал:

— Постарайтесь усилить охрану вашей галереи. И пригласите экспертов! Очень может случиться, что среди тех картин, авторы которых для вас неизвестны, найдутся такие, авторство которых определить совсем нетрудно. Лучше сделать это вам самому, а не через уголовный розыск по поводу новой пропажи...

Марта Кришьяновна и Гордеев стояли среди зала, ничем больше не интересуясь. Завидев меня, Марта Кришьяновна сказала:

— Я устала и замерзла. Пойдемте домой... Вспомнив утренний звонок по телефону, я подумал: «Ей скоро нужно быть в городе в определенном месте».

Муж мог отпустить ее. Но я был другом ее мужа, у меня было больше права беспокоиться о них обоих. И я не хотел, чтобы Александр Николаевич сдавался без борьбы.

Площадь была по-прежнему затянута дрожащей, колеблющейся пеленой снега. Мир ощутимо сжимался, его границы не превышали границ площади. Только вверх по течению реки угадывался в сером сумраке огромный купол католического собора.

Падающая башня, казалось, наклонилась еще ниже.

— А не зайти ли нам в собор? — тоном заправского гида спросил я.— Будет стыдно, если мы не посетим этот выдающийся архитектурный памятник...

Гордеев, занятый своими мыслями — я-то знал, какими! — только безмолвно кивнул. Марта Кришьяновна хотела возразить, но я уже взял ее под руку и повлек к стоянке такси.

Машина затормозила у заснеженного входа. Рядом стояли два экскурсионных автобуса. Когда молебствия в храме кончались, им безраздельно овладевали туристы.

Распахнулась дверь, и повеяло мертвящим холодом. Причт храма, как видно, экономил на отоплении. Огромная каменная чаша для омовения рук была покрыта льдом. Светильники перед иконами и статуями были погашены. Свет лился только сверху, точно с неба. Но при таком освещении храм производил еще более величественное впечатление.

Я шел вслед за Гордеевым и думал: если он старше, то должен быть по крайней мере умнее, с более сильной волей, выше духом, чем его молодой соперник. А он боится воевать и едва ли сумеет победить в этом соревновании. Лучше бы ему жениться на тихой, спокойной женщине «сорока с лишним лет...», как говорил когда-то Есенин, может быть, та посчитала бы себя «облагодетельствованной» и вечно таила бы в своей душе благодарность к человеку, избавившему ее от одиночества...

Они шли по храму, как слепые, не поднимая глаз, и я уже отчаялся, что смогу привлечь их внимание к этой чудесной лепке на стенах и колоннах, к этим статуям, вылепленным доморощенными мастерами, оставившими на каждой из них свой родовой знак как подпись, как самоутверждение. Вот один из этих мастеров лепил гроздья винограда и лавровые венки, а внутрь этой лепки вписал плетеную домашнюю сумку из корневищ сосны, в какой приносил сюда свой нехитрый обед. Вот другой, закончив хитрое альфрейное витье из роз, оставил внизу вместо подписи скрещенные топор и рыбацкую острогу, чтобы потомки знали: его фамилия Плотник, а занимался он рыбацким делом, эту же работу во славу бога выполнял лишь по обету или по приказу ксендза. Третий неведомый художник, писавший маслом младенца в хлеву, собрал овец возле кормушки, и написана эта кормушка из ивовых прутьев куда тщательнее, чем лица волхвов, пришедших поклониться младенцу. Кормушку-то художник видел ежедневно, а что ему было до волхвов?

И все-таки нельзя было отказать этим неведомым художникам в величественности. Статуи Христа и девы были огромны и массивны, как идолы древней религии, на смену которой пришло христианство. Приготовленные для выноса в процессиях хоругви напоминали цеховые знамена: столько украшений было навешано на них. Да и среди изображенных на стенах картин-икон наряду с итальянскими или польскими работами попадались картины-иконы местных художников, поражавшие вдруг возникающим местным сельским пейзажем, равниной или рощицей березок, полем жита или льна...

Я пытался привлечь внимание Гордеева и Марты Кришьяновны к этим внезапным, как проблеск молнии, прихотям живописцев, но они оба равнодушно отводили глаза. Наконец мне показалось, что в самом движении этих непослушных туристов есть какая-то система, я вдруг увидел, что они все время идут по кругу, тщательно обходя густую толпу экскурсантов, собравшихся возле одной из колонн, и в то же время неуклонно приближаясь к толпе,— совсем, как мальчишки, что ходят возле оставленного взрослыми запретного предмета, все суживая круги, чтобы вдруг броситься коршуном и завладеть.

Я прошел к колонне.

На небольшой стремянке, приставленной к колонне, стоял художник и резкими, точными движениями обновлял старую икону. Он стоял спиной к безмолвной толпе, и только по широким плечам я узнал Брегмана.

Он, видимо, торопился, а может, внезапно нагрянувшие экскурсанты раздражали его, и потому работал чисто механически. Впрочем, основное — голова мадонны, ее плечи, руки, скрещенные на груди,— было готово, сейчас художник обновлял фон. Выдавив из разных тюбиков краски на палитру, он размазывал их не кистью, а мастихином и наносил жирные точные мазки, накладывая слой на слой, как будто не писал, а лепил плоскость. Еще мазок, еще, вот еще три-четыре мазка, и бледный, выцветший уголок иконы закрашен, даже не закрашен, а залеплен жирными полосами и пятнами, не сливающимися одно с другим, наплывающими одно на другое. Вот он содрал мастихином оставшиеся краски с палитры, подумал и наложил все это несмешанное пятно в самый угол, провел мастихином для верности еще раз, сглаживая, и оно вписалось в фон, как булыжник на площади, где стоит мадонна. Да, глаз у художника был острый и верный, камень под ногами мадонны заблестел, как только что отмытый дождем или ее слезами, смуглый, опаленный солнцем. Насколько я мог судить, икона была кисти одного из итальянских мастеров: мадонна стояла на площади маленького старинного городка, может, того самого, где только что осудили и заточили ее сына. За спиной мадонны видна крепость или тюрьма, а мать обратила лицо к зрителям, словно жалуясь им.

Художник собрал свой нехитрый инструмент и спрыгнул с лесенки.

В этот миг он увидел нас.

Прежде всего он взглянул на часы. Я понял: увлеченный работой или обязанный закончить ее, он забыл о времени и удивлялся тому, что его нашли здесь. Потом перевел взгляд с Марты на нас и торопливо задернул шитым покрывалом икону, словно именно мы были недостойны смотреть на нее. Сняв с руки палитру и бросив ее на стоявший возле стремянки столик, он вытер руки заткнутой за пояс тряпкой, дружелюбно улыбнулся и насмешливо спросил:

— Пришли посмотреть, как работают современные богомазы?

Но визит наш был ему не по душе, это стало понятно, когда он оглянулся, чтобы посмотреть, хорошо ли закрыта икона.

— Это все наш гид виноват,— неловко пробормотал Гордеев, кивая в мою сторону.— Пойдемте да пойдемте, покажу вам собор.

Он оправдывался, когда следовало нападать! Марта молчала. Взгляд ее беспокойно скользил по храму, останавливаясь то на зарешеченных отдушинах исповедален, к которым приникают верующие губами, чтобы исповедник не видел их выдающих прегрешения лиц, то на каменной чаше для водосвятия, возле которой остановилась какая-то только что пришедшая верующая, тщетно пытаясь окунуть руки в покрытую прозрачным льдом воду. Брегман поискал взгляда Марты, но та сделала вид, что не заметила этого.

— Что же, пойдемте отсюда! — предложил Брегман.— Холод здесь адский, раем и не пахнет! Не будь нужды в деньгах, ни за что бы не согласился! Еще воспаление легких наживешь!

Он говорил это просто, безлично, но я видел, каких усилий стоило ему это безличие. Подняв край покрывала, я взглянул на смуглый булыжник, только что возникший на моих глазах из ничего и смешанной краски, спросил:

— Вы всегда мастихином пишете?

— Нет, конечно, но когда тороплюсь, то мажу. Быстрее! — односложно пояснил он. Взгляд его все время беспокойно скользил по лицу Марты, по ее согнутой фигуре, но не мог встретить ответного взгляда.— Так что же мы, собственно, стоим? — настойчиво спросил он снова.

— Да мы уже все видели! — неопределенно ответил я.— Можно и уйти!

Брегман как-то подозрительно взглянул на меня, но промолчал. Он сунул палитру, тюбики с красками и кисти вместе с мастихином в ящик столика, еще раз вытер руки, вынул из кармана своей куртки берет, опять оглядел нас, напомнил:

— Так пошли?

Мы двинулись за ним.

Окончание следует.

На фотографии два литератора. Слева — поэт Сергей Александрович Есенин; справа — прозаик Леонид Максимович Леонов.

Оба были молоды, когда фотокорреспондент сделал этот снимок. Л. М. Леонов, к которому мы обратились, рассказал короткую историю фотографии.

«Было это так. Весной 1925 года мы встретились с Сергеем Есениным в редакции журнала «Прожектор». Не помню уж, о чем разговаривали. Сотрудники редакции попросили нас сняться:

— Когда-то вы еще окажетесь у нас вместе?..

Как всегда бывает, когда надо сниматься, мы не знали, куда спрятать руки и какое выражение лица принять. Стояли, курили. Я будто бы что-то рассказывал, он будто бы слушал.

Снялись и забыли об этом. Через какое-то время снова оказались вместе в «Прожекторе». Нам подарили фотографию. Но оказался только один экземпляр. Видно, у фотографа было туговато с бумагой.

Как быть? Есенин предложил истинно соломоново решение:

— Разрежем снимок. Тебе — твое, мне — мое.

Разрезали. Что-то он был грустный в тот день...

У меня до сих пор хранится часть этого снимка. Мне было приятно увидеть фотографию полностью... Лишний раз вспомнить молодость — хорошее дело!..»

М. КВАРЦЕВ

О Сергее

Заметки литературоведа

Ю. ПРОКУШЕВ

«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянья»,— писал С. А. Есенин в одном из стихотворений. Эти слова можно отнести и к самому поэту. Чем дальше время отделяет нас от его гибели, тем рельефнее, весомее предстает перед нами поэтическое наследие Есенина.

Поэт о себе

Когда в прошлом заходила речь о Есенине, усиленно подчеркивалась религиозность молодого поэта, а то и прямо говорилось о «церковно-мистической закваске», полученной им в юные годы. Подготавливая собрание своих сочинений для Госиздата, Есенин в январе 1924 года написал предисловие к тому лирических стихов, где указывал, как следует относиться к религиозным образам в его ранних стихах. Это предисловие, близкое по характеру к автобиографическим заметкам Есенина, при жизни поэта не публиковалось. Отдельные высказывания из предисловия приводились в некоторых статьях о Есенине. Ниже впервые печатается полностью текст этого предисловия, важного для правильной оценки творчества поэта.

«В этом томе собрано почти все, за малым исключением, что написано мной с 1912 года. Большие вещи: «Страна негодяев», «Пугачев» и др(угие) отходят во 2-й том.

Все творчество мое есть плод моих индивидуальных чувств и умонастроений. Мне не нужно было бы и писать предисловие, так как всякий читатель поймет это по прочтении всех моих стихов, но некоторые этапы требуют пояснения.

Самый щекотливый этап — это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась на моих ранних произведениях. Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим: он есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности. На ранних стихах моих сказалось весьма сильное влияние моего деда. Он с трех лет вдалбливал мне в голову старую патриархальную церковную культуру. Отроком меня таскала по всем российским монастырям бабка.

Литературная среда 13—14—15 годов, в которой я вращался, была настроена приблизительно так же, как мой дед и бабка, и потому стихи мои были принимаемы и толкуемы с тем смаком, от которого я отмахиваюсь сейчас руками и ногами.

Я вовсе не религиозный человек и не мистик. Я реалист, и если есть что-нибудь туманное во мне для реалиста, то это романтика, но романтика не старого нежного и домообожаемого уклада, а самая настоящая земная, которая скорей преследует авантюристические цели в сюжете, чем протухшие настроения о розах, крестах и всякой прочей дребедени. Поклонникам Блока не следует принимать это за то, что я кощунственно бросаю камень на его могилу. Я очень люблю и ценю Блока, но на наших полях он часто глядит, как голландец. Все же другие мистики мне напоминают иезуитов.

Я просил бы читателей относиться ко всем моим Исусам, Божьим Матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии. Отрицать я в себе этого этапа вычеркиванием не могу так же, как и все человечество не может смыть периода двух тысяч лет христианской культуры, но все эти собственные церковные имена нужно так же принимать, как имена, которые для нас стали мифами: Озирис, Зевс, Афродита, Афина и т. д.

В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувствование и ту образность, которая указала пути многим и многим молодым поэтам и беллетристам. Не я выдумал этот образ. Он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах. Он живет во мне органически, так же, как мои страсти и чувства. Это моя особенность, и этому у меня можно учиться, так же как я могу учиться чему-нибудь другому у других».

Как создавалась «Кантата»

7 ноября 1918 года... «К 11 часам Красная площадь запружена народом. Раздаются звуки «Интернационала» и стройными рядами начинают прибывать войска. С Театральной площади направляется колонна Всероссийского ЦИК... колонна подходит к башне, где мемориальная доска. Сюда же подходит и устраивается колоссальный хор и оркестр «Пролеткульта». Опять звуки «Интернационала». По площади движется большая колонна членов 6-го съезда Советов. Депутаты подходят и выстраиваются против мемориальной доски у ступеней подножья. Торжество начинается... В. И. Ленин, поднятый на руки окружающими, срезал ножницами печать на задрапированной доске, и покров падает к ногам. Глазам присутствующих представляется белокрылая фигура с веткой мира в руке и надписью: «Павшим в борьбе за мир и братство народов». Площадь оглашается скорбными звуками: «Вы жертвою пали в борьбе роковой», склоняются знамена. Вся площадь, вся толпа, как один человек, обнажает головы. Под гром аплодисментов и восторженных криков на высокую ораторскую трибуну поднимается Ленин. Водворяется глубокая тишина».

Эти скупые строки газетной заметки из «Вечерних известий Московского совета рабочих и крестьянских депутатов» за 8 ноября 1918 года воскрешают знаменательное событие первых лет Октября, с которым непосредственно связана история одного стихотворения Есенина. К торжественному открытию кремлевской мемориальной доски вместе с поэтами М. Герасимовым и С. Клычковым он написал «Кантату», посвященную памяти погибших борцов революции. Из трех частей «Кантаты» Есенину принадлежит вторая.

Как создавалась «Кантата», рассказал нам скульптор С. Т. Коненков, выполнивший кремлевскую мемориальную доску.

— С Есениным я встречался еще до революции, в 1914—1915 годах. Впервые привел его ко мне в мастерскую Сергей Клычков. Есенин несколько раз бывал у меня до Октября 1917 года. Позднее он стал бывать у меня довольно часто...

К первой годовщине Октябрьской революции было решено установить обелиск у кремлевской стены в память о героях революции. Московский Совет объявил конкурс. По конкурсу прошел мой проект, и мне поручили сделать мемориальную доску-надгробие. Я приступил к работе. Времени было мало. В мастерской в те годы у меня бывали Клычков и Есенин. Как-то в разговоре с ними я сказал, что хорошо бы написать стихи для торжественного открытия мемориальной доски. Они живо и охотно откликнулись на мое предложение. К ним подключился поэт Михаил Герасимов, с кото-

Есенине

рым в то время Есенин был близок. Композитор Иван Николаевич Шведов написал на стихи Есенина, Клычкова и Герасимова музыку. Так появилась «Кантата». На митинге, посвященном открытию мемориальной доски, в день первой годовщины Октября, оркестр и хор исполнили «Кантату». На митинге выступал Владимир Ильич Ленин.

Критик

Эта часть литературного наследства Есенина почти неизвестна читателям. Ни в собрание сочинений, которое вышло вскоре после смерти поэта, ни в последующие издания книг Есенина эти материалы не вошли. Некоторые выступления поэта по вопросам литературы были при его жизни помещены в журналах и газетах. Отдельные высказывания Есенина на литературные темы напечатаны в последние годы («В. Я. Брюсов» и другие).

В некоторых статьях о Есенине упоминается его ранняя заметка о Глебе Успенском. Вот ее текст.

«Когда я читаю Успенского,— писал девятнадцатилетний Есенин,— то вижу перед собой всю горькую правду жизни. Мне кажется, что никто еще так не понял своего народа, как Успенский. Идеализация народничества 60 и 70 годов мне представляется жалкой пародией на народ. Прежде всего, там смотрят на крестьянина как на забавную игрушку. Для них крестьянин — это ребенок, которым они тешатся потому, что к нему не привилось ничего дурного. Успенский показал нам жизнь этого народа без всякой рисовки. Для того, чтобы познать народ, не нужно было ходить в деревню. Успенский видел его и на Растеряевой улице. Он показал его не с одной стороны, а со всех».

Есенин живо следил за творчеством писателей-современников. «Ранним утром,— вспоминает один из них,— я встречаю Есенина на Тверской: он несет целую охапку книг: издания «Круг». Так и несет, как охапку дров. На груди. Обеими руками...

— Я занимаюсь просмотром новейшей литературы. Нужно быть в курсе современной литературы».

О творчестве писателей-современников Есенин говорит в своих литературных выступлениях. Не все они опубликованы при жизни поэта. Среди этих материалов — автограф статьи Есенина о сборниках пролетарских писателей. В ней идет речь о «Сборнике пролетарских писателей», который вышел в 1918 году в издательстве «Парус» под редакцией А. М. Горького, А. Сереброва и А. Чапыгина, а также о поэтическом сборнике московского Пролеткульта «Завод огнекрылый».

«Сборник пролетарских писателей,— указывал поэт в статье,— ярко затронул сердца своим первым и робким огнем лампады, пламя которой нежно оберегалось от ветра ладонями его взыскующих душ». Есенин рассматривает произведения, представленные в сборниках, только как первый шаг поэтов «пролетарской группы» по пути нового искусства. «Все, что явлено нами в этих сборниках, есть лишь слабый звук, показавшийся из чрева пространства, головы младенца. Конечно, никто не может не приветствовать первых шагов ребенка, но никто и не может сдержать улыбку, когда этот ребенок, неуверенно и робко ступая, качается во все стороны и ищет инстинктивно опоры в воздухе». Для примера Есенин ссылается на стихи Ивана Морозова, помещенные в одном из сборников. «Посмотрите,— говорит поэт,— какая дрожь в слабом тельце Ивана Морозова. Этот ребенок качается во все стороны, как василек во ржи. Вглядитесь, как заплетаются его ноги строф:

Повеяло грустью холодной
в ненастные дни листопада,
И чуткую душу тревожит
природы тоскующий лик.
Не слышно пленительных песен
в кустах бесприютного сада,
И тополь, как нищий бездомный,
к окну сиротливо приник.

Здесь он путает левую ногу с правой, здесь спайка стиха от младенческой гибкости выделывает какой-то пятки ломающий танец. Поставьте вторую строку на место третьей и третью на место второй, получается стихотворение совершенно с другой инструментовкой.

Этого даже нельзя придумать нарочно. Такая шаткость строк, похожая на сосну с корнями вверх. И все же мысль остается почти неизменной. Конечно, это только от бледности ее, оттого, что мысль, как мысль, здесь и не ночевала. Здесь одни лишь избитые, засохшие цветы фонографических определений, даже и не узор. Но узоры у некоторых, как, например, у Кондратия Худякова, попадаются иногда довольно красивые и свежестью своей не уступают вырисовке многих современных мастеров».

Есенину всегда были дороги и близки духовные богатства, созданные народом. Он проявлял интерес к устному поэтическому творчеству, художественному опыту писателей-классиков. И поэт не мог остаться равнодушным к пролеткультовским выпадам против классиков мирового искусства. «Перед нами,— замечает по этому поводу Есенин,— довольно громкие, но пустые строки поэта Кириллова.

Во имя нашего завтра сожжем
Рафаэля,
Растопчем искусства цветы.

Уже известно, что когда пустая бочка едет, она громче гремит. Мы не можем, конечно, не видеть и не понимать, что это сказано ради благословения грядущего. ...Но все же это сказано без всякого внутреннего оправдания, с одним лишь чахоточным указанием на то, что идет «завтра», и на то, что «мы будем сыты».

Есенин верно подметил, что наполненные «коллективным духом» и «зовом гудков» стихи многих поэтов-пролеткультовцев риторичны, заполнены абстрактно-условными образами и воссоздавали только фигуру «внешнего пролетария» и что «те, которые в сады железа и гранита пришли, обвитые веснами, на торжественный зов гудков, все-таки немы по последнему». Вот почему заслуживают всяческой поддержки, по мнению Есенина, те из писателей «пролетарской группы», которые сумели во многом избежать этих недостатков и «предугадать пришествие нового откровения», ибо, замечает поэт, «мы ценим на земле не то, «что есть», а «как будет». Именно поэтому, указывает Есенин, «так и мил ярким звеном выделяющийся из всей этой пролетарской группы Михаил Герасимов, ярко бросающий из плоти своей песню не внешнего пролетария, а того самого, который в коробке мускулов скрыт под определением «я» и напоен мудростью родной ему заводи железа.

А здесь — не согнутые спины
Взвалили уголь, шлак и сталь.
О, если б, как в волнах
дельфины,
Без кочегарок и турбины,
Умчаться в заревую даль!

К сожалению, представлен Герасимов в этом последнем сборнике весьма мало».

Автор статьи дружески желает участникам сборников смелее прокладывать по «первым вехам» пути новой литературы.

«Заканчивая эти краткие мысли о выявленных ликах сборников пролетарских писателей, все-таки скажем,— отмечает Есенин,— что дороги их в целом пока еще не намечены. Расставлены только первые вехи. Но уже хорошо то, что к сладчайшему причастию тайн, через свет их, идет Герасимов».

Мать поэта

Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Несколько лет назад, собирая материалы о Сергее Есенине, я приехал на родину поэта, в село Константиново.

Был поздний июньский вечер. В селе было темно и тихо — ни звуков гармоники, ни девичьих песен, ни света в окнах... С широкой Оки, еще хранившей на своей поверхности дрожащий отсвет вечерней зари, тянуло прохладой.

Я вошел в домик Есениных. Здесь все напоминало о поэте: и множество его фотографий, развешанных по стенам, и маленькие — в разноцветных обложках — томики его стихов, лежащие на этажерке, и немудрящая обстановка крестьянского дома.

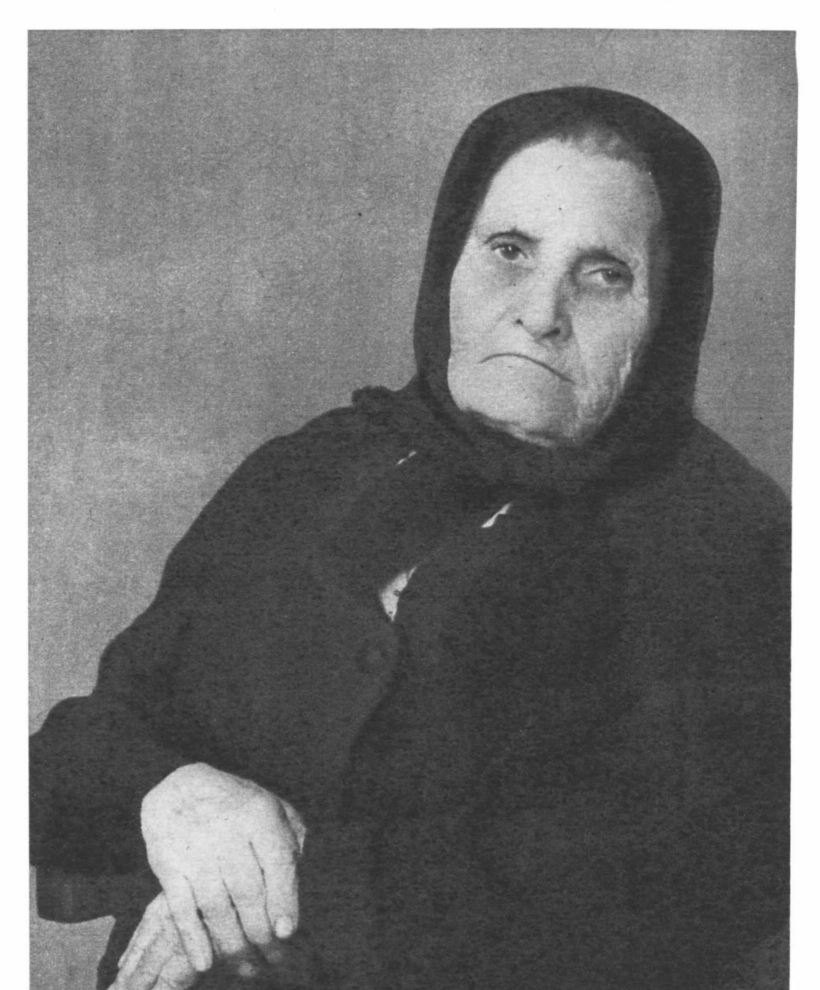
Меня оставили ночевать в этом домике.

Утром я познакомился с матерью поэта — Татьяной Федоровной. Она тихо вышла из своей комнаты, поздоровавшись легким кивком головы. С волнением вгляделся я в ее лицо: так вот она какая, эта простая, молчаливая русская женщина, с натруженными, жилистыми, крестьянскими руками, подарившая миру Сергея Есенина. У нее синие, лучистые глаза; такие же синие, лучистые глаза были у ее сына.

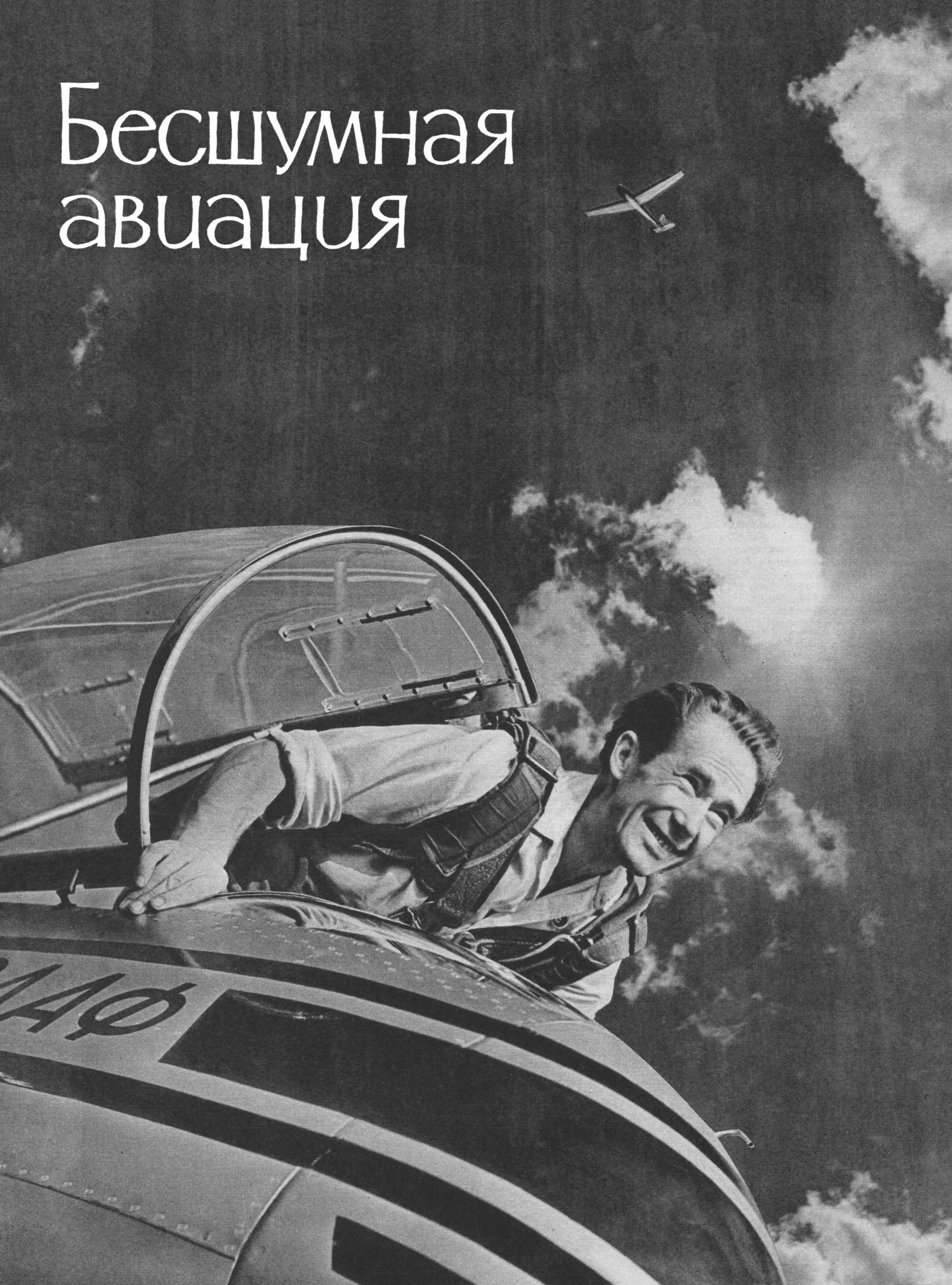
Татьяна Федоровна садится к окну, смотрит на заокские дали, на растущий перед домом серебристый тополь, посаженный много лет назад руками поэта. На этом месте часто сидел Сергей, когда, бывало, приезжал в гости, и с такой же задумчивостью смотрел на широкий, любимый им заокский простор, на милое его сердцу рязанское небо. В эти минуты мне показалось, что она по-прежнему ждет своего сына, ждет терпеливым ожиданием матери, ждет так, как когда-то ждала его возвращения домой, в деревню, из далекого города.

За окнами послышались голоса — пришли пионеры из соседнего села и просят показать им домик, в котором жил Сергей Есенин. Татьяна Федоровна выходит из дома и с радушной, доброй улыбкой приглашает маленьких белоголовых и голубоглазых гостей в свой сад, по дорожкам которого бегал когда-то босиком ее Сережа.

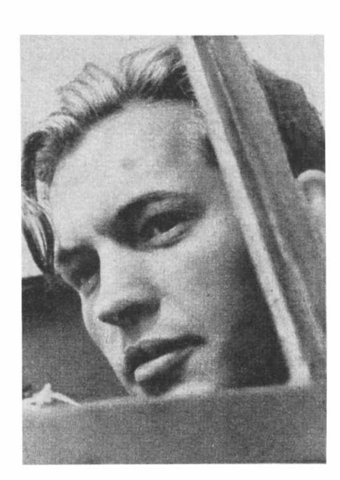
Ал. ЛЕСС. Фото автора.

Бесшумная авиация

А. ГОЛИКОВ,
Г. КОПОСОВ

Студент Гарольд Салтыков.

На аэродроме Ленинградского авиационного спортивного клуба идут полеты. Но не слышно привычного гула моторов: в воздухе бесшумная авиация. Одноместные и двухместные планеры парят в голубом небе от облака к облаку.

Мы сидим с командиром планерного звена Николаем Алексеевичем Портновым в скудной тени крыла самолета и ведем разговор о планеризме.

— Наши спортсмены,— рассказывает Николай Алексеевич,— летают хорошо. Они много тренируются. За последние пять месяцев сделали четыре тысячи полетов. Теперь у нас парение два-три часа — дело обычное. Научились и высоту набирать — поднимаемся до четырех тысяч метров.

В это время из приземлившегося планера вылезает спортсмен и подходит к Николаю Алексеевичу.

— Задание выполнено, разрешите получить замечания,— докладывает он.

— Почему прекратили полет? — спрашивает Портнов.

— Пошел к облаку, а оно рассеялось, и восходящий поток пропал.

— Это скрипач нашего театра оперы и балета имени Кирова Ричард Александрович Чивжель,— указывает на спортсмена Портнов.— Знакомьтесь.

— Чем вас привлекает планеризм?— интересуюсь я у спортсмена.

— Полет на планере — волнующее, радостное творчество, очень схожее с творчеством артиста. Может быть, я говорю несколько высокопарно, но это правда.

Скрипач и планерист
← Р. А. Чивжель.

— Чивжель,— обращается к музыканту Николай Алексеевич,— опять ваша очередь лететь.

Спортсмен извиняется, прерывает разговор и стремглав бежит к планеру.

— Воздушное семейство заходит на посадку,— говорит Портнов, из-под ладони глядя на снижающийся со стороны солнца двухместный планер.

— Семейство?..

— Это летают муж и жена — Нина Александрова и Олег Воронин. Она технолог на фабрике «Красный швейник», а муж — электрокарщик на фанерном заводе. Нина опытная спортсменка. На двухместном планере она поднималась на 2 880 метров.

Супруги-планеристы, радостные, оживленные, подходят к Николаю Алексеевичу.

— Молодцы, хорошо летали! — хвалит он их.

— Могли бы дольше парить, да вот Олег меня не послушался и потерял восходящий поток.

— Всегда у них в воздухе семейные сцены,— смеется Николай Алексеевич, а потом показывает нам на планер, парящий под большим белым облаком:

— Смотрите, сейчас будет выполняться высший пилотаж.

Планер отходит от облака, в разгоне набирает скорость и четко выполняет петлю Нестерова, потом переворот через крыло, крутую спираль...

— Кто это летает?

— Студент Гарольд Салтыков.

На аэродроме начинаются полеты с помощью автолебедки.

К установленному на старте планеру направляется невысокая стройная девушка. Она занимает место в кабине, закрывает фонарь. Раздается команда. Запущена лебедка, планер трогается с места, отрывается от земли и круто взмывает в небо. Кажется, что он катится вверх по невидимым рельсам, установленным под углом 45 градусов. Ни один самолет при взлете так круто не набирает высоту.

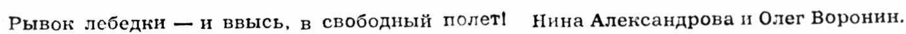
Это поднялась в воздух Галина Лебедева — сотрудница Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Она сейчас в отпуске, никуда не поехала и каждый день летает. Так использует свой отпуск не только Галина Лебедева. Многие спортсмены считают полеты на планере лучшим отдыхом.

Рывок лебедки — и ввысь, в свободный полет!

Нина Александрова и Олег Воронин.

Готовятся к полетам.

Так выглядит в дни сессии Генеральной Ассамблеи это здание. Хотя в нем расположена штаб-квартира ООН — международной организации равноправных государств,— правящие круги США сочли возможным подчинить его своему «национальному» полицейскому режиму. Неприличные дискриминационные ограничения приняты против делегаций социалистических государств, делегации Кубы. Не случайно в мире все чаще раздаются требования: выбрать другую страну для штаб-квартиры ООН.

В эти дни в Нью-Йорке

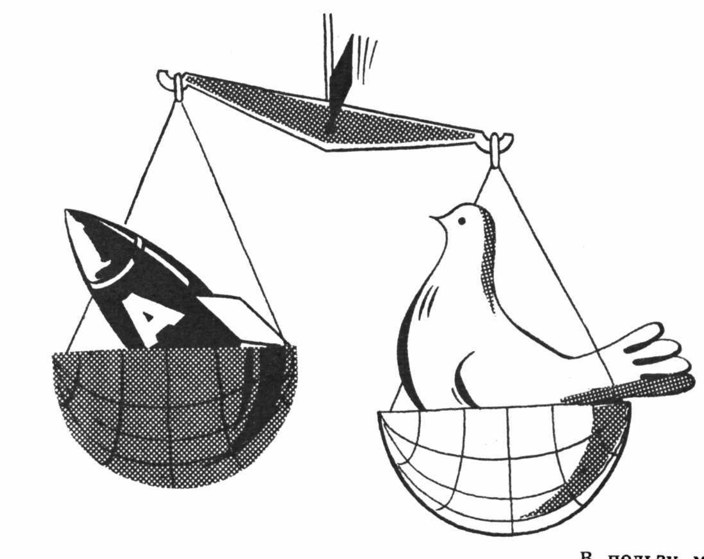
Фото Г. Боровика.

Во время работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН на одной из улиц Нью-Йорка наш корреспондент сфотографировал вот этот пикет американских негров. На щите слева написано: «Мы требуем, чтобы правительство Соединенных Штатов заплатило каждому черному мужчине, женщине и ребенку за 254 года принудительного труда, за которые никогда не было заплачено нашим предкам».

Рисунок Бор. Ефимова.

В пользу мира!
Рисунок М. Ушаца.

Слон и моськи.
Рисунок Ю. Черепанова.

Вл. РУДИМ

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

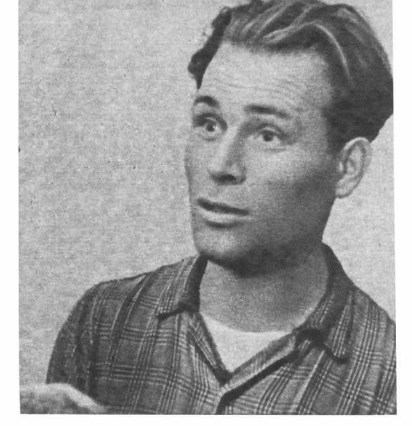
Специальные корреспонденты «Огонька»

Т. Мясникова: «В «Гастрономе» № 6 еще не научились культурно торговать».

В. Сорокина: «Продавец Радзинская заявила: «Жалоба для меня ничего не значит».

М. Соколов: «Мне пришлось два дня писать свою жалобу: заведующий не давал закончить».

О чем поведала книга жалоб

Перед нами письмо читательницы «Огонька». Она пишет: «Заинтересуйтесь «Гастрономом» № 6 по ул. Октябрьской в городе Туле. Недавно я купила там сметану, которая оказалась очень кислой и жидкой.

Я попросила жалобную книгу. Книгу мне дали с неохотой и без карандаша. Чем же все-таки писать? Я сказала, что в таком случае возьму книгу домой и там напишу. Продавщица ответила мне, что это им все равно. Я взяла книгу и вот дома прочла ее от первой до последней странички. На каждую жалобу у них сфабриковано опровержение. И на этом все кончается. А дело остается по-старому. О. Маркина».

Обычно книгам жалоб не полагается покидать свой магазин и путешествовать, тем более из города в город. Но если уж так случилось, мы заинтересовались: стоило ли этой книге совершать такую поездку?

Листаем страницу за страницей. Жалоб много! Покупатели недовольны тем, что нет оберточной бумаги, что нередко отпускается недоброкачественный товар, что из-за плохой работы кассы собираются очереди, что кассир обсчитывает, что не принимают пустую посуду и т. п. Но больше всего жалоб на грубость работников магазина.

Вот несколько записей:

«Я попросила жалобную книгу, но продавщица ответила, что жалобной книги нет, и добавила: «Иди учи дома своего мужа». Шикайлова».

«Я хотел записать жалобу по поводу очередей у кассы, но заведующий вырвал из моих рук жалобную книгу и унес в контору. М. Соколов».

«В отделе штучных товаров продавец Радзинская выдавала пиво по выбору — знакомым. Когда мы заявили об этом заведующему, он даже разговаривать с нами не захотел. Т. Мясникова, депутат горсовета».

«Продавец Радзинская недодала мне сдачи два рубля. Когда я потребовала жалобную книгу, Радзинская заявила: плевать я на жалобу хотела, она для меня ничего не значит. В. Сорокина».

Кажется, все ясно, не так ли?

В том-то и беда, что вовсе не ясно. Почти каждое заявление одних покупателей опровергается другими покупателями! Лист — жалоба, лист — опровержение...

«Мы, нижеподписавшиеся, проживающие по улице Октябрьской, 45, Сергеев, Пятин, Емельяненко, опровергаем жалобу гр. Сорокиной и считаем ее заявление неправильным...».

Кто же прав?

Мы едем в Тулу, захватив с собой эту загадочную книгу жалоб.

Вот и «Гастроном» № 6 на Октябрьской улице. Направляемся сюда вместе с депутатом горсовета Тамарой Анатольевной Мясниковой. Идем и гадаем: завели в магазине новую жалобную книгу или нет? Оказывается, завели. Вот она, на стене, в специальном деревянном ящичке. Здесь пока что только две записи. На первом листе — жалоба на грубость продавщицы Брыкиной. На втором — вы уже догадались? — на втором благодарность той же Брыкиной.

Просим заведующего А. И. Захарова:

— Дайте нам предыдущую книгу жалоб.

— Мы ее уже сдали в архив в областную контору «Гастроном»,— не моргнув глазом, отвечает Захаров.

Мне показалось, что от его слов «сданная в архив» жалобная книга зашевелилась у меня в кармане.

— Ну, а если припомнить, что было в той книге?

Захаров пожимает плечами:

— Ничего особенного. Писали, что продуктов детского питания мало.

Тамара Анатольевна не выдерживает:

— Как так ничего особенного? А жалобы на обсчеты, на грубость Радзинской, Разумовой, да и на вас, на вашего заместителя Костолындина!..

Захаров неохотно признает: были кое-какие претензии. Но тут же добавляет:

— Да ведь жалобы эти опровергнуты другими покупателями!..

Как говорят, голыми руками его не возьмешь. И мы, расставшись на время с магазином, отправляемся на поиски опровергателей.

Встречаемся с шофером Ф. А. Пятиным и экспедитором У. И. Емельяненко.

— Вы опровергали жалобу на Радзинскую?

Пятин и Емельяненко недоумевают («Да мы ничего про это и не знаем!»), а потом догадываются: Сергеев приписал их фамилии, а сами они вовсе не в курсе событий. Сергеева найти не удалось, но и разговора с Пятиным и Емельяненко, думается, было вполне достаточно.

В Ряжском переулке навещаем Нину Никитину, которая вынесла благодарность продавщице Брыкиной. Оказывается, они подруги. И Никитина — тоже продавщица, только в промтоварном магазине.

Еще один адрес, имеющий отношение к благодарностям. Тут нас ожидала полнейшая неожиданность: выяснилось, что похвалу продавщице Артемовой записал... ее муж.

— Наверное, был навеселе,— объясняет супруг в присутствии супруги.— Захотел свои чувства выразить...

Как тут не вспомнить две фразы из чеховской «Жалобной книги», где после признания «Катинька, я вас люблю безумно!» указано: «Прошу в жалобной книге не писать посторонних вещей».

А в книге жалоб «Гастронома» № 6 немало «посторонних вещей», втиснутых туда усилиями самих продавцов!

Мы снова в магазине. Теперь разговаривать с работниками прилавка гораздо легче.

Знакомимся с «героиней» жалобной книги И. А. Радзинской. Ираида Александровна делает вид, словно она сплошная добродетель. Эх, если бы такой улыбкой встречала Радзинская покупателей! Странно, что работник, на которого систематически жалуются покупатели, облечен в коллективе доверием — избран членом месткома. Вот почему под одной из жалоб на Радзинскую есть такой ответ Б. А. Костолындина (в августе он был еще заведующим): «Продавец т. Радзинская, на которую вы жалуетесь, является членом МК профсоюза, поэтому вопрос о наложении на нее взыскания за грубость и обсчет передан на рассмотрение вышестоящей организации».

Несколько жалоб на другую работницу магазина, К. И. Разумову, тоже завершились аналогичной записью: «О грубости т. Разумовой поставлен в известность управляющий тульской областной конторой «Гастроном».

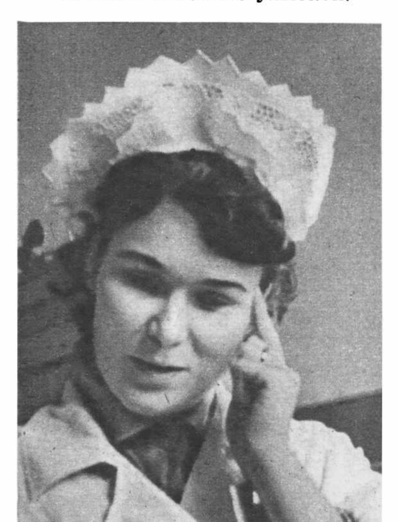
Подействовало ли это? Нет! На Разумову поступили новые жалобы. И снова стандартное: «Разумова предупреждена». Право же, при такой системе стоит магазину заказать соответствующий штамп для жалобной книги.

Порочная практика ложных опровержений и отписок прочно укоренилась в «Гастрономе» № 6. Его работники всячески избегают прямого и честного разговора с покупателями. И когда книга жалоб была унесена из магазина, этому даже обрадовались: составили акт — и, как говорят, концы в воду. А раз так, то появляется следующее распоряжение Захарова: «В августе месяце нарушений правил торговли со стороны продавцов не было, а поэтому выплатить прогрессивную доплату всем продавцам».

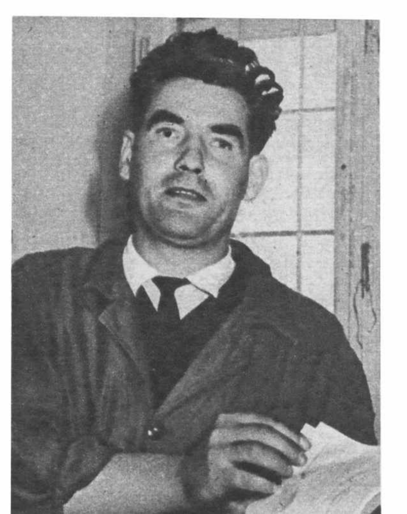
Вот о чем поведала нам книга жалоб. Но на этом история не кончается. Мы вручили книгу-путешественницу заместителю председателя горисполкома Б. П. Маликову, и он заверил, что в Туле состоится серьезный разговор о культуре торговли.

Думается, что такой разговор касается не только работников «Гастронома» № 6 и не только города Тулы. Не так ли, товарищи читатели?..

А это продавец Радзинская: она, к сожалению, не встречает покупателей такой же улыбкой.

Завмаг А. Захаров: «Нас не только ругают в жалобной книге, но и хвалят».

ЧИТАТЕЛИ «ОГОНЬКА» В 1961 ГОДУ

узнают о славных делах наших современников — разведчиков будущего,— о проблемах и открытиях науки;

совершат путешествия в зарубежные страны и посетят малоизвестные уголки нашей Родины;

увидят произведения искусства из картинных галерей СССР, Великобритании, Италии, Франции, а также работы советских и зарубежных фотомастеров;

познакомятся с новыми произведениями **советских** писателей:

Н. Адамян
П. Антокольского
С. Антонова
П. Бровки
Я. Брыля
С. Васильева
С. Воронина
О. Гончара
Н. Грибачева
Е. Дороша
В. Каверина
А. Калинина
В. Кожевникова
В. Кочетова
В. Лациса
Л. Леонова
А. Малышко
Ю. Нагибина
С. Никитина
П. Нилина
В. Пановой
Л. Первомайского
Б. Полевого
А. Прокофьева
Е. Поповкина
Г. Радова
А. Рашидова
Н. Рыбака
Н. Рыленкова
М. Рыльского
А. Суркова
К. Симонова
С. В. Смирнова
С. С. Смирнова
Л. Соболева
Я. Судрабкална
В. Солоухина
М. Турсун-заде
К. Федина
К. Чуковского
М. Шагинян
М. Шолохова
И. Эренбурга
и других.

познакомятся также с новыми произведениями **зарубежных** писателей:

А. Аббаса
Г. Белля
С. Гейма
А. Гидаша
Я. Ивашкевича
П. Карваша
К. Монтелло
А. Моравиа
П. Неруды
Д. Олдриджа
В. Сарояна
Ф. Харди
Э. Хемингуэя
К. Чандара
Чжао Шу-ли
и других.

В «Огоньке» будут печататься приключенческие и научно-фантастические повести В. Ардаматского, Н. Асанова, О. Грудинина, И. Ефремова, Л. Овалова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Краткое изложение научной работы. 5. Ударный музыкальный инструмент. 6. Дощечка для смешивания красок. 11. Знак препинания. 13. Шерстяная пряжа для вышивания и вязания. 16. Рыболовное судно. 17. Горные хребты в Средней Азии. 18. Часть математики. 19. Место для демонстрации экспонатов, товаров. 20. Рассказ А. П. Чехова. 21. Жвачное животное. 23. Персонаж пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем». 24. Курорт в Крыму. 25. Русский сатирический журнал XIX века. 26. Порядковое число предмета. 28. Часть радиоустановки. 31. Поправка. 32. Ярко-зеленый минерал.

По вертикали:

1. Планета. 2. Великий английский поэт и драматург. 3. Положение в спортивной борьбе. 6. Зачаток побега растения. 7. Кровеносный сосуд. 8. Участок ботанического сада. 9. Один из Малых Антильских островов. 10. Русский художник-пейзажист. 11. Система подготовки лошади. 12. Город в Восточной Сибири. 13. Декоративная ткань. 14. Медицинский работник. 15. Морская птица. 21. Река в Карельской АССР. 22. Земляной вал. 27. Понижение в горном хребте. 29. Минеральная вода. 30. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

3. Стрелка. 5. Крановщик. 6. Простокваша. 12. Плахта. 14. Сверло. 16. Радикал. 18. Домино. 19. Зяблик. 20. Достоинство. 21. Минаев. 22. Вуокса. 23. Отметка. 26. Анкара. 27. Якутия. 28. Циолковский. 33. Голландия. 34. Окалина.

По вертикали:

1. Гранит. 2. Словак. 3. Серсо. 4. Анита. 6. Петродворец. 7. Сага. 8. Вона. 9. Айвазовский. 10. «Наливайко». 11. Храбрость. 12. Плотина. 13. «Виринея». 15. «Одиссея». 16. Руссо. 17. Летка. 24. Трал. 25. Курс. 29. Олово. 30. Колчан. 31. Венчик. 32. Книга.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление В. Епанешникова.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото— Д 3-35-48; Оформления— Д 3-38-44; Писем— Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07336. Подписано к печати 28/IX 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. 1561. Заказ 2668.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

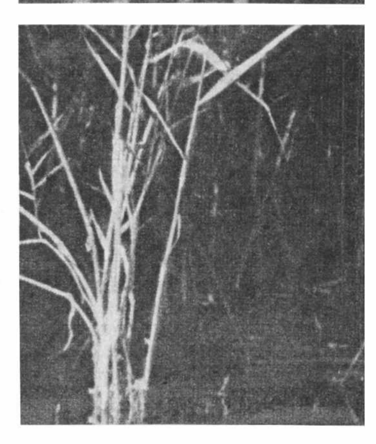

Когда-то в ранней молодости мне удалось сфотографировать дикую утку на фоне речного пейзажа. Должен сознаться, что утка была привязана. Но все равно снимок мне очень нравился. С тех пор, участвуя в различных экспедициях, с тяжелым рюкзаком и карабином за плечами, с фотоаппаратом на шее, я не упускал ни малейшей возможности снимать животных. Чаще всего это были птицы: они откровеннее. Атакуемый полчищами голодных комаров, я снимал птиц в дельте Волги, в полных ледяной воды сапогах бродил по тундре в низовьях Колымы. Под пристальным взглядом парящего бородача-ягнятника скользил на Памире по гладким скалам. Слушал уханье филина в горах Сихотэ-Алиня, токование глухарей на Алтае, трели соловьев в Подмосковье, крики лебедей на Ангаре.

Однажды на глухарином току я для удобства съемки полуприсел-полуприлег на мягкий мох. Глухарь замолчал, прислушиваясь, а предательмох медленно стал проминаться. Появилась вода, а шевельнуться нельзя. Словом, когда глухарь снова «заиграл», я оказался в довольно глубокой ванне с талой водой. И все-таки я был доволен: снимок удался.

Н. НЕМНОНОВ

Белая цапля в царской России была почти полностью уничтожена из-за перьев для эгреток, которыми украшали себя дамы. Сейчас в дельте Волги цапля встречается часто. Вот, не дожидаясь приближения лодки с людьми, она подпрыгнула, взмахнула крыльями и, вобрав длинную шею в плечи и выставив клюв, пролетела у нас над головами.

На первой странице обложки: Никита Сергеевич Хрущев.

Фото В. Лебедева.

На последней странице обложки: Монтаж изоляторов на тяговой подстанции в Тяжине. Скоро вся Красноярская магистраль будет электрифицирована.

Фото В. Борисенко.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

С 1 октября 1960 года открывается подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему на 1961 год.

В 1961 ГОДУ К ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК» БУДУТ ДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

I

24 КНИГИ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ:

В. В. ВЕРЕСАЕВА В 5 ТОМАХ

ТОМ I: повести и рассказы 1887—1900 годов, «Записки врача»; ТОМ II: повести и рассказы 1901—1906 годов; ТОМ III: «На японской войне», «Живая жизнь» (о Достоевском и Льве Толстом); ТОМ IV: «К жизни», рассказы 1915 — 1945 годов; ТОМ V: «Воспоминания» (1921—1945), фрагменты из книги «Записи для себя».

ДЖЕКА ЛОНДОНА В 14 ТОМАХ

ТОМ I: «Сын Волка» (рассказы), «Бог его отцов» (рассказы), «Дети мороза» (рассказы); ТОМ II: «Путешествие на «Ослепительном», «Дочь снегов», «Зов предков»; ТОМ III: «Люди бездны», «Вера в человека» (рассказы), «Игра», «Рассказы рыбачьего патруля»; ТОМ IV: «Морской волк», «Белый клык»; ТОМ V: «Лунный лик» (рассказы), «До Адама», «Любовь к жизни» (рассказы), «Дорога»; ТОМ VI: «Война классов», «Революция», «Железная пята», «Путешествие на «Снарке»; ТОМ VII: «Мартин Иден», «Потерянный лик» (рассказы); ТОМ VIII: «Время-не-ждет», «Когда боги смеются» (рассказы); ТОМ IX: «Рассказы южного моря», «Сын солнца» (рассказы), «Храм гордыни» (рассказы), «Лютый зверь»; ТОМ X: «Смок Беллью» (рассказы), «Смок и Малыш» (рассказы), «Рожденная в ночи» (рассказы), «Сила сильных» (рассказы); ТОМ XI: «Джон Ячменное зерно», «Звездный скиталец», «Алая чума»; ТОМ XII: «Маленькая хозяйка большого дома», «Черепахи Тасмана» (рассказы), «Голландская доблесть» (рассказы); ТОМ XIII: «Джерри-островитянин», «Майкл, брат Джерри», «Красное божество» (рассказы); ТОМ XIV: «На циновке Макалоа» (рассказы), «Сердца трех».

СЕРВАНТЕСА В 5 ТОМАХ

ТОМА I—II: «Дон Кихот»; ТОМ III: «Назидательные новеллы»; ТОМ IV: «Назидательные новеллы», «Интермедии», «Галатея» (отрывок); ТОМ V: «Странствия Персилеса и Сихизмунды».

II

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ПЯТЬДЕСЯТ ДВЕ КНИЖКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

* * *

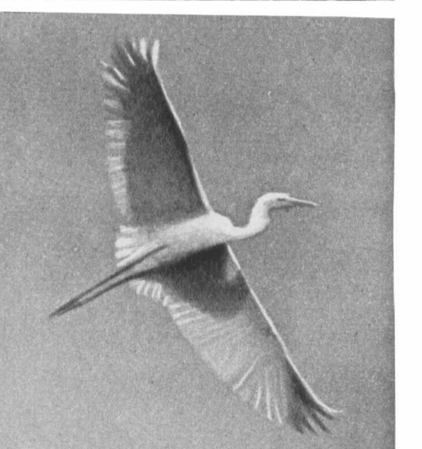
Подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему принимается в городских отделах «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также общественными уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, РТС, учебных заведениях и учреждениях.

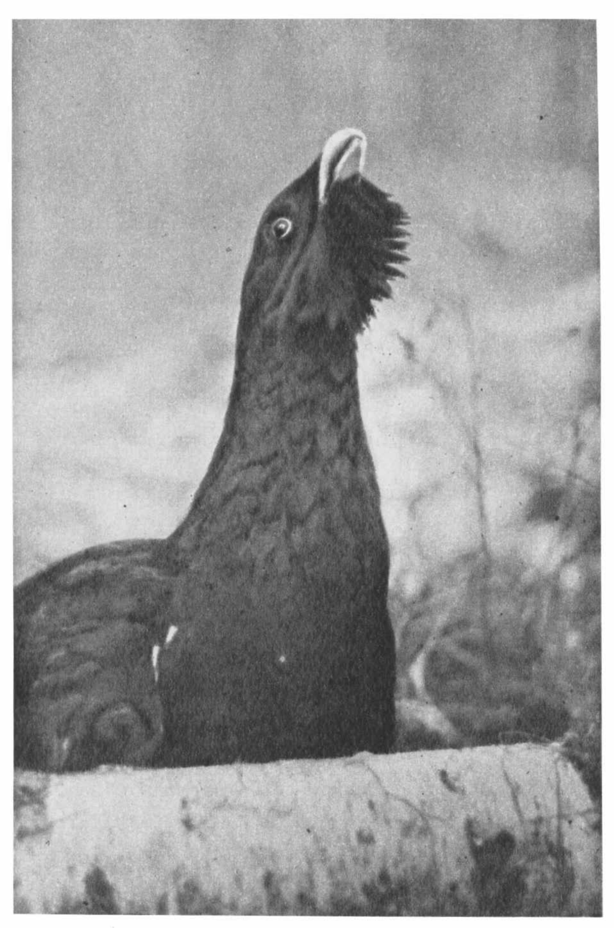
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» ПОДПИСКУ НЕ ПРОИЗВОДЯТ.

Ы

Глухарь поет весеннюю песню любви.

Белая куропатка (как видите, летом она совсем не белая) бегала с тревожным криком вокруг меня. Причина такого беспокойства была простая — птенцы.

Желтоглазый ястреб-перепелятник, страшный враг мелких пернатых, конечно, больше заслуживает заряда дроби, чем щелчка аппарата.

